МГППУ

ФАКУЛЬТЕТ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Сборник тезисов участников

15 – 23 мая 2026
Москва

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии

(15-23 мая 2026 года)

Москва
2026

УДК 159.9
ББК 88.47
С23

С23 **«Межвузовская научно-практическая интернет-конференция по юридической психологии»**. Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (15-23 мая 2026 года) / под ред. А.А. Марголиса, Н.В. Дворянчикова, Н.В. Богданович, М.Г. Дебольского, Е.Г. Дозорцевой, Л.М. Карнозовой, И.Н. Коноплевой, Е.Г. Пастуховой, Ф.С. Сафуанова; сост. О.Д. Гурина. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2026. – 267 с.
ISBN 978-5-94051-376-6

УДК 159.9
ББК 88.47

ISBN 978-5-94051-376-6
© ФГБУ ВО МГППУ, 2026

Оглавление

Дворянчиков Н.В. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО …….. 9
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ 10
Козлова О.М. Семантическая неоднородность правосознания студентов творческих и нетворческих специальностей 10
Певзнер И.В. Личность преступника в художественной литературе и публицистике дореволюционной России 14
Фролова П.С. Структура личности и бессознательные мотивы насильственного преступника в психоаналитической интерпретации 17
СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ 21
Афанасьева М.Е. Алекситимческие черты и копинг-стратегии у пациентов с расстройствами шизофренического спектра 21
Котлярова А.И. Типология поведенческих маркеров психического напряжения у свидетеля (теоретическая модель для судебно-психологической экспертизы видеозаписей допроса) 23
Никитина И.М. Негативные симптомы у лиц с расстройствами шизофренического спектра при различных формах проживания 26
Смирнова В.С. Различия в соотношении произвольного и непроизвольного запоминания в школьном возрасте 29
Ударцева В.К. Психологический анализ продуктов криминальной деятельности преступника для составления поискового психологического портрета 32
Ушакова П.Э. Анализ противопоказаний и оценка влияния депрессивных состояний на достоверность результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа 36
Филиппова М.Д. Индивидуально-психологические особенности реагирования на действия мошенников 39
Шалыгина С.А. Особенности представлений о психически больных у студентов-психологов и студентов, специализирующихся на информационных технологиях 42
ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ 46
Агапова Я.В. Травматический опыт, сексуальный стыд и диссоциативные переживания у молодых взрослых со склонностью к несуицидальному самоповреждению 46
Александрова С.О. Связь тревожности, агрессивности и склонности к риску при проблемном использовании интернетом у молодежи 49

Алексеева А.Е. Психологические механизмы, лежащие в основе феномена романтизации криминального поведения в современной медиакультуре..... 51
Аргинская И.С. Консультирование в формате «равный-равному» в контексте представлений молодых взрослых с опытом сиротства 54
Березянский А.М. Обоснование программы профилактики употребления электронных сигарет подростками..... 57
Бровкова М.Н. Связь готовности к изменениям и ценностных ориентаций у людей, зависимых от психоактивных веществ, на этапе реабилитации..... 61
Васильева А.Р. Субъективное отчуждение и типы привязанности у молодых взрослых со склонностью к фаббингу в романтических отношениях 64
Голенкова Е.В. Эмоционально-волевые особенности созависимых девушек юношеского возраста..... 66
Дворянчикова К.Н. Социальная идентичность и риск радикализации в подростково-молодежной среде..... 69
Демидович К.А. Перевод и апробация методики «Шкала опыта в отношениях между человеком и ИИ» на русскоязычной выборке 71
Демина К.А. Связь предпочитаемой тематики компьютерных игр со склонностью к девиантному поведению у молодых взрослых..... 74
Диденко Е.Д. Связь темной дюжины с синдромом упущенных возможностей у лиц, проявляющих склонность к онлайн-преследованию..... 77
Дорошенкова В.А. Связь отношения к матери и созависимости в юношеском возрасте 80
Дудай Н.П. Связь между склонностью к алкогольной зависимости и психологической гибкостью в молодом возрасте..... 82
Дуденкова Е.А. Нарративный фрейминг в медиа как фактор когнитивных искажений в восприятии образа преступника..... 85
Есипова М. Академический киберлафинг у старшеклассников: особенности саморегуляции и личностных ресурсов..... 88
Зябухина П.В. Феномен FOMO и его связь с тревожностью и депрессивной симптоматикой у активных пользователей социальных сетей 92
Измайлова Е.В. Роль постинтернатного сопровождения выпускников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних..... 95
Климова О.А. Дисморфогенный контент как новый объект психологического анализа: операционализация, диагностические признаки и типология 98
Корнилова Ю.В. Апробация опросника «Шкала сексуальных домогательств онлайн» на русскоязычной выборке 101

Максимова А.С. Особенности самоотношения и жизнестойкости молодых взрослых, склонных к аддиктивному поведению 104
Мельников М.И. Особенности самооценки у юношей и девушек, склонных к алкогольной зависимости 108
Петренко А.А. Связь гендерной идентичности и уровня номофобии у молодых взрослых со склонностью к девиантному поведению 111
Плахтий Д.С. Вовлеченность в интернет-среду и цифровая личность несовершеннолетних со склонностью к виктимному поведению 114
Правдина Е.А. Биопсихосоциальная модель факторов, детерминирующих феномен серийного убийства 118
Рудницкая А.И. Готовность к браку как аспект девиации 121
Сурина Ю.С. Связь эмпатических способностей, выраженности алекситимии и склонности к компульсивному сексуальному поведению в молодом возрасте 125
Тимофеева С.Д. Особенности самоконтроля у девушек, склонных к алкоголизации 128
Фешин Н.С. Онлайн-шопинг в контексте совладания в период молодости 130
Фомина Т.В. Психологическая устойчивость воспитанников учебно-воспитательных учреждений закрытого типа 133
Ходакова А.И. Влияние потребления медиаконтента жанра «true crime» на стереотипность представлений о серийном преступнике у студенческой молодежи 136
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ 140
Борденюк М.А. Связь эмоционального интеллекта и эмоционального выгорания у подростков-волонтеров 140
Быкова С.С. Личностная уязвимость, онлайн-активность и восприимчивость несовершеннолетних к манипулятивным техникам деструктивных Интернет-сообществ 143
Ванюжина Д.С. Связь проблемного использования интернета и типов киберагрессии у подростков 146
Ветров В.В. Стресс, неопределённость и дезадаптация как взаимосвязанные феномены в подростковом возрасте: комплексный анализ 148
Гамова Д.Д. Интегративная модель морального сознания дошкольников . 151
Ермолаева Т.Н. Стиль взаимодействия специалиста с семьями группы риска социального сиротства: семьесберегающий подход 153
Заика В.В. Связь личностных особенностей и самопрезентации у подростков в онлайн-среде 157
Золотопупова Е.В. Проектирование жизненной перспективы у подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации 159

Иванова В.Е. Особенности субъектности и правосознания у подростков с разной степенью кибервиктимности 162
Киселева Д.А. Склонность к аддиктивному поведению у подростков из семей с алкогольной зависимостью 165
Королев Н.А. Программа психологического онлайн-тренинга «Быть в обществе, а не казаться» на платформе Minecraft для подростков 167
Куликов А.К. Система ценностей у подростков, стоящих на учёте в Комиссиях по Делам Несовершеннолетних по случаю употребления психоактивных веществ 170
Лапина С.П. Личностный ресурс и травматический опыт у несовершеннолетних со склонностью к суицидальному поведению 173
Ларюшкина С.Р. Психологические факторы прокрастинации в юношеском возрасте 176
Максимова А.А. Особенности учебной мотивации подростков в условиях применения сервисов искусственного интеллекта в образовательном процессе 178
Назарова А.И., Куприянова Е.А. Фольклорная игра как инструмент психологической подготовки дошкольников к действиям в чрезвычайных ситуациях 182
Павлова А.С. Связь психологических особенностей и склонности к онлайн-троллингу в молодежной среде 185
Петрова В.Ю. Особенности самоотношения и способов совладающего поведения у подростков, склонных к потреблению негативного контента (думскроллингу) в социальных сетях 187
Самохин Г.С. Изменения факторной структуры компонентов жизненной позиции подростков с делинквентным поведением 190
Фахрутдинов М.Р. Подростки и компьютерные игры: путь к зависимости или «новая нормальность» цифрового поколения? 194
ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ 196
Аверьянов А.А. Особенности самоорганизации и академической прокрастинации у молодых людей, активно использующих искусственный интеллект 196
Маругаева Э.Э. Степень развитости психологической устойчивости и профессионально важных качеств у обучающихся в СПО по ИТ-направлениям 199
Сарана Э.В. Развитие эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости у студентов психолого-педагогического профиля 202

Шугай О.В. Особенности самовосприятия личности и профессиональной идентичности в период смысложизненного кризиса у людей молодого возраста 204
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ 209
Левин Л.М. Взаимосвязь построения линии жизни и уровня жизнестойкости у несовершеннолетних осужденных 209
Годжаева А.Э. Психологические особенности женщин, поддерживающих отношения с мужчинами, отбывающими наказание в местах лишения свободы..... 212
Кубахова Е.С. Психологическое благополучие, резильентность и личностные черты у женщин, отбывающих наказание 215
Тарасенко Д.С. Кризис идентичности, экзистенциальная исполненность и суверенность психологического пространства у осужденных женщин 219
Шевякова А.Д. Взаимосвязь ценностных ориентаций и эмоционального интеллекта у осужденных к лишению свободы и осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества 222
ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 225
Старобинская М.П. Субъективная стрессогенность различных исполнительных действий и эмоциональное выгорание судебных приставов 225
Унжакова В.В. Взаимосвязь травматического стресса, агрессивных реакций и невротических состояний у сотрудников МЧС 228
Фролова И.И. Профессиональное выгорание у следователей Следственного комитета Российской Федерации 232
ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В РАБОТЕ С КОНФЛИКТНЫМИ, КРИМИНАЛЬНЫМИ И ИНЫМИ СЛОЖНЫМИ СИТУАЦИЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ 235
Абакарова Э.Г. Особенности посредничества в семейных конфликтах в Дагестане: традиции и современные практики..... 235
Алексейкова И.В. Психологические особенности конфликтующих партнеров, проявляющиеся в процессе урегулирования супружеских споров: теоретические основания и потенциал восстановительного подхода «Круги сообщества» 238
Гущина И.С. Восстановительная медиация как средство профилактики деструктивного поведения подростков в образовательной среде 241
Есипенко И.В. Предпосылки построения восстановительной культуры в студенческой среде 244

Жодзишская Л.Н. Развитие конфликтной компетентности подростков в условиях специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа посредством социально-психологического тренинга 247
Ильина М.В. Профессиональная мотивация педагогов общеобразовательного учреждения 249
Ипатьева Е.О. Роль кругов сообщества в реабилитации военнослужащих – инвалидов специальной военной операции..... 253
Кошкина Н.В. Ценностная рефлексия практикующих психологов в контексте применения технологий восстановительного подхода 256
Танчук В.В. Распространение ценностей восстановительной культуры среди педагогов частной школы..... 261
Чехина И.С. Восстановительный подход в технологии социального театра при работе с травлей 263

Уважаемые коллеги!

Представляю Вашему вниманию сборник тезисов 15-ой Межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии, ежегодно проводимой факультетом «Юридическая психология» Московского государственного психолого-педагогического университета.

В сборнике представлен широкий спектр тезисов научно-практических исследований, отражающих ключевые тренды и дискуссионные вопросы современной юридической психологии. Авторы работ концентрируют внимание на междисциплинарных проблемах, находящихся на стыке психологии, права, девиантологии и связанных с актуальными вопросами цифровизации и психологической безопасности.

В работе конференции участвовали более 90 студентов и молодых ученых МГППУ, а также таких вузов как Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Государственный университет просвещения, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации**.**

Публикация сборника интернет-конференции адресована будущим специалистам в сфере юридической психологии — от студентов до аспирантов.

Декан факультета
юридической психологии МГГПУ,
канд. психол. наук
Н.В. Дворянчиков

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Семантическая неоднородность правосознания студентов творческих и нетворческих специальностей

Козлова О.М.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Сафуанов Ф.С.

Одной из проблем юридической психологии является отсутствие единой методологии для создания надёжного инструментария диагностики правосознания, так как его структура и психологическое содержание изучены недостаточно (Бикчинтаева Л.Г., 2016). Правосознание представляет собой слишком широкий объект исследования, так как его семантические границы размыты, что порождает вопрос о пригодности универсальных методик для его изучения в разных средах (Алексеенко А.В., 2025). Методика, работающая для одних групп, может быть неприемлема для других. Именно в этом состоит сложность создания единого учения и стандартизированного диагностического инструмента (Ратинов А.В., 1977).

С целью эмпирической проверки довода о семантической гетерогенности правосознания в настоящем исследовании было проведено исследование семантической структуры восприятия закона у студентов различных профессиональных направлений. Была выдвинута гипотеза о том, что существуют качественные различия семантических структур правосознания в сравниваемых группах.

В исследовании приняли участие две группы респондентов в возрасте от 18 до 23 лет — студенты вузов г. Москвы. Первую группу составили 25 студентов творческих специальностей (дизайн среды, ДПИ, ИЗО): 24 женщины и 1 мужчина (средний возраст = 19,44; SD = 1,55). Вторую группу — 25 студентов нетворческих специальностей (менеджмент, лечебное дело, информатика, пожарная безопасность, педагогика, фундаментальная химия): 14 женщин и 11 мужчин (средний возраст = 21,72; SD = 1,34). Исследование проводилось с использованием метода репертуарных решеток Дж. Келли на основе предварительно собранных ассоциаций на слово «Закон». Обработка данных проводилась с помощью факторного анализа (метод главных

компонент, вращение «Варимакс») и иерархической кластеризации (метод Варда).

В результате факторного анализа в группе студентов творческих специальностей выделено четыре фактора.

Фактор 1. «Нравственность» («Важный», «Справедливый», «Правильный», «Обязательный», «Хороший», «Честный»). Закон воспринимается через личностные предпочтения и моральные дихотомии. Оценочная составляющая доминирует над формально-юридической.

Фактор 2. «Легитимность» («Строгий», «Юридический», «Уголовный»). Отражает восприятие закона как формальной, репрессивно-регулятивной системы, принадлежащей правовому порядку.

Фактор 3. «Трудность в постижении» («Тяжелый», «Сложный»). Фиксирует когнитивно-прагматическую оценку закона: требует усилий или доступен.

Фактор 4. «Регуляция поведения» («Запрещающий»). Автономное измерение, фиксирующее прескриптивную функцию закона без связи с его сложностью или нравственностью.

В группе студентов нетворческих специальностей выделено три фактора.

Фактор 1. «Этичность» («Важный», «Справедливый», «Правильный», «Хороший»). В отличие от творческой группы, конструкт «Обязательный – необязательный» сюда не входит – он перешёл во второй фактор, что указывает на разделение моральной оценки и нормативной обязательности.

Фактор 2. «Нормативность» («Строгий», «Юридический», «Уголовный», «Обязательный», а также, в отличие от творческой группы, «Честный»). Закон воспринимается как формализованная, императивная система. Отсутствие дифференциации между обязательностью и юридическими характеристиками говорит о более системном восприятии права.

Фактор 3. «Ограничение свободы» («Запрещающий», «Тяжелый», «Сложный»). В отличие от творческой группы, где эти конструкты распались на два фактора, здесь запрет ассоциируется со сложностью и тяжестью, а разрешение – с лёгкостью и простотой.

В результате кластерного анализа в группе студентов творческих специальностей было выделено три кластера.

Кластер 1. «Формально-юридическая сфера» («Кодекс», «Конституция», «Закон», «Суд», «Наказание», «Ограничение»). Отражает объективированную, институционально-санкционную сторону права.

Кластер 2. «Личностно-регулятивная сфера» («Правило», «Порядок», «Ответственность», «Справедливость», «Право»). Фиксирует субъективно-личностное измерение – внутренние регуляторы, этические основания. Характерно, что «Право» ассоциируется не с кодексом и судом, а с правилами и справедливостью.

Кластер 3. Автономный элемент «Нарушение» Категория нарушения не интегрирована ни с формальной, ни с личностной сферой, что может указывать на разрыв между представлением о противоправном деянии и его правовыми последствиями либо на стигматизацию данной категории.

В группе студентов нетворческих специальностей также выделено три кластера, но с иной структурой.

Кластер 1. «Формально-регулятивная система» («Кодекс», «Конституция», «Справедливость», «Порядок», «Право», «Ответственность»). Формальные предписания и этические категории образуют единое семантическое пространство – в отличие от творческой группы, где они разведены.

Кластер 2. «Нормативно-санкционная система» («Правило», «Наказание», «Закон», «Суд», «Ограничение»). Объединяет регулятивный и принудительный аспекты права.

Кластер 3. Автономный элемент «Нарушение» Как и в творческой группе, нарушение изолировано, но на фоне высокой интеграции формальных и этических категорий это может указывать на восприятие нарушения как феномена, находящегося за пределами нормативной системы.

Сравнительный анализ подтвердил гипотезу, показав качественные различия в семантической структуре правосознания исследуемых групп. Так, у студентов нетворческих профессий восприятие права более целостное: трёхфакторная модель объединяет нормативно-обязательные, юридические, регулятивные и когнитивно-операциональные характеристики, а формальные и этические категории в кластерной структуре соединены в единый кластер, что отражает системное и морально обоснованное восприятие права. У студентов творческих профессий, напротив, выявлена четырёхфакторная дифференцированная структура, где обязательность включена в эмоционально-оценочный фактор, регулятивное и когнитивно-операциональное измерения автономны, а в кластерном анализе формальные и этические категории разведены по разным кластерам, что свидетельствует о двойственности правосознания, при которой институты права и субъективные представления о справедливости функционируют независимо. Таким образом,

правосознание студентов нетворческих специальностей более системно и формально-ориентировано, тогда как правосознание студентов творческих специальностей опирается на внутренние представления о дозволенности, вынося формальные институты в отдельный компонент.

Полученные результаты подтверждают тезис о неоднородности семантических структур правосознания. Именно в этой неоднородности заключается фундаментальная сложность создания единого учения о правосознании и разработки универсального диагностического инструмента: разные социальные и профессиональные группы конструируют правовую реальность в качественно различных семантических пространствах, что ограничивает валидность любой стандартизированной методики при её использовании за пределами той выборки, на которой она разрабатывалась. Таким образом, процедуры исследования должны строиться с учётом культурных, возрастных, образовательных и прочих особенностей среды.

Литература

1. Алексенко А.В. «Правосознание» как бесплодная теоретическая концепция // Право и политика. – 2025. – № 7. – С. 123-144 – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75155 (дата обращения: 23.04.2026).

2. Бикчинтаева Л.Г. Психодиагностические модели изучения правосознания // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 8. – С. 251-258. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihodiagnosticheskie-modeli-izucheniya-pravosoznaniya (дата обращения: 24.04.2026).

3. Ратинов А.В. Структура правосознания и некоторые методы его исследования // Методология и методы социальной психологии. – М., 1977. – С. 201–219. – URL: https://yurpsy.com/files/biblio/ratinov/05.htm (дата обращения: 23.04.2026).

Личность преступника в художественной литературе и публицистике дореволюционной России

Певзнер И.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Сафуанов Ф.С.

В настоящей работе предпринимается опыт выделения и характеристики основных теоретико-методологических подходов к изучению преступности в отечественной литературе второй половины XIX – начала XX столетия. В ходе историко-генетического исследования воззрений на личность преступника выявляются ключевые тенденции в развитии научных взглядов на различные категории правонарушителей.

Проведенный историографический анализ публикаций дореволюционных авторов показывает, что с последней четверти XIX столетия психологизм становится не только отличительной чертой научного знания, но и характерной особенностью художественной литературы и публицистики. Вместе с тем во многих работах отчетливо прослеживается повышенное внимание к проблеме преступности и рост интереса к самой личности преступника.

В своем творчестве к бытию преступного человека обращается великий русский писатель Ф.М. Достоевский, на долю которого еще в 1850-е годы выпало оказаться вне закона и испытать на себе многие тяготы жизни каторжанина. Уже в «Записках из Мёртвого дома» представлен психологический взгляд автора на личность заключенного. Позднее в своем психологическом романе «Преступление и наказание», снискавшем мировую славу, он предлагает читателям погрузиться во внутренний мир преступника и созерцать трагический путь главного героя от первых преступных помыслов и совершения жестокого корыстно-насильственного преступления вплоть до его осуждения и отбытия им наказания.

Здесь хотелось бы также отметить, что творческий подход к описанию личности преступника не остается незамеченным со стороны видных представителей научного сообщества того времени. Так, известный сторонник антропологической школы итальянский ученый Э. Ферри издает интересную работу «Преступные типы в искусстве и литературе», которая уже вскоре была переведена на русский язык. В ней самое пристальное внимание уделяется мировому опыту художественной реконструкции различных типов правонарушителей. В частности, автор высоко оценивает талант русских

литераторов, сумевших приблизиться к пониманию преступного человека: «Ибсен, Толстой и Достоевский являются мощной триадой, причем изображение преступного человека в романах Достоевского достигает грандиозности дантовской и шекспировской» (Ферри Э., 1908).

Надо признать, что попытки психологического осмысления преступления и наказания через художественные образы преступных личностей, которые по сюжету оказываются в центре драматических событий, разворачивающихся в жизни литературных персонажей, предпринимаются русскими писателями не из праздного любопытства. В отечественной литературе появление произведений подобного жанра было вызвано не только желанием их авторов добраться до подлинных истоков преступности через постижение тайны души преступного человека, но и не менее сильным стремлением поделиться личным опытом нахождения в местах не столь отдаленных, где личность невольно сталкивается с преступным миром, живущим в реалиях существующей пенитенциарной системы.

В этом смысле довольно ценным источником по истории системы исполнения наказаний являются труды известного русского публициста Н.М. Ядринцева. Ему, как и Ф.М. Достоевскому, довелось прожить несколько лет в Омском остроге и познать неприглядные стороны каторжного быта. В своем этнографическом произведении «Русская община в тюрьме и ссылке» он показывает читателям жизнь заключенных во всём многообразии её проявлений. Личность подследственного, а затем и осужденного преступника, рассматривается им через призму тех социальных связей, которые остаются возможными в несовершенных условиях дореволюционной пенитенциарной системы. Социально-психологический взгляд автора на преступного человека, отбывающего наказание, основан на признании колоссального значения того общества, которое окружает его на этом жизненном этапе. Н.М. Ядринцев убежден в том, что даже в условиях лишения свободы именно оно позволяет заключенному сохранить свою личность, обладающую неискоренимой социальной природой. Неслучайно, самым страшным испытанием для человека в остроге он считает одиночное заключение или нахождение в «секретной» камере, фактически лишающее его хотя бы малейшей возможности иметь контакты с другими людьми. Образы героев его произведения раскрываются им через отдельные зарисовки из жизни острожного общества. Личность каждого из них функционирует в тесной связи с той социальной средой, в которой ей приходится существовать.

Несмотря на глубокую порочность обитателей острога, Н.М. Ядринцев оставляет за ними роль особого социума, способного принять и поддержать даже преступную личность. Иными словами, это специфическое общество, по

убеждению автора, приходит на помощь человеку, оказавшемуся в местах лишения свободы, и помогает ему не потерять себя в суровых условиях отбытия наказания.

Подводя итоги, следует сказать, что возникновение интереса к судьбе преступного человека может считаться ярким свидетельством повышенного внимания прогрессивной общественности к проблеме роста преступности, ставшей одним из отражений кризисных явлений в социальной жизни пореформенной России. Вместе с тем в научном сообществе до сих пор не было выработано единого подхода к изучению преступника. Правоведы и криминологи, философы и социологи, писатели и публицисты того времени сходились во мнении о необходимости психологического исследования преступников, однако они пока еще не имели четкой программы по его проведению.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. – М.: Юрайт, 2025. – 242 с.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – М.: Юрайт, 2025. – 408 с.
3. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 2003 – 486 с.
4. Пенитенциарная психология: учебник / Под ред. А.Н. Сухова. – М.: Проспект; Академия ФСИН России, 2023. – 1248 с.
5. Ферри Э. Преступные типы в искусстве и литературе / Пер. с итал. яз. и с предисл. Р. Савелли. – СПб.: Типография В.Я. Мильштейна, 1908. – 176 с.
6. Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 416 с.
7. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / Сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 752 с.

Структура личности и бессознательные мотивы насильственного преступника в психоаналитической интерпретации

Фролова П.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Насильственная преступность представляет собой опасную и достаточно распространенную форму криминального поведения, выступая существенным показателем нравственного состояния общества. Согласно официальной статистике МВД РФ, за январь–ноябрь 2025 года наблюдается снижение уровня регистрируемой насильственной преступности: количество преступлений против личности сократилось на 9,3% (Антонян Ю.М., 1996). Однако данная позитивная динамика противоречит высокой латентности насильственных преступлений, уровень которой, по экспертным оценкам, может достигать 90%. Для комплексного исследования феномена преступности необходим анализ её структурных элементов, важнейшим из которых является личность преступника. Значительная часть детерминант преступного поведения носит бессознательный характер, что требует применения методологии, способной проникать в глубинные слои психики. Таким инструментом выступает психоаналитический подход, ориентированный на анализ бессознательных структур, влечений и внутренних конфликтов (Васильева Н.Л., 2018).

Целью данной работы является исследование структуры личности и бессознательных мотивов, которые могут детерминировать совершение насильственных преступлений с позиций психоаналитической интерпретации.

Исходя из выбранной темы, можно сформулировать гипотезу теоретического исследования: в основе криминального насилия лежит не столько осознанная агрессия, сколько бессознательный внутриличностный конфликт, связанный с феноменом ранней детской депривации и нарушением ранних объектных отношений, который через механизмы вытеснения, проекции и символизации находит разрядку в форме повторяющегося «отыгрывания» (acting out) на символических объектах-жертвах.

В ходе исследования были использованы: анализ психоаналитической литературы (Фрейд З., 2023; Хорни К., 2013; Фромм Э., 2015; Юнг К., 1991; Шпиц Р., 2011), психобиографический метод и метод case study. Материалом послужили документальные фильмы («Мясник», 2008; «Нехорошая квартира», 2011; «Архангельский маньяк “Мясник”»), а также материалы

уголовного дела и биография серийного убийцы Владимира Третьякова (1953–1978, 7 жертв).

Полученные результаты структурированы по блокам теоретического анализа и соответствующим детерминантам криминального насилия.

1. Ранние объектные отношения и дефект формирования Эго.

Детство Третьякова характеризуется тяжелой ранней депривацией: отец ушел из семьи, мать, страдавшая алкогольной зависимостью, часто прибегала к физическому насилию над ребенком, затем передала его бабушке и уехала в другую страну («Мясник», 2008; «Нехорошая квартира», 2011). В соответствии с теорией Р. Шпица в условиях дефицита эмоционально теплого и стабильного взаимодействия происходит искажение формирования структуры личности – Эго (Шпиц Р., 2011). У Третьякова сформировалось слабое, неинтегрированное Эго, неспособное к адекватной переработке аффектов и контролю импульсов Оно. Мать как первичный объект стала источником амбивалентных чувств: любви, ненависти, беспомощности и унижения.

2. Дефицитарное и ригидное Супер-Эго.

При внешней социальной адаптации (ударник труда, дружинник, борец с пьянством) внутренняя структура Супер-Эго оказалась искажена. Вместо гибкой моральной регуляции сформировались ригидные сверхценные идеи, связанные с «борьбой с женским пьянством» как формой «очищения общества». Согласно данным Ю.М. Антоняна, Супер-Эго в подобных случаях не регулирует поведение, а рационализирует прорыв агрессии Оно (Антонян Ю.М., 1996).

3. Вытеснение и возвращение вытесненного.

Амбивалентные чувства по отношению к матери были вытеснены, однако сохранили значительный аффективный заряд. Агрессия смещается на женщин, ассоциированных с материнским образом через признак пьянства. В структуре личности доминируют следующие защитные механизмы: проекция (приписывание враждебности жертвам); рационализация («очищение мира»); смещение.

4. Преступление как отыгрывание и символизация травмы.

Серия убийств, совершенных в 1977–1978 гг., характеризуется единым почерком: удушение, расчленение, сокрытие тел. Каждый элемент может рассматриваться как имеющий символическое значение: контроль, уничтожение травматического образа матери, «аннулирование» аффекта. В данном случае преступление выступает формой acting out — символического отыгрывания внутреннего конфликта. В убийстве подростков проявляется

проекция травматического сценария, связанного с материнским объектом, а также опережающая агрессия как защита от переживания беспомощности.

5. Защитные механизмы криминального алиби.

Доминирующими механизмами психологической защиты являются рационализация, изоляция аффекта и проекция. Указанные механизмы формируют систему своеобразного «криминального алиби», позволяющую сохранять целостность Я-концепции и снижать чувство вины (Жмуров Д.В., 2010).

Таким образом, результаты психоаналитической интерпретации позволяют подтвердить выдвинутую гипотезу исследования. В рассматриваемом случае насильственное преступное поведение может быть связано с глубинным бессознательным конфликтом, сформированным в условиях ранней депривации и нарушенных объектных отношений. Дефицитарное Эго и искаженное Супер-Эго не обеспечивают полноценной регуляции импульсов Оно, вследствие чего они реализуются через механизмы психологической защиты и насильственные действия. Преступление в данном случае становится формой возвращения вытесненного и символического отыгрывания травмы, где жертва выступает заместителем первичного объекта — матери.

Литература

1. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследование преступлений. – Москва: Юристъ, 1996. – 304 с.
2. «Архангельский маньяк “Мясник”» // Без срока давности : документальный цикл [видеоматериал].
3. Васильева Н.Л. Психоаналитический подход в исследовании бессознательных структур личности // (источник уточняется).
4. Жмуров Д.В. Криминальная агрессия и психологические механизмы защиты личности. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2010. – 240 с.
5. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–ноябрь 2025 года : официальный статистический сборник [Электронный ресурс]. – URL: МВД РФ (дата обращения: 08.05.2026).
6. «Мясник» // Следствие вели… : документальный цикл. – НТВ, 2008 [видеоматериал].
7. «Нехорошая квартира» // Легенды советского сыска : документальный цикл. – ТВ Центр, 2011 [видеоматериал].
8. Фрейд З. Я и Оно. – Москва: АСТ, 2023. – 256 с.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – Москва: АСТ, 2015. – 576 с.

10. Хорни К. Невроз и личностный рост. – Санкт-Петербург: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2013. – 320 с.
11. Юнг К.Г. Архетип и символ. – Москва: Ренессанс, 1991. – 304 с.
12. Шпиц Р. Психоанализ раннего детского возраста. – Москва: Академический проект, 2011. – 192 с.

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Алекситимческие черты и копинг-стратегии у пациентов с расстройствами шизофренического спектра

Афанасьева М.Е.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Мельникова Д.В.

В последние годы возрастает интерес к изучению эмоционально-волевой сферы пациентов с расстройствами шизофренического спектра. Особое внимание уделяется алекситимии как феномену, связанному с трудностями осознания, дифференциации и вербализации эмоциональных переживаний (Nemiah, Sifneos, 1970; Taylor, Bagby, Parker, 1997). Данные особенности могут оказывать влияние на регуляцию поведения и выбор способов совладания со стрессом (Lazarus, Folkman, 1984). Несмотря на наличие отдельных исследований, взаимосвязь алекситимии и копинг-стратегий у данной категории пациентов остается недостаточно изученной.

Целью исследования является изучение связи алекситимических черт и копинг-стратегий у пациентов с расстройствами шизофренического спектра.

В исследовании приняли участие 23 пациента, проходящих стационарное лечение в психиатрической клинике. В выборку вошли лица с различными формами расстройств шизофренического спектра. В качестве методов исследования использовались Торонтская алекситимическая шкала (TAS-20) (Тэйлор Г.Дж. и др., 2012), методика диагностики копинг-стратегий Р. Лазаруса и С. Фолкман (Lazarus, Folkman, 1984), а также шкала оценки позитивных и негативных синдромов (PANSS) (Kay, Fiszbein, Opler, 1987). Дополнительно применялся качественный контент-анализ ответов, полученных с помощью авторской методики «Незаконченные предложения».

Результаты показали, что связь между алекситимией и копинг-стратегиями носит избирательный характер. Наиболее выраженная закономерность выявлена в отношении стратегии планирования решения проблемы: по мере увеличения уровня алекситимии наблюдается снижение её использования. Данный результат указывает на то, что алекситимия связана прежде всего с нарушением когнитивных аспектов совладания, включая анализ ситуации, осмысление собственного состояния и построение поведенческой стратегии.

При этом влияние алекситимии не является равномерным по отношению ко всем формам копинга. Установлено, что неадаптивные стратегии, такие как избегание, связаны преимущественно с отдельными компонентами алекситимии, в частности с трудностями идентификации чувств и внешне-ориентированным мышлением. Это позволяет рассматривать алекситимию как специфический дефицит, ограничивающий вариативность совладающего поведения.

Значимых связей между уровнем алекситимии и выраженностью психопатологической симптоматики по шкале PANSS выявлено не было. Это позволяет предположить, что алекситимия является относительно автономной характеристикой, отражающей особенности эмоционального функционирования, а не тяжесть клинического состояния.

Результаты контент-анализа дополняют количественные данные и позволяют уточнить психологические механизмы выявленных связей. Установлено, что эмоциональные переживания пациентов часто представлены в виде телесных ощущений, что свидетельствует о соматизации эмоций и снижении их осознания. Также выявлены трудности вербализации эмоциональных состояний, ограниченная готовность к их выражению и наличие внутренних барьеров обращения за социальной поддержкой. В поведении в трудных ситуациях отмечается сочетание активных и избегающе-пассивных форм реагирования с преобладанием последних при затруднении решения проблемы. При этом у пациентов сохраняются представления о целях и ориентация на будущее, однако их реализация может быть затруднена вследствие эмоциональных и клинических факторов.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о наличии связи между алекситимическими чертами и особенностями совладающего поведения у пациентов с расстройствами шизофренического спектра. Алекситимия выступает фактором, влияющим на выбор копинг-стратегий, преимущественно за счет снижения способности к когнитивной переработке эмоционального опыта. Практическая значимость исследования заключается в возможности учета данных особенностей при разработке программ психологической помощи и реабилитации.

Литература

1. Тэйлор Г.Дж., Квилти Л.К., Бэгби М., Старостина Е.Г., Боголюбова О.Н., Смыкало Л.В., Скочилов Р.В., Бобров А.Е. Надежность и факториальная валидность русской версии 20-пунктовой Торонтской шкалы алекситимии // Социальная и клиническая психиатрия. – 2012. – Т. 22. – № 3. – С. 20–25.

2. Kay S.R., Fiszbein A., Opler L.A. The Positive and Negative Syndrome Scale (PANSS) for schizophrenia // Schizophrenia Bulletin. – 1987. – Vol. 13. – № 2. – P. 261–276.
3. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal and Coping. New York: Springer Publishing Company, 1984. – 445 p.
4. Nemiah J.C., Sifneos P.E. Psychosomatic illness: a problem in communication // Psychotherapy and Psychosomatics. – 1970. – Vol. 18. – P. 154–160.
5. Ozdemir E., Xiao Z., Griffiths H., MacBeth A. Alexithymia in Schizophrenia and Psychosis Vulnerability: A Systematic Review and Meta-Analysis // Journal of Clinical Psychology. – 2025. – Vol. 81. – № 6. – P. 410–424.
6. Taylor G.J., Bagby R.M., Parker J.D.A. Disorders of Affect Regulation: Alexithymia in Medical and Psychiatric Illness. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Типология поведенческих маркеров психического напряжения у свидетеля (теоретическая модель для судебно-психологической экспертизы видеозаписей допроса)

Котлярова А.И.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(г. Санкт-Петербург)
Научный руководитель – Даньшина Н. А.

В судебно-психологической экспертизе видеозаписей допроса традиционно используется метод психологического анализа вербальной и невербальной информации. Однако существующие рекомендации (например, в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы) предлагают лишь разрозненные перечни признаков психического напряжения: паузы, микромимика тревоги, вегетативные реакции, речевые ошибки и т.д. При этом вне внимания остаётся разная природа этих признаков. Одни возникают непроизвольно и практически не контролируются (вегетатика), другие — следствие повышенной когнитивной нагрузки (паузы, противоречия), третьи — результат сознательной самопрезентации (неестественная поза, заученные улыбки). Смешение этих уровней снижает надёжность экспертного вывода. Цель данной работы — предложить непротиворечивую типологию маркеров напряжения, а также практические

ориентиры для юриста, позволяющие точнее формулировать вопросы эксперту и интерпретировать заключение.

Выделены три уровня маркеров.

Вегетативные (непроизвольные) маркеры. К ним относятся изменения, которые человек не может полностью подавить: покраснение или побледнение лица, заметное сглатывание, дрожь в голосе, тремор пальцев, потоотделение (лоб, верхняя губа), частое моргание, расширенные зрачки. На видеозаписи они хорошо распознаются при крупном плане. Их диагностическая ценность максимальна: если такие признаки появляются именно на вопросах, связанных с объектом преступления, — это надёжный индикатор эмоционального стресса. Однако необходимо исключать соматические причины (вегетососудистая дистония, тики). Кроме того, у отдельных людей (например, профессиональных актёров или лиц с антисоциальной структурой личности) вегетативные проявления могут быть редуцированы.

Когнитивные маркеры (связанные с нагрузкой на память и мышление). Это паузы хезитации (остановки перед ответом), возвраты к уже сказанному, оговорки по типу замены слов, нарушение последовательности событий, неполные ответы, переспрашивание, а также рассогласование между вербальным содержанием и временными характеристиками речи (например, слишком быстрый, «заученный» ответ на сложный вопрос). Данные маркеры возникают потому, что ложь или сокрытие информации требуют дополнительных когнитивных усилий. Однако они могут появляться и у правдивого, но тревожного свидетеля. Поэтому когнитивные маркеры информативны только в сравнении с группой контрольных вопросов.

Социально-демонстративные маркеры (осознанная презентация). Этот тип включает неестественно фиксированную позу (человек «замирает»), нарочитую жестикуляцию или её полное отсутствие, демонстративные вздохи, улыбки вне контекста, наклон корпуса в сторону следователя, повторение формулировок из закона, избыточные заверения («честное слово», «клянусь»). Такое поведение часто указывает не на напряжение как таковое, а на попытку выглядеть убедительнее или скрыть неуверенность. Для эксперта важно, что социальные маркеры осознаваемы и могут использоваться для симуляции.

Диагностическая проблема заключается в том, что изолированный признак не является достаточным основанием для вывода. Ключевым является паттерн — сочетание маркеров разных типов. Например, сочетание вегетативных и когнитивных маркеров указывает на высокую вероятность подлинного стресса, возможно связанного с травматическим опытом. Преобладание только социальных маркеров при отсутствии вегетативных проявлений свидетельствует скорее о демонстрации, чем о спонтанной

реакции. Полное отсутствие маркеров может означать как отсутствие напряжения, так и профессиональную маскировку.

Предлагается двухэтапный алгоритм для эксперта. На первом этапе просмотра видеозаписи эксперт фиксирует наличие каждого из трёх типов маркеров. На втором этапе оценивается их сочетание и формулируется качественный вывод. Например: «У свидетеля доминируют когнитивные и вегетативные маркеры при отсутствии социальной демонстрации, что характерно для состояния психического напряжения, связанного с воспроизведением травматической информации. Показания могут быть фрагментарно искажены из-за стресса, но не из-за ложности».

Практические рекомендации для юриста. При постановке вопросов эксперту следует избегать формулировок типа «испытывал ли свидетель напряжение» и вместо этого использовать дифференцированные вопросы о типах маркеров и их сочетании. При оценке заключения необходимо сопоставлять выводы эксперта с описательной частью: отсутствие вегетативных и когнитивных признаков при заявлении о «высоком напряжении» снижает достоверность заключения. При выступлении в суде типология может использоваться как аргумент против поверхностных экспертных оценок.

Предложенная типология представляет собой логический инструмент, который может быть верифицирован в дальнейших исследованиях. Она позволяет юристу точнее формулировать вопросы эксперту, критически оценивать заключения и аргументированно выступать в суде, повышая качество судебно-психологической экспертизы.

Литература

1. Баев О.Я. Основы криминалистической тактики: учебное пособие. – М., 2003. – 432 с.

2. Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. Категории «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость» в контексте оценки показаний несовершеннолетних потерпевших // Психология и право. – 2025. – Т. 15. – № 2. – С. 78–92.

3. Еникеев М.И. Основы юридической психологии: монография. – Москва: Норма, 2022. – 480 с.

4. Китаев Н.Н. Психологические особенности оценки показаний свидетелей в суде: монография. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. – 112 с.

5. Сафуанов Ф.С., Широкова В.В. Судебно-психологические и судебно-психиатрические экспертные оценки психического состояния жертв

телефонного мошенничества // Психология и право. – 2025. – Т. 15. – № 2. – С. 5–18.

Негативные симптомы у лиц с расстройствами шизофренического спектра при различных формах проживания

Никитина И.М.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Русаковская О.А.

Негативные симптомы при расстройствах шизофренического спектра в значительной степени связаны со снижением качества жизни и уровня психосоциального функционирования (Hunter R., Barry S., 2012; Okada H. et al., 2021). В связи с этим особый интерес представляет исследование негативных симптомов у пациентов с различными формами проживания: проживающих в стационарных организациях социального обслуживания и проживающих в домашних условиях самостоятельно или с поддержкой родственников. Представляется важным выявить, как выраженность дефицитарных нарушений соотносится с формой проживания.

Сравнение именно этих групп обусловлено тем, что проживание в стационарной организации социального обслуживания связано с признанием ограничений в способности к самостоятельной жизнедеятельности и имеющейся потребности гражданина в помощи. Согласно ст. 15 Федерального закона от 28.12.2013 № 442–ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», одним из оснований признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании является полная или частичная утрата способности либо возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, обеспечивать основные жизненные потребности в силу заболевания, травмы, возраста или наличия инвалидности. При этом важно отметить, что признание гражданина нуждающимся в социальном обслуживании не тождественно признанию его недееспособным, поскольку основано на оценке ограничений жизнедеятельности и потребности в помощи, тогда как лишение дееспособности связано с юридической оценкой способности лица понимать значение своих действий и руководить ими.

Целью настоящего исследования является сравнение выраженности негативных симптомов у лиц с расстройствами шизофренического спектра,

проживающих в стационарных организациях социального обслуживания и в домашних условиях.

В исследовании приняли участие лица (N = 77) с диагнозами: F20.0 параноидная шизофрения (N = 74), F25 Шизоаффективное расстройство (N = 2), F21 Шизотипическое расстройство (N = 1). Из них 61 человек (79,2%) проживал в стационарных организациях социального обслуживания, 16 человек проживали в домашних условиях (20,8%). Возраст обследуемых варьировал от 20 до 69 лет (Me = 48; Q1 = 38; Q3 = 58). По полу преобладали мужчины – 52 человека (67,5%), тогда как женщин было 25 (32,5%). По гражданско-правовому статусу преобладали лица, признанные недееспособными – 48 человек (62,3%). Дееспособными являлись 24 обследованных (31,2%), тогда как у 5 человек (6,5%) дееспособность была ограничена. Обследование проводили И.М. Никитина (N=24), О.А. Русаковская (N=40), А.А. Беликова (N=13).

Оценка негативных симптомов проводилась с помощью Краткой шкалы оценки негативных симптомов (Brief Negative Symptom Scale – BNSS; Kirkpatrick B. et al., 2011), разработанной для комплексной количественной оценки негативных симптомов у лиц с расстройствами шизофренического спектра.

Для сравнения выраженности негативных симптомов у двух групп использовался U-критерий Манна-Уитни, статистическая обработка данных проводилась с использованием программы IBM SPSS Statistics 27.

В группе проживающих в стационарных организациях социального обслуживания и в домашних условиях медианы [Q1; Q3] соответственно составили: ангедония - 7,00 [4,00; 12,00] и 9,50 [4,25; 12,75]; недостаточность нормального переживания дистресса - 1,00 [0,00; 4,00] и 2,00 [0,00; 4,00]; социальная отгороженность - 5,00 [2,50; 8,00] и 5,50 [4,00; 7,00]; волевые нарушения - 5,00 [2,00; 7,00] и 5,00 [3,00; 8,75]; притупленный аффект - 7,00 [3,00; 11,00] и 8,50 [3,25; 12,00]; алогия - 2,00 [0,00; 5,00] и 2,50 [0,00; 5,50], общий балл BNSS - 30,00 [18,50; 37,50] и 36,50 [22,25; 47,00]. Следует учитывать, что домены BNSS имеют разные максимальные значения: ангедония и притупленный аффект - 18 баллов; социальная отгороженность, волевые нарушения и алогия - 12 баллов; недостаточность нормального переживания дистресса - 6 баллов; максимально возможный общий балл по шкале BNSS составляет 78 баллов.

Статистически значимых различий между группами, выделенными по форме проживания (проживающие в стационарных организациях социального обслуживания и в домашних условиях), не выявлено ни по одному из доменов шкалы BNSS, а также по общему баллу шкалы (во всех случаях $p > 0,05$).

Полученные данные позволяют говорить о сопоставимом уровне выраженности негативных симптомов у обследованных, проживающих в разных условиях.

Таким образом, формальная нуждаемость в стационарной социальной поддержке, которая в нормативно–правовом поле связывается со снижением способности к функционированию, не связана напрямую с выраженностью негативных симптомов. Можно предположить, что различия в формате проживания в большей степени зависят не от выраженности негативных симптомов, а от наличия внешней поддержки, прежде всего со стороны родственников или иных ухаживающих лиц, которые могут компенсировать выраженные нарушения и обеспечить проживание пациента в домашних условиях даже при значительной степени дефицитарных расстройств.

Особую значимость данный вывод приобретает в судебно-экспертной практике, где оценка психического состояния подэкспертного должна соотноситься с анализом реального уровня функционирования. При решении вопросов, связанных с ограничением, лишением или восстановлением дееспособности, необходимо учитывать клинико-психологическую структуру нарушений, степень бытовой самостоятельности, доступность внешней поддержки со стороны родственников или иных ухаживающих лиц и возможность компенсации имеющихся дефицитарных проявлений.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 27.04.2026).

2. Hunter R., Barry S. Negative symptoms and psychosocial functioning in schizophrenia: neglected but important targets for treatment // European Psychiatry. – 2012. – Vol. 27. – № 6. – P. 432–436. – DOI: 10.1016/j.eurpsy.2011.02.015

3. Kirkpatrick B., Strauss G. P., Nguyen L., et al. The Brief Negative Symptom Scale: Psychometric properties // Schizophrenia Bulletin. – 2011. – Vol. 37, № 2. – P. 300–305. – DOI: 10.1093/schbul/sbq059

4. Okada H., Hirano D., Taniguchi T. Impact of negative symptom domains and other clinical characteristics on functional outcomes in patients with schizophrenia // Schizophrenia Research and Treatment. – 2021. – Vol. 2021. – Art. ID 8864352. – DOI: 10.1155/2021/8864352

Различия в соотношении произвольного и непроизвольного запоминания в школьном возрасте

Смирнова В.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Сафуанов Ф.С.

Исследование процессов памяти в контексте возраста всегда имеет теоретическое и практическое значение в связи с тем, что в современном мире, под влиянием в том числе информационных технологий достаточно быстро меняются ранее установленные рамки развития детей и подростков. Особый интерес вызывает изучение возрастных особенностей произвольного и непроизвольного запоминания. Это может служить основой для лучшего понимания способности детей и подростков правильно запоминать и воспроизводить информацию при даче свидетельских показаний. Исследования советских психологов (Смирнов А.А., 1966, Зинченко П.И., 1961) показывают, что при запоминании детьми искусственно заданных стимулов продуктивность произвольного запоминания выше, чем непроизвольного. В нашем исследовании мы предпринимаем попытку исследовать эти же процессы, но при воздействии естественных стимулов в виде внешности людей.

Целью данного исследования является выявление различий в соотношении продуктивности произвольного и непроизвольного запоминания у детей разного школьного возраста.

В исследовании приняли участие три группы обучающихся московских общеобразовательных школ. Всего 55 человек. Первая группа – 23 ученика 1 класса в возрасте 7-8 лет. Вторая группа – 19 учеников 4 класса в возрасте 9-10 лет. Третья группа – 14 учеников 8 класса в возрасте 14-15 лет.

Гипотезами выступают следующие предположения:

Существует различия в соотношении продуктивности произвольного и непроизвольного запоминания в зависимости от возраста обследуемых.

Дети старшего школьного возраста демонстрируют наибольшую продуктивность запоминания, как произвольного, так и непроизвольного.

Продуктивность непроизвольного запоминания без фиксации внимания при кратковременном и неожиданном воздействии стимула будет ниже продуктивности других видов запоминания

Экспериментальная процедура включала три этапа взаимодействия с участниками и этап сбора данных: 1 – экспериментатор вступает в контакт с

группой в течение 10-15 минут. За это время дети успевают непроизвольно, но с фиксацией внимания запомнить его элементы внешности. 2 – ассистент также взаимодействует с группой в течение 10-15 минут. Но в отличие от первого этапа, здесь была озвучена установка на необходимость запоминания внешности ассистента. Таким образом это стимул для произвольного запоминания. 3 – экспериментатор возвращается и начинает подводить итоги всего занятия, и в этот момент происходит неожиданное появление третьего человека, вступающего в короткий вербальный конфликт с экспериментатором. Этот человек также является стимулом непроизвольного запоминания, но, в отличие от первого этапа, здесь не происходит фиксации внимания, характерна неожиданность, негативная эмоциональная окраска и малое время воздействия на школьников.

Этап сбора данных подразумевает под собой заполнение учащимися опросника, созданного нами на основе изученных материалов по криминологии и криминальной психологии на тему составления криминалистического портрета личности (Образцова В.А., 2002, Малыхина Н.И., 2013), в котором дети отвечали на вопросы, касающиеся внешности трех людей, поэтапно участвовавших в эксперименте.

Статистический анализ был выполнен с помощью критерия Хи-квадрат Пирсона ($p<0.05$) для выявления значимых связей между возрастом обследуемых и продуктивностью запоминания, а также выявления различий в запоминания при сопоставлении его видов внутри каждого возраста.

Полученные результаты указывают на то, что общая продуктивность запоминания, выраженная в количестве правильных ответов об элементах внешности, повышается вместе с возрастом. В целом правильность ответов для непроизвольного запоминания с фиксацией внимания составляет 48-50%, для произвольного – 38-44%, для непроизвольного без фиксации внимания – 28-31%. Однако при статистическом анализе эти данные не достигают значимого уровня. Это позволяет нам сделать вывод о том, что в условиях нашего эксперимента, при воздействии естественных стимулов для запоминания, возраст обследуемых не является тем фактором, который влияет на продуктивность запоминания.

Вместе с тем, проведя анализ внутри каждой возрастной категории и сравнив попарно три вида запоминания: произвольное, непроизвольное с фиксацией внимания и непроизвольное без фиксации внимания, мы увидели зависимость продуктивности запоминания от его вида. Во всех трех группах выявляется зависимость продуктивности непроизвольного запоминания от условия фиксации внимания и его отсутствия. Так, данные показывают, что значительно лучше запоминается та информация, на которой внимание

обследуемых удерживалось, и стимул воздействовал единолично. А когда же внимание рассеивается на несколько объектов и воздействие кратковременное – продуктивность заметно снижается. Это подтверждается исследованиями П.И. Зинченко (Зинченко П.И., 1961), результаты которых также показали, что непроизвольное запоминание продуктивнее, когда стимул является составляющей цели деятельности, а не просто возникает фоном.

Также в группе первоклассников выявляются значимые различия в продуктивности запоминания произвольного и непроизвольного с фиксацией внимания в сторону превосходства последнего. Такие результаты можно объяснить тем, что у детей 7-8 лет произвольность запоминания развита еще недостаточно хорошо, доминирует непроизвольное запоминание.

Подводя итоги нашего исследования, можно сделать выводы о том, что нет значимых различий в соотношении продуктивности произвольного и непроизвольного запоминания в зависимости от возраста обследуемых; дети старшего школьного возраста демонстрируют наибольшую продуктивность запоминания, как произвольного, так и непроизвольного, но эти данные не достигают значимого уровня; продуктивность непроизвольного запоминания без фиксации внимания при кратковременном и неожиданном воздействии стимула ниже продуктивности других видов запоминания.

Полученные результаты показывают, что в ситуациях допроса важно учитывать, каким образом стимул воздействовал на свидетеля, особенности возраста и уровня продуктивности того или иного вида запоминания, чтобы использовать наиболее эффективную стратегию сбора данных.

На примере стимула для непроизвольного запоминания без фиксации внимания нам удалось наглядно показать, что внешность человека, появляющегося внезапно и на короткое время, запоминается лишь примерно на 30%, и это при условно хорошем освещении и видимости, а также при отсутствии отвлекающих факторов. Таким образом в условиях реального правонарушения свидетель способен запомнить и воспроизвести крайне мало данных о внешности преступника. Метод классического допроса свидетеля может оказаться малоэффективным, и мы считаем, что процедуру дознания необходимо осуществлять в том числе с помощью различных психологических техник, например, когнитивного интервью. Внедрение психологических знаний и методов такого рода в следственные процессы могут значительно повысить продуктивность процесса вспоминания, что, несомненно, полезно для следствия.

Литература

1. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 554 с.
2. Малыхина Н.И. Криминалистический портрет лица, совершившего преступление: понятие, виды, основы построения // Научный вестник Омской академии МВД России. –2013. – № 1 (48). – С. 20–23.
3. Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. – М.: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2002. – 448 с.
4. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. Академия педагогических наук РСФСР. – Москва : Просвещение, 1966. – 423 с.

Психологический анализ продуктов криминальной деятельности преступника для составления поискового психологического портрета

Ударцева В.К.
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Москва)
Научный руководитель – Каменев И.И.

Психологический портрет неизвестного преступника – это психолого-криминалистический метод, ориентированный на выявление комплекса сведений об индивидуальных признаках и особенностях личности субъекта преступления, проявившихся в совокупности обстоятельств и следах преступной деятельности, где лицо описывается в терминах его устойчивого психологического и гражданского состояния (Анфиногенов А.И., 1997). Психологический розыскной портрет помогает идентифицировать преступника, определить, какие тактики допроса следует использовать при допросе задержанного лица (Лаговский А.Ю., Скрыпников А.И., Тележников В.И., Бегунова Л.А., 2000). В таком портрете содержится вероятностное описание психологических особенностей и личностных признаков преступника, указывается его половозрастная и социально-демографическая принадлежность, предполагаемый род его деятельности, его семейное положение, сексуальная зрелость, возможное криминальное прошлое, определяются его отношения с жертвой преступления, вероятность совершения криминальных поступков в будущем (Сафуанов Ф.С., Назарова Е.А., 2011). Существуют различные подходы к построению поисково-психологического портрета, практика их составления в разных странах значительно варьируется, единой школы составления подобных портретов

нет. Различными авторами подчеркивается важность интеграции многочисленных методов для улучшения их использования в следственной практике и повышения точности получаемых профилей (Petherick W., Brooks N., 2021). Практически в любом подходе подчеркивается важность анализа личности преступника и производится попытка выделения общих характеристик преступной деятельности в поведении преступников. Выявление значимых поведенческих признаков (маркеров), объективно связанных с психологическими качествами личности преступника, позволяет выделить группу факторов, требующихся для разработки единого алгоритма психологического анализа криминального поведения.

Объект исследования: психические процессы человека, принимающие участие в организации и регуляции его деятельности (преступного поведения).

Предмет исследования: продукты криминальной деятельности, зафиксированные в материалах уголовных дел как источник психологически значимой информации для составления поискового психологического портрета предполагаемого преступника, алгоритм их анализа.

Гипотеза исследования: использование особого алгоритма анализа продуктов криминальной деятельности, основанного на объективных фактах поведения позволит улучшить прогностичность метода по составлению поисковых психологических портретов, улучшая точность получаемых профилей.

На основе проведенного анализа различных подходов к составлению подобного профиля (подход Д. Дугласа, Р. Ресслера и соавторов, подход Д. Кантера, географический профайлинг К. Россмо, отечественный взгляд на составление психологического портрета), нами была сформирована сводная таблица продуктов криминального поведения серийных сексуальных преступников, включающая в себя варианты интерпретации данных продуктов. Таблица содержит в себе более 100 продуктов-маркеров. Для дальнейшего использования все маркеры были разделены нами на категории, используемые на данный момент для составления психологического портрета специалистами-психологами Следственного комитета России (далее – СК РФ): агрессивность, криминалистическая осведомленность (криминальность), подготовленность. Дополнительно нами были выделены маркеры, указывающие на особенности выбора жертвы, а также маркеры, представляющие группу сексуального и ритуального поведения, которые, несомненно, учитываются при составлении психологического профиля, однако на данный момент не выделяются нами в качестве отдельных измерений, поскольку требуется проведение дальнейшего исследования.

Для проверки работоспособности предлагаемого алгоритма было проведено пилотное исследование – составлены психологические портреты по трем уголовным делам о серийных сексуальных преступлениях. Анализ проводился на основе различных материалов уголовных дел, всегда включающих в себя осмотр места происшествия и трупа, заключения экспертиз, сведения о потерпевших и др. Согласно типологии серийных сексуальных преступников О.Д. Ситковской и Л.П. Конышевой, данные индивиды относятся к трем различным категориям (преступник №1 – «силовик», №2 – «сексуальный», №3 – «ситуативный»). Поведение преступников для составления профилей было проанализировано согласно следующему алгоритму:

Реконструкция поведения на основе доступных материалов уголовных дел;

Кодирование поведения преступника с использованием выделенных продуктов-маркеров в бинарном виде (где 0 – отсутствие, а 1 – наличие определенного признака). Исключение для проведения математической обработки инвариантных признаков;

Математический анализ полученных данных (иерархическая кластеризация);

Иерархическая кластеризация была выбрана в силу специфики имеющихся данных как разведочный метод, позволяющий увидеть внутреннюю структуру взаимодействия и сочетания маркеров между собой при этом не задавая заранее определенные условия, такие как точное количество кластеров. При анализе различного количества кластеров было определено их оптимальное число согласно теоретическим концептам психологии и проведенного теоретического анализа литературы по теме.

Интерпретация полученных дендрограмм;

Комплексный анализ результатов – объяснение результатов математического анализа, учет отдельных (в том числе исключенных на этапе предобработки инвариантных маркеров) продуктов криминальной деятельности;

Оценка криминального поведения согласно трехфакторной модели СК РФ (агрессивность, криминальность, подготовленность), типологизация индивида, определение образа действия, подписи и иных характеристик. Составление подробного психологического портрета его личности.

В результате нами были получены психологические профили каждого из исследуемых лиц. Выделенные путем анализа маркеров факторы легли в основу портрета, являющегося проективным отражением личности преступника и выражающегося в психодиагностическом описании его

особенностей с указанием необходимых для поиска признаков (индивидуально-возрастных, антропометрических, социальных характеристик и др). Портреты были верифицированы, поскольку личности данных преступников уже известны. Полученные путем анализа маркеров психологические характеристики показались нам интересными и оправдывающими использование предлагаемого алгоритма, в значительной степени отражая реальное положение дел и особенности указанных личностей, и позволяя составить полный и детальный профиль преступника.

Планируется проведение дальнейшей проверки работоспособности предлагаемого метода (расширение выборки, его апробация на единичных, а не серийных преступлениях и др.). Таким образом, согласно результатам проведенного пилотного исследования, использование особого алгоритма анализа криминальной деятельности, по нашему мнению, позволяет составлять более полные и точные психологические портреты, что имеет практическую ценность в случае составления профиля неизвестного лица.

Литература

1. Анфиногенов А.И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / Анфиногенов Александр Иванович. – Москва, 1997. – 183 с.

2. Сафуанов Ф.С., Назарова Е.А. Сравнительный анализ различных методов составления психологического портрета предполагаемого преступника // Психология и право. – 2011. – Том 1. – № 3. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n3/46577

3. Составление психологического портрета преступника : учебно-методическое пособие / А.Ю. Лаговский, А.И. Скрыпников, В.Н. Тележникова, Л.А. Бегунова. — Москва : ВНИИ МВД России, 2000. – 92 с.

4. Petherick W., Brooks N. Reframing criminal profiling: a guide for integrated practice //Psychiatry, Psychology and Law. – 2021. – Т. 28. – №. 5. – P. 694-710.

Анализ противопоказаний и оценка влияния депрессивных состояний на достоверность результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа

Ушакова П.Э.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Купцова Д.М.

Актуальность исследования проблемы влияния депрессивных состояний на объективность психофизиологической диагностики продиктована значительным ростом аффективной патологии в популяции и необходимостью совершенствования методологии специальных психофизиологических исследований.

В современной полиграфологии депрессия рассматривается как критический фактор, затрудняющий диагностику, однако дефицит чётких эмпирических данных о механизмах этого влияния часто приводит к игнорированию депрессивного статуса обследуемого. Это создаёт серьёзную угрозу получения ложноотрицательных результатов: депрессия обуславливает развитие психофизиологической резистентности, когда отсутствие выраженного вегетативного (физиологического) отклика ошибочно интерпретируется как отсутствие скрываемой информации.

Научная новизна данной работы заключается в обосновании депрессии как значимого технического противопоказания, обуславливающего эффект «эмоционального уплощения», о котором упоминается в работе Г.Е. Введенского, Ф.С. Сафуанова, М.Ю. Каменскова и соавторов (2011). Данный феномен критически снижает амплитуду кожно-гальванической реакции (КГР), что находит своё подтверждение в полученных результатах данного исследования. Эффект «эмоционального уплощения» также нивелирует диагностическую значимость характеристик КГР, искажая при этом результаты заключения экспертов-полиграфологов.

Целью исследования выступило установление наличия статистических связей и значимых различий между выраженностью депрессивных состояний и показателями психофизиологических реакций, определяющих достоверность результатов.

Исследование проводилось в три этапа: подготовительный, диагностический и экспериментально-инструментальный. На диагностическом этапе из 254 приглашённых респондентов участие приняли 97 человек (студенты и сотрудники МГППУ в возрасте от 18 до 32 лет: 94

женщины, 3 мужчины). Из исследования были исключены 47 участников с лёгкой степенью депрессии и 14 участников контрольной группы методом случайного отбора для выравнивания объёмов выборки.

В целях обеспечения максимальной статистической контрастности и корректности сравнения итоговая выборка была сокращена до 36 человек от 18 до 32 лет (средний возраст – 22,53 года), выразивших добровольное согласие на участие: 1 мужчина, 35 женщин. Респонденты были разделены на две группы: экспериментальную (n=15) – участники со средней (n=11) и тяжёлой (n=4) степенью выраженности депрессивных симптомов, и контрольную (n=21) – лица без признаков депрессии. Разделение проводилось на основании результатов анализа трёх психодиагностических методик.

Методологический комплекс включал в себя использование валидизированных психодиагностических инструментов: шкалы депрессии Бека (BDI), шкалы самооценки депрессии Цунга (SDS) и госпитальной шкалы тревоги и депрессии (HADS-D), а также аппаратную фиксацию параметров КГР при предъявлении заведомо значимых и нейтральных стимулов в ходе стандартного теста на пригодность психофизиологического исследования с применением полиграфа – «тест на цифру».

В результате математико-статистической обработки данных была выявлена и подтверждена устойчивая значимая обратная взаимосвязь между уровнем депрессии по шкале Бека и амплитудными показателями КГР (rho = -0,435 при $p < 0,01$) с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Данный факт свидетельствует о том, что нарастание симптоматики аффективного спектра ведёт к закономерному угнетению вегетативного тонуса, что препятствует фиксации выраженных эмоционально-физиологических всплесков, на анализе которых строится классическая интерпретация результатов тестирования. Данные по шкале Цунга подтверждают и дополняют выводы (rho = -0,479). Важно, что депрессия влияет именно на силу (амплитуду) реакции, а не на её наличие. Это означает, что организм по-прежнему реагирует на стимулы, но этот отклик лишен силы, необходимой для четкой диагностики.

В отличие от предыдущих методик, шкала HADS показала лишь слабую тенденцию без статистической значимости (rho = -0,298). Это можно связать с тем, что HADS — краткий скрининговый опросник, который не учитывает соматический компонент депрессии, наиболее тесно связанный с вегетативной нервной системой.

Сравнительный анализ применяемых методик с помощью U-критерия Манна-Уитни, который проводился исключительно по амплитудному показателю КГР, так как он оказался наиболее чувствительным, показал, что

наиболее высокой прогностической ценностью для оценки психофизиологической реактивности обладают шкала Бека и субшкала HADS-D. Они продемонстрировали высокую степень дифференциации между группами ($p < 0,001$). В противоположность им, шкала Цунга, несмотря на наличие корреляционной связи ($rho = -0,479$), оказалась недостаточно информативной в контексте прогнозирования вегетативного отклика ($p = 0,234$; $p > 0,05$). Это может быть обусловлено спецификой методики, ориентированной на соматические жалобы, и склонностью испытуемых к диссимуляции, что делает её использование в предтестовом периоде менее предпочтительным для целей ПФИ с применением полиграфа.

Практическая значимость проведённого исследования заключается в обосновании необходимости обязательного учёта депрессивного статуса обследуемого для предотвращения экспертных ошибок и повышения надёжности выводов.

Выявленное «эмоциональное уплощение» доказывает, что в состоянии депрессии упрощённые системы оценки «наличия/отсутствия» реакции теряют свою валидность, так как физиологическая значимость отклика становится критически мала по сравнению с психологической значимостью стимула.

В качестве практических рекомендаций предлагается внедрение в протоколы предтестового обследования обязательного скрининга (преимущественно на основе шкалы Бека) и адаптация алгоритмов обсчёта полиграмм под специфику сниженной реактивности нервной системы обследуемых.

Дальнейшее развитие данной тематики позволит разработать дифференцированные критерии оценки для лиц с аффективными нарушениями, что может существенно повысить точность и объективность экспертных заключений в области психофизиологической диагностики.

Литература

1. Алфимова М.В., Мельникова Т.С. Эмоциональная реактивность при депрессивных расстройствах (аналитический обзор) // Российский психиатрический журнал. – 2012. – № 2. – С. 41–50. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-reaktivnost-pri-depressivnyh-rasstroystvah-analiticheskiy-obzor (дата обращения: 04.02.2026).

2. Введенский Г.Е., Сафуанов Ф.С., Каменсков М.Ю. [и др.] Опрос с использованием полиграфа: психиатрические противопоказания // Российский психиатрический журнал. – 2011. – № 5. – С. 41–46. – URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/opros-s-ispolzovaniem-poligrafa-psihiatricheskie-protivopokazaniya (дата обращения: 02.02.2026).

3. Дедова К.Н. Медицинские противопоказания для проведения психофизиологического исследования // Виктимология. – 2016. – № 2 (8). – С. 64–70. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskie-protivopokazaniya-dlya-provedeniya-psihofiziologicheskogo-issledovaniya (дата обращения: 02.02.2026).

4. Каменсков, М.Ю. Ограничения к применению психофизиологического метода диагностики парафилий у лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. – 2012. – № 5. – С. 34–40. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 02.02.2026).

5. Молчанова И.В., Скворцов В.В., Индиченко М.А. [и др.] Депрессивные состояния // Медицинская сестра. – 2018. – № 3. – С. 11–14. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/depressivnye-sostoyaniya (дата обращения: 02.02.2026).

Индивидуально-психологические особенности реагирования на действия мошенников

Филиппова М.Д.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Русаковская О.А.

Отмечающийся рост числа мошеннических преступлений, в том числе совершаемых с использованием информационных технологий, представляется социально опасным явлением. По данным МВД России на 2025 год материальный ущерб, нанесенный гражданам мошенниками, составил 134 миллиарда рублей, что на 15, 5% выше, чем в 2024 году.

Отличительной чертой мошенничества является то, что оно основано не на применении физического насилия, а на применении психологического воздействия – деятельности, включающей в себя обман и введение жертв мошенничества в заблуждение. При этом успешность мошеннических действий напрямую зависит от того, как именно человек воспринимает ситуацию. Как показывают результаты исследований, жертвами становятся не только социально-уязвимые слои общества – пожилые люди, дети и т.д., но и представители благополучных слоев населения (Harvey S., Kerr J., Keeble J., Nicholls C.M., 2014).

В связи с этим можно предположить, что ключевым фактором виктимности к подобным преступлениям являются индивидуально-психологические особенности. Желание выявить такие особенности определило цель исследования.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что лица, обладающие такими индивидуально-психологическими особенностями, как эмоциональная неустойчивость, сниженный уровень самоконтроля, склонность к накоплению негативных эмоциональных состояний, чаще становятся жертвами корыстного обмана.

В исследовании приняли участие 30 человек, средний возраст обследуемых составил 28,7 лет. В ходе анализа участники были разделены на две группы: первая – лица, становившееся жертвами мошенничества; вторая – лица, которые сталкивались с мошенническими действиями, но не стали жертвами преступлений.

Используемые методы и методики: социально-демографический опрос, 16-факторный личностный опросник Кеттела, стандартизированный опросник измерения агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки, Монреальская шкала оценки когнитивных функций (MoCa-test), процедура исследования способности к проведению операций с финансами. Математический анализ полученных данных проводился в программе статистической обработки SPSS с использованием коэффициента корреляции Спирмена и критерия Манна-Уитни.

Анализ группы респондентов, ставших жертвами мошенничества, показал наличие устойчивых взаимосвязей между различными формами агрессии. Косвенная агрессия положительно коррелирует с раздражением ($r = 0{,}615$; $p \leq 0{,}05$) и обидой ($r = 0{,}556$; $p \leq 0{,}05$). Раздражение связано с негативизмом ($r = 0{,}525$; $p \leq 0{,}05$), а негативизм — с обидой ($r = 0{,}550$; $p \leq 0{,}05$). Кроме того, обида положительно коррелирует с подозрительностью ($r = 0{,}599$; $p \leq 0{,}05$). Полученные данные позволяют предположить наличие последовательного механизма накопления эмоционального напряжения, при котором раздражение и негативизм постепенно трансформируются в более устойчивые переживания обиды и подозрительности. Также обнаружены значимые связи между личностными факторами и агрессией. Недоверчивость положительно связана с обидой ($r = 0{,}680$; $p \leq 0{,}01$), подозрительностью ($r = 0{,}663$; $p \leq 0{,}01$) и чувством вины ($r = 0{,}785$; $p \leq 0{,}01$), Склонность к мечтательности положительно коррелирует с негативизмом ($r = 0{,}645$; $p \leq 0{,}01$) и обидой ($r = 0{,}545$; $p \leq 0{,}05$), а умение вести себя в обществе отрицательно связано с обидой ($r = -0{,}533$; $p \leq 0{,}05$).

В группе респондентов, не ставших жертвами мошенничества, анализ показал, что взаимосвязи между различными формами агрессии выражены слабее и не образуют единого комплекса, в отличие от группы жертв. Это свидетельствует о более дифференцированной и ситуативной организации агрессивных реакций. Анализ данных позволяет предположить связь внутреннего напряжения с более выраженной нормативностью и общим уровнем враждебности ($r = 0,636$; $p \leq 0,05$). Чувство вины положительно связано с раздражением ($r = 0,560$; $p \leq 0,05$) и отрицательно – со смелостью и активностью ($r = -0,737$; $p \leq 0,01$). Отдельного внимания заслуживает связь когнитивного показателя МоСА с раздражением ($r = 0,517$; $p \leq 0,05$). Данная корреляция может указывать на вовлечённость когнитивных процессов в эмоциональное реагирование, однако, в отличие от группы жертв, когнитивный показатель в меньшей степени связан с комплексом личностных и агрессивных характеристик.

Анализ ответов обследуемых на мошеннические сообщения показал отсутствие существенных различий в содержательной стороне реакций между группами. Однако выявлена важная качественная особенность: около 30% респондентов из группы жертв формулировали ответы в обезличенной, нормативной форме, используя конструкции: «нужно ответить так» или «нельзя отвечать», тогда как представители группы лиц, не ставшими жертвами преступления, преимущественно использовали высказывания от первого лица: «я бы ответил», «я бы проигнорировал». Такое различие в использовании агенсных/неагенсных конструкций может свидетельствовать о меньшей готовности брать на себя ответственность и сниженной субъектности жертв мошенничества.

Полученные результаты позволяют предположить, что уязвимость к мошенничеству определяется особенностями саморегуляции и организации эмоционально-личностной сферы. Лица, обладающие такими индивидуально-психологическими особенностями, как эмоциональная неустойчивость, сниженный уровень самоконтроля, склонность к накоплению негативных аффективных состояний, а именно – раздражения, обиды и подозрительности, а также тенденция к внешней регуляции поведения и недостаточно выраженная субъектная позиция, чаще становятся жертвами корыстного обмана. Более успешны в противостоянии мошенникам лица с большей способностью к саморегуляции и субъектной позицией.

Полученные данные могут быть использованы в психологическом консультировании, образовательных программах финансовой и цифровой грамотности, а также при разработке рекомендаций для специалистов, работающих с потенциально уязвимыми группами населения.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.12.2003) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2003. – № 50. – Ст. 4848.
2. Harvey S. Understanding victims of financial crime: a qualitative study with people affected by investment fraud [Electronic resource] / S. Harvey, J. Kerr, J. Keeble, C. M. Nicholls // Financial Conduct Authority. – 2014. – URL: FCA (дата обращения: 05.03.2026).

Особенности представлений о психически больных у студентов-психологов и студентов, специализирующихся на информационных технологиях

Шалыгина С.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Сафуанов Ф.С.

Социальные образы психических заболеваний отличаются своей многомерностью. В обыденном сознании психическое заболевание обладает преимущественно негативной валентностью и устойчиво ассоциируется с социальной девиацией, опасностью, непредсказуемостью, насилием, инаковостью и стигмой (Бовина И. Б., Панов М. С., 2005.). Согласно Роберту Фарру, стигма, по сути, представляет собой ту разновидность социального представления, которая несёт в себе отрицательный заряд (Farr R., 1995). Такие представления выполняют двойную функцию: они позволяют окружающим не только держаться от такого человека на расстоянии, но и выстраивать с ним определённую линию поведения, соответствующую этому ярлыку.

Изучение представлений о психическом здоровье в сознании различных категорий населения, и результаты данного исследования, в частности, могут быть использованы в качестве научного материала для составления и улучшения различных образовательных и профилактических программ, а также помогут определить направление разработки и реализации дестигматизационных программ.

Целью данного исследования является выявление особенностей представлений о психически больных у студентов-психологов и студентов, специализирующимися на информационных технологиях.

В исследовании приняли участие две группы испытуемых. Первую группу составили 30 человек – студентов-психологов (специальность «Клиническая психология»), обучающихся на 3-5 курсах (28 женщин и 2 мужчины, средний возраст 21,7). Вторую группу составили 30 человек – студентов, специализирующихся на информационных технологиях (направления «Прикладная информатика», «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем», «Компьютерная безопасность») обучающихся на 1-5 курсах (5 женщин и 25 мужчин, средний возраст 21,8).

Исследование проводилось в 3 этапа. На первом этапе был использован метод свободных ассоциаций. На втором этапе каждой группе испытуемым предлагалось заполнить 20 бланков репертуарной оценочной решетки, элементами которой послужили 19 наиболее частотных понятий ассоциаций-существительных, а также дополнительно заданный элемент «Психически больной», а конструктами стали наиболее частотные прилагательные-оппозиции. На третьем этапе помощью статистических методов были произведены необходимые расчеты. Результаты проанализированы с помощью факторного анализа с использованием метода анализа главных компонент и вращением Варимакс с целью построения семантического пространства каждой из групп; кластер-анализ (метод Варда). Данные были проанализированы с помощью IBM SPSS Statistics 27.

По результатам построения семантических пространств выявлены существенные различия в восприятии лиц с психическими расстройствами у двух групп студентов. Так, у студентов психологов отмечаются наиболее дифференцированные знания о психолого-психиатрической помощи (отдельный кластер составляют понятия «врач», «халат», «лечение», «таблетки», «человек», «психиатр», «психолог») и о стационарной системе помощи («койка», «палата», «больница»), которые противопоставляются переживаниям и болезненным состояниям психически больных (например, «пациент», «психически больной», «расстройство», «страх», «болезнь», «шизофрения», «непонимание», «одиночество», «депрессия»). У студентов, специализирующихся на информационных технологиях, также присутствуют четкое разделение между стационарным лечением и психическим расстройством, однако, представления о системе помощи являются менее дифференцированными и включают в себя в основном психиатрическую помощь («психиатр», «помощь», «лечение», «таблетки», «больница», «пациент», «человек» и «одиночество»), а психическое расстройство и образ психически больного выражается сквозь призму личных переживаний и ярлыков, распространенных в обществе (например, «психически больной»,

«страх», «болезнь», «опасность», «депрессия», «боль», «маньяк», «псих», «безумец» «шизофрения» и «психоз»). Однако прослеживается и сходство представлений: в двух группах имеет место противопоставление психолого-психиатрической помощи самому пациенту.

Итак, студенты-психологи склоны видеть психически больных скорее как страдающих людей, а студенты, специализирующиеся на информационных технологиях, как социально-опасных членов общества. Это же подтверждает анализ значимых факторных нагрузок. Мы видим, что происходит инверсия, когда значимые шкалы для одной группы становятся незначимыми для другой. Наиболее нагруженными шкалами в группе студентов, специализирующихся на информационных технологиях, являются: опасный (безопасный), странный (обычный), неадекватный (адекватный), непонятный (понятный), агрессивный (мирный) и др., то есть первый фактор является наиболее выраженным. В группе студентов-психологов всё иначе – второй фактор, который представляет психически больного как социально-опасного, является более слабым. Наоборот же, первый фактор – страдающий психически больной, является более нагруженным. Для этой группы больной в большей степени характеризуется следующими шкалами: грустный (веселый), одинокий (компанейский), потерянный (спокойный), нервный (невозмутимый), страдающий (радующийся), боязливый (отважный) и др.

Таким образом, можно говорить о влиянии формирующихся профессиональных знаний на восприятие окружающего. Прослеживается связь между специальностью, на которой обучается студент и его восприятием психически больного. Студенты, обучающиеся по специальности «Клиническая психология», под влиянием профессиональных взглядов видят психически больных как страдающих людей, нуждающихся в психолого-психотерапевтической помощи. А студенты, специализирующиеся на информационных технологиях, в данном случае приравниваются к людям, не знакомым с психиатрией и клинической психологией и смотрящих на психически нездоровых с точки зрения распространенных общественных взглядов, обыденных представлений.

Литература

1. Бовина И. Б., Панов М. С. Обыденные представления о психически больных в студенческой среде // Социологический журнал. – 2005. – № 3. – С. 103–117. – URL: https://journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/879

2. Farr R. Representations of health, illness and handicap in the mass media of communication: A theoretical overview // Representations of health, illness

and handicap / Ed. by I. Markova, R. Farr. – Chur, Switzerland : Harwood Academic Publishers, 1995. – P. 3–30.

3. Foster J. Beyond otherness: Controllability and location in mental health service clients' representations of mental health problems // Journal of Health Psychology. – 2003. – Vol. 8. – № 5. – P. 632-644.

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Травматический опыт, сексуальный стыд и диссоциативные переживания у молодых взрослых со склонностью к несуицидальному самоповреждению

Агапова Я.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Делибалт В.В.

Феномены травматического опыта, диссоциативных переживаний и самоповреждающего поведения достаточно качественно изучаются, а также наблюдается рост статей за последние 5 лет. На фоне этого сексуальный стыд остается малоизученным. Отечественные исследования в контексте данной темы практически не проводятся. Сама по себе тема сексуальных отношений является условно «табуированной» обществом, что создает определенные проблемы в ее обсуждении. Несмотря на это, все феномены отражают ту или иную степень проблемы в сфере научного исследования в области психологии. Если в одном случае низкий спрос на статьи будет положительным сигналом, то в другом это будет недостаток изученности, который влияет на поведение людей.

Целью исследования является описание и выявление травматического опыта, сексуального стыда и диссоциативных переживаний у молодых взрослых со склонностью к несуицидальным самопорежданиям.

Гипотеза: существует связь травматического опыта, сексуального стыда и диссоциативных переживаний у молодых взрослых со склонностью к несуицидальному самоповреждению, а именно:

1. Люди с травматическим опытом имеют более выраженный уровень сексуального стыда и диссоциативных переживаний, чем те, у кого их нет.
2. Чем выше уровень сексуального стыда, тем выше склонность к несуицидальному самоповреждению.
3. Чем выше уровень сексуального стыда, тем более выражены диссоциативные симптомы.
4. Чем более выражены диссоциативные механизмы, тем выше склонность к несуицидальным самоповреждениям.

В исследовании приняло участие 88 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст – 22 года). Из них респондентов мужского пола 21 чел.

(23,9%) (в возрасте от 20 до 25 лет, средний возраст – 22,3 года), респондентов женского пола 67 чел. (76,1%) (в возрасте от 19 до 25 лет, средний возраст – 21,8 лет). Выборка была разделена на 2 группы:

Контрольная группа сравнения («КС») – молодые взрослые без травматического опыта – 44 человека. Из них респондентов мужского пола – 15 чел. (в возрасте от 20 до 25 лет, средний возраст – 21,8 лет), респондентов женского пола - 29 чел. (в возрасте от 19 до 25 лет, средний возраст – 21,7 лет).

Эмпирическая группа («Э») – молодые взрослые с наличием травматического опыта – 44 человека. Респондентов мужского пола – 6 чел. (в возрасте от 19 до 25 лет, средний возраст – 23,5 лет), респондентов женского пола - 38 чел. (в возрасте от 19 до 25 лет, средний возраст – 21,9 лет).

Сбор эмпирических данных осуществлялся в онлайн-формате с использованием российской платформы Яндекс.Формы. Анкетирование было размещено на платформе «Вконтакте» и мессенджере «Telegram».

Методики исследования включали в себя**:** авторскую демографическую анкету; Международный опросник неблагоприятного детского опыта (Adverse Childhood Experiences International Questionnaire, ACE-IQ) ВОЗ (2000), в адаптации: А.А. Кибитова и др. (2024); Шкала сексуального стыда (Kyle Inventory of Sexual Shame, KISS) в переводе Агаповой Я.В. и Делибалт В.В., 2026; Измерение чувства вины и стыда (Test of Self-Conscious Affect, TOSCA-3) J. Tangney et al. (1989, 2000), в адаптации И.А. Белик (2006); Опросник перитравматической диссоциации (ОПД) (Агарков В.А., Тарабрина Н.В., 1998); Шкала диссоциации (Dissociative Experiences Scale, DES) E. Bernstain, F. Putnam (1986), в адаптации Н. В. Тарабриной, В. А. Агаркова (1998); Шкала причин самоповреждающего поведения (Польская Н.А., 2014); Опросник утверждений о самоповреждениях (Inventory of Statements About Self-Injury, ISAS) E. Klonsky (2009), в адаптации А. А. Кибитова (2025). Методами исследования являлись описательная статистика, корреляционный анализ по методу Спирмена, Т-критерий Стьюдента.

Важно отметить, что распределение испытуемых на основе их ответов о наличии травматического опыта.

Результаты исследования показали, что основная гипотеза была подтверждена частично. В корреляционном анализе были выявлены отдельные статистически значимые связи между исследуемыми переменными при пороге $p<0,05$. Однако причинно-следственная цепочка была разорвана, так сексуальный стыд не связан с самоповреждениями, поэтому не может утверждать о системности.

Первая частная гипотеза подтвердилась –респонденты, субъективно указавшие на наличие травматического опыта, демонстрируют более высокие

средние показатели по шкалам методик. Согласно данным ACE-IQ, часть участников группы «без травмы» имели умеренно высокие баллы неблагоприятного детского опыта, что может снижать контраст между группами. Тем не менее, различия статистически значимы.

Вторая частная гипотеза не подтвердилась. В проведённом корреляционном анализе не было обнаружено статистически значимых связей между показателями сексуального стыда и склонностью к самоповреждению. Средние значения также не свидетельствуют о наличии такой зависимости в выборке. Возможно, связь отсутствует или является опосредованной другими переменными, не вошедшими в данный анализ.

Третья частная гипотеза подтвердилась. Между показателями сексуального стыда и Шкалы диссоциации обнаружена положительная корреляция ($p<0,05$). Однако связь не позволяет утверждать, что диссоциация возникает именно «в интимной обстановке для преодоления стыда». Шкала диссоциации измеряет диссоциативные переживания в целом, без привязки к сексуальному контексту. А также существуют иные интерпретации, которые объясняют связь, то есть корреляция установлена, но её механизм требует дальнейших исследований.

Четвертая частная гипотеза подтвердилась. Была выявлена положительная корреляция между уровнем диссоциации и склонностью к самоповреждению. Тем не менее, интерпретация имеет множество интерпретаций и направление причинности остаётся открытым.

Таким образом, исследование являлось пилотным проектом, который выявил методологические проблемы и требует дополнительных исследований с целью уточнения причинно-следственных связей.

Литература

1. Кибитов А.А., Трусова А.В., Вышинский К.В., Мазо Г.Э., Кибитов А.О. Разработка и анализ психометрических свойств новой русскоязычной версии Международного опросника неблагоприятного детского опыта (ACE-IQ) // Консультативная психология и психотерапия. – 2024. – 32(1). – С. 29–57.

2. Кибитов А.А., Потанин С.С., Ягина О.М., Бородин В.И., Морозова М.А. Психометрические свойства и анализ факторной структуры опросника утверждений о самоповреждениях (ISAS) на российской неклинической выборке // Consortium PSYCHIATRICUM. 2025. – Т. 6. – №1. – С. 18-29.

3. Макогон И.К., Ениколопов С.Н. Апробация методики измерения чувств вины и стыда (Test of self-conscious Affect-3 - TOSCA-3) Tangney J.P.,

Dearing R.L., Wagner P.E. & Gramzow R.H. // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2015. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aprobatsiya-metodiki-izmereniya-chuvstv-viny-i-styda-test-of-self-conscious-affect-3-tosca-3-tangney-j-p-dearing-r-l-wagner-p-e-gramzow-r-h

4. Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии : специальность 19.00.04 «Медицинская психология (психологические науки)» : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Польская Наталия Анатольевна. – Москва, 2017. – 422 с.

5. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб: Питер, 2001. – 272 с.

6. Day O. Adults that Experience Sexual Shame: Effects on Self-Esteem and Sexual Satisfaction // Higher Diploma in Psychology dissertation, Dublin Business School. – 2019. – 59 p.

Связь тревожности, агрессивности и склонности к риску при проблемном использовании интернетом у молодежи

Александрова С.О.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

Проблемное использование интернета - чрезмерная озабоченность Сетью с потерей контроля и негативными последствиями - признается значимым фактором риска снижения психологического благополучия молодежи (Fineberg et al., 2025). Согласно когнитивно-поведенческой модели, ключевыми механизмами его формирования выступают предпочтение онлайн-общения, регуляция настроения, когнитивная поглощенность, компульсивное использование и негативные последствия (Герасимова А.А., Холмогорова А.Б., 2018). Среди личностных характеристик, предрасполагающих к такому поведению, наиболее часто обсуждаются тревожность, агрессивность и склонность к риску (Реан и др., 2025; Du et al., 2024). Однако комплексная связь этих характеристик в формировании проблемного использования интернета ранее не исследовалась.

Целью работы является выявление связи между тревожностью, агрессивностью, склонностью к риску и проблемным пользованием интернетом у молодежи. Предполагалось, что высокий уровень каждой из

характеристик связан с высокой степенью проблемного использования, а сами они образуют единый симптомокомплекс.

В исследовании приняли участие 80 студентов вузов от 20 до 25 лет. Применялись такие методики, как «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина», «Опросник агрессии Басса - Перри», «Опросник оценки склонности к риску (RSK)» Г. Шуберта и «Общая шкала проблемного использования интернета GPIUS3». Для обработки данных использовались критерий Шапиро-Уилка, коэффициент корреляции Спирмена и U-критерий Манна-Уитни.

Установлено, что общий балл проблемного использования интернета значимо положительно коррелирует с ситуативной и личностной тревожностью, общим показателем агрессивности, гневом и враждебностью. Связь с физической агрессией незначима. Склонность к риску не показала значимых корреляций с проблемным использованием интернета. Сравнение групп с низким и высоким уровнем проблемного использования подтвердило эти закономерности.

Анализ связей между всеми изучаемыми характеристиками выявил тесный узел: тревожность, агрессивность и проблемное использование интернета образуют устойчивый комплекс. Склонность к риску связана только с агрессивностью и не входит в основной кластер. Таким образом, гипотеза подтвердилась частично: ведущую роль играют тревожность и агрессивность, а склонность к риску выступает сопутствующим параметром.

Результаты указывают, что профилактика должна фокусироваться на развитии навыков эмоциональной регуляции и конструктивного совладания с гневом в цифровой среде.

Литература

1. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26. – № 3. – С. 56–79.

2. Реан А.А., Егорова А.В., Коновалов И.А. Взаимосвязь использования экранного времени и проявления различных типов агрессии в старшем подростковом возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2025. – Т. 48. – № 2. – С. 60–83.

3. Du M., Zhao C., Hu H. et al. Association between problematic social networking use and anxiety symptoms: a systematic review and meta-analysis // BMC Psychology. – 2024. – Vol. 12. – № 1. – P. 263. – DOI:10.1186/s40359-024-01705-w

4. Fineberg N.A., Grant D., Demetrovics Z. et al. Problematic internet use: A general perspective // Handbook of children and screens. – Springer, 2025. – P. 179–185.

Психологические механизмы, лежащие в основе феномена романтизации криминального поведения в современной медиакультуре

Алексеева А.Е.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Гурина О.Д.

В данной работе рассмотрен феномен романтизации криминального поведения, формирующийся у молодежи под воздействием медиаконтента. Проблема причин девиантного поведения среди подростков и юношества является объектом внимания многих исследователей. Поведение, противоречащее общественным и правовым нормам, становится результатом совпадения множества факторов: неблагоприятной семейной среды, педагогической запущенности, социально-экономического неблагополучия и ряда других. Среди них всё более значимое место занимает потребляемый личностью медиаконтент, в частности истории о реальных и вымышленных преступлениях, систематически идеализирующие и эстетизирующие фигуру преступника.

Цель работы – систематизировать ключевые психологические механизмы романтизации криминального поведения, опираясь на анализ научной литературы и современных медиафеноменов.

Романтизация криминального поведения представляет собой сложный социально-психологический феномен, суть которого заключается в наделении преступной деятельности, образа жизни правонарушителя и самих его носителей привлекательными атрибутами - героизмом, благородством, протестом против несправедливой системы или иными позитивными характеристиками.

В основе романтизации лежит комплекс когнитивных и эмоциональных процессов. Первый механизм – десенсибилизация, то есть постепенное угасание реакций страха, отвращения и сострадания при многократном предъявлении сцен насилия. Согласно исследованию, регулярное потребление контента, в котором жестокость подаётся как зрелищный элемент, разрывает ассоциативную связь между агрессивным актом и его последствиями, снижая моральную чувствительность (Макарова Е.А., Гаркуша И.В., 2025).

Второй механизм – идентификация с агрессором, впервые описанный Анной Фрейд (Налчаджян А.А., 2013). Можно предположить, что зритель, находящийся в процессе становления идентичности, бессознательно перенимает атрибуты силы, автономии и неуязвимости, транслируемые экранным антигероем. Такая идентификация компенсирует переживание собственной уязвимости и фрустрацию от внешних ограничений.

Третий механизм – когнитивный диссонанс. Индивид, испытывающий симпатию к персонажу, действия которого противоречат правовым нормам, оказывается в ситуации внутреннего конфликта. Одним из наиболее комфортным путём его разрешения становится переоценка самих деяний (Фестингер Л., 2018). В результате кража начинает трактоваться как «перераспределение благ», насилие – как «вынужденная самозащита», а противодействие закону –как «благородный бунт».

Значительную роль играет и эффект ореола: внешняя привлекательность или харизма персонажа переносятся на моральную оценку его действий, смягчая их предосудительность (Кружалова В.С., Юдина А.О., 2025). Именно этот эффект способствует романтизации отрицательных героев, что приводит к коллективной реинтерпретации аудиторией отрицательных персонажей в позитивном ключе. Как отмечает Е.Б. Коломейцева, сегодня существует много сериалов, «изображающих гуманность преступников, давая зрителям более глубокое понимание суровых реалий». Особенно показателен в этом смысле жанр «тру крайм» (Коломейцева Е.Б., 2023). Примером служит сериал «Чикатило» (2021), где убийца показан не просто монстром, а деформированной личностью, сформированной уродливой средой, – что также провоцирует у части аудитории нездоровое сочувствие и попытки оправдать зло. Этот эффект проявляется не только в кино, но и в реальной жизни. Яркий пример – американский серийный убийца Тед Банди. Используя свою харизму и внешность, он долгие годы ускользал от правосудия. Поразительно, но даже после ареста и предъявления обвинений в жестоких убийствах десятков женщин у Теда Банди появились тысячи поклонниц, которые заполняли зал суда и были буквально влюблены в него.

Перечисленные механизмы усиливаются систематическим искажением реальности в медиа. Как показали Б.Дж. Бушман и К.А. Андерсон, развлекательный контент не отражает, а гиперболизирует действительность, формируя гиперреальность, в которой насилие предстаёт как рутинизированная норма. К примеру, сериалы «Бригада», «Слово пацана» конструируют образ «благородного бандита», а представители закона нередко показываются коррумпированными и безликими (Anderson C. A., Bushman B.J., 2001).

Таким образом, романтизация криминального поведения представляет собой психологический феномен, детерминированный механизмами десенсибилизации, идентификации с агрессором, когнитивного диссонанса и эффекта ореола, усиленными современной медиасредой. Полученные результаты уточняют аспекты для психологической профилактики, которая должна включать развитие медиаграмотности, критического анализа медиаобразов.

Литература

1. Коломейцева Е.Б. Криминал, маньяки, катастрофы: сериальная «терапия» общественной жизни // eiscrt. – 2023. – №2 (3) – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminal-manyaki-katastrofy-serialnaya-terapiya-obschestvennoy-zhizni (дата обращения: 01.05.2026).
2. Кружалова В.С., Юдина А.О. Когнитивные эффекты в формировании общественного мнения потребителей // Студенческая научно-практическая конференция в рамках XXVII Международного Балтийского коммуникационного форума: материалы конференции. Санкт-Петербург, 5-6 декабря 2025 г. –Санкт-Петербург: СПбГУТ, 2025. –С. 464-466.
3. Макарова Е.А., Гаркуша И.В. Воздействие медиа и интернет насилия на детей школьного возраста // Педагогический журнал Башкортостана – 2025 – №2 (108) – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-media-i-internet-nasiliya-na-detey-shkolnogo-vozrasta (дата обращения: 01.05.2026).
4. Налчаджян А. А. Фрустрация, психологическая самозащита и характер. В 2 т. Т. 2. Защитные механизмы, самосознание и характер. М.: Изд-во «Налчаджян Альберт Агабекович», 2013. – 510 с.
5. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса - [пер. с англ. А.А. Анистратенко, И. Знаешевой]. – М., – 2018. –251 с.
6. Anderson C.A., Bushman B.J. Effects of violent video games on aggressive behavior, aggressive cognition, aggressive affect, physiological arousal, and prosocial behavior: A meta-analytic review of the scientific literature //Psychological science. – 2001. – Т. 12. – №. 5. – С. 353-359.

Консультирование в формате «равный-равному» в контексте представлений молодых взрослых с опытом сиротства

Аргинская И.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель –Чиркина Р.В.

Проблемы социализации молодых взрослых с опытом сиротства, в силу полученного ими опыта, формируют особые характеристики уязвимости этой целевой группы, в частности: представления о себе и о мире может быть существенным образом деформировано; могут отсутствовать понятия о простых бытовых вещах, навыках стратегического планирования, навыках построения конструктивных отношений с окружающими. В результате во взрослой самостоятельной жизни молодые взрослые с опытом сиротства сталкиваются с существенными сложностями: в учебной и профессиональной деятельности, в построении личных взаимоотношений. Отношения со сверстниками, с педагогами и работодателями предполагают наличие сформированных представлений о том, как эти отношения должны быть устроены, а этих представлений может не быть или они могут существенно отличаться от тех, которые разделяются молодыми взрослыми, воспитывающимися в семье. Все перечисленные проблемы требуют решения и внимания специалистов, в том числе и специалистов-психологов. Для молодых взрослых с опытом сиротства уже есть много поддерживающих программ, включая разные сферы помощи: психологическую (постинтернатное сопровождение), юридическую, социальную (различные льготы), многие НКО реализуют волонтерские программы («наставничество», «менторство») и т.д.

Все эти программы, безусловно, помогают адаптироваться молодым взрослым с опытом сиротства в социуме, но не все они реализуют важную задачу, решение которой требует внимания и влияет на качество самостоятельной жизни выпускников детских учреждений и приемных семей – это формирование и коррекция системы представлений о себе, своем будущем, проблемах и ресурсах, значимых сторонах жизни и о мире, в котором они реализуют свои потребности. С этой точки зрения нас интересует одна из новых форм социально-психологической работы с рассматриваемой категорией – консультирование в формате «равный-равному». Существует позитивный отечественный и зарубежный опыт работы поддерживающих групп «равный-равному» с разными уязвимыми социальными группами, в том

числе и с молодежью с опытом сиротства (Activities for Young Orphans, IDF Widows and Orphans Organization).

В рамках магистерской диссертации было проведено исследование, целью которого стало выявление особенностей представлений молодых взрослых с опытом сиротства о методе консультирования в формате «равный-равному», как инструмента рефлексии в контексте организации эффективных практик постинтернатной социализации. Выявленные в эмпирическом исследовании психологические параметры (представления о себе в настоящем и будущем, защитные стратегии, личностно значимые мотивы), а также дефициты поддержки, лакуны в системе представлений о ресурсах помощи и собственных возможностях и др., рассматриваются нами как мишени воздействия в рамках постинтернатной работы.

В исследовании приняли участие 60 человек (30 – молодые взрослые с опытом сиротства; 30 – молодые взрослые из кровных семей).

По результатам психологической диагностики выявлены психологические особенности группы с опытом сиротства, которые должны быть учтены в работе с равными консультантами.

Рефлексивная методика Куна и Мак Партленда "Кто я?" позволила увидеть, что для группы с опытом сиротства более свойственна неустойчивая (27%), неадекватно заниженная (30%) и неадекватно завышенная (33%) самооценка. Адекватная самооценка у них составляет всего 10%, тогда как в группе молодых взрослых из кровных семей она преобладает (50%). Равные консультанты наряду с психологами и наставниками на постинтернатном этапе могли бы внести существенный вклад в коррекцию самооценки молодежи с опытом сиротства, поскольку они наиболее убедительно могут показать консультируемые ресурсы и возможности достижения целей на примере своего опыта преодоления и, тем самым, расширить репертуар действий в конкретных ситуациях, что при равной поддержке самостоятельных проб может повысить их уверенность в себе.

По результатам методики “Опросник копинг-стратегий Р. Лазаруса” можно увидеть, что есть значимые различия по шкалам «бегство/избегание» (p-value = 0,04) и «самоконтроль» (p-value = 0,03): у молодых взрослых с опытом сиротства самоконтроль и стратегия бегства/избегания преобладают, что может указывать на низкий уровень ощущения безопасности и на трудности коммуникации в тех социальных нишах, где они реализуют свои жизненные задачи.

По результатам методики «Шкала нарушенных потребностей. Остракизм» (Бойкина Е.Э. и др.) можно наблюдать значимые различия по шкале «контроль» (p-value = 0,00002). У молодых взрослых с опытом

сиротства потребность в контроле нарушена значимо выше, чем у их сверстников, выросших в родных семьях, что опять обращает внимание на низкий уровень безопасности и высокий риск агрессивного или аутоагрессивного ответа на ситуацию, в которой они не видят выхода.

По результатам полуструктурированого интервью выявлены особенности ожиданий и представлений молодых взрослых с опытом сиротства о том, что могут дать им равные консультанты и готовы ли они сами стать такими консультантами для других (ретроспектива их опыта преодоления проблем), рефлексивные компоненты мотивации участия в таких группах, а также предложения по повышению эффективности их работы.

Респонденты отмечают, что для них очень важна теплая атмосфера, модераторские навыки ведущего, отсутствие формализма, полная конфиденциальность, бережное обращение с их личными историями, четкие правила группы. Полезность группы они видят в следующем: ощущение того, что «ты не один такой», возможность обменяться опытом; провести хорошо время, разделить свои переживания, удовлетворить потребность в принятии, найти новых друзей. Равный консультант, в глазах респондентов, должен обязательно пережить схожий опыт и должен знать, как решить проблемы, которые появляются во взрослой жизни.

Молодые взрослые с опытом сиротства, действительно, сталкиваются с такими трудностями во взрослой жизни, для решения которых помощь более опытных товарищей крайне необходима. Респонденты позитивно откликаются на работу группы «консультирование в формате «равный-равному». Обращают внимание на важность решения коммуникативных, бытовых навыков, юридических вопросов. Для самих равных консультантов важно понимать, что их работа также влияет на самооценку, коммуникативные навыки, образ «Я», развитие рефлексии, усилие чувства безопасности их целевой группы.

Литература

1. Мухина В.С. Дети детских домов и школ-интернатов о себе // Особенности развития личности ребенка, лишенного родительского попечительства : (Дети с отклоняющимся поведением) : сб. науч. тр. – Москва : Просвещение, 1989. – С. 191–227.

2. Погодина А.В. Возрастные представления о любви в подростковом и раннем юношеском возрасте :дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Погодина Алла Васильевна ; [Место защиты: Психол. ин-т Рос. акад. образования]. – Москва, 1993. –197 с.

3. Практическая психология образования : учеб. пособие для вузов / под ред. И. В. Дубровиной. – 2-е изд. – Москва : ТЦ «Сфера», 1998. – С. 398–400.

4. Прихожант А. М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. – 2-е изд. — Санкт-Петербург : Питер, 2005. – С. 245–249.

5. Семья Г. В. Основы психологической защищенности детей-сирот при международном и национальном усыновлении. – Москва : Изд-во УРАО, 2004. – С. 24–51.

6. Activities for Young Orphans // IDF Widows and Orphans Organization: [сайт]. – URL: https://www.idfwo.org/en/activities-for/young-orphans/ (дата обращения: 08.05.2026)

Обоснование программы профилактики употребления электронных сигарет подростками

Березянский А. М.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Власова Н. В.

Табакокурение является одной из ведущих причин преждевременной смертности и заболеваемости в глобальном масштабе. Особую озабоченность вызывает высокая распространённость данной вредной привычки среди подростков, что подчёркивает актуальность и необходимость проведения исследовательских работ в этой области. Хроническое употребление табака способствует ускоренному прогрессированию ряда патологий, включая рак лёгких, сердечно-сосудистые заболевания, астму и пневмонию.

Табачный дым оказывает патогенное воздействие не только на самих курильщиков, но и на окружающих лиц, создавая условия, неблагоприятные для формирования у молодого поколения здоровых поведенческих моделей и нравственных ориентиров, что негативно сказывается на их развитии (Баранов А. А., 2007).

Раннее начало существенно повышает риск развития сопутствующих заболеваний. У подростков, начинающих курить до достижения 15-летнего возраста, вероятность возникновения рака легких возрастает в четыре раза по сравнению с лицами, которые приступают к курению после 25 лет. Помимо традиционных сигарет, наблюдается рост популярности электронных никотиновых устройств среди молодежи, что требует углубленного изучения их мотивационных факторов (Кожевникова Т. Н., 2021).

В России ежегодно регистрируется свыше 283 тысяч смертей, ассоциированных с употреблением табака, что составляет более 15% от общего числа смертельных исходов в стране.

Рост числа подростков, впервые использующих электронные системы доставки никотина, представляет собой значимую проблему общественного здравоохранения. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения 2024 года, электронные сигареты превзошли по распространённости традиционные табачные изделия: 32% подростков в возрасте от 11 до 15 лет пробовали их хотя бы один раз (Дальке Р., 2010).

Цель исследования - выявить психологические особенности подростков, являющиеся «мишенями» психологической профилактики употребления электронных сигарет в подростковой среде.

Методы исследования включали теоретический анализ психолого-педагогической литературы с обобщением и систематизацией данных, эмпирические методы (тестирование и анкетирование), а также статистическую обработку результатов с помощью программы SPSS.

В соответствии с целью исследования были подобраны следующие методики:

1. Опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина и А. М. Эткинд).

2. Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (Подростковый вариант, 14-факторная форма - HSPQ).

3. Методика: Изучение мотивационного профиля личности (Ш. Ричи и П. Мартин).

В исследовании приняли участие 110 респондентов (обучающихся 9 классов и студентов 1 курса колледжа). Среди них 45 юношей и 65 девушек. Средний возраст 15,71 год. Гендерное распределение в выборке: 41% юношей и 59% девушек.

Выборка была разделена на две группы на основании результатов предварительного скринингового опроса о стаже и характере употребления никотинсодержащей продукции:

1 группа (n=62): регулярно курящие подростки, пробовавшие курить и курящие «за компанию».

2 группа (n=48): подростки, не имеющие опыта курения и употребления электронных сигарет.

На первом этапе исследования проводилось анонимное анкетирование в образовательных организациях для выявления паттернов курения.

По результатам анкетирования 59% подростков занимают нейтральную позицию к курению, 39% сознательно отвергают курение, менее 2% выражают

положительное отношение. Низкая социальная одобряемость курения при высокой доле нейтральных респондентов свидетельствует о необходимости целенаправленной профилактики.

Анализ статуса потребления никотиносодержащей продукции среди подростков выявил, что 44% никогда не курили, 56% имеют опыт курения. Активные курильщики составляют 14%. Особое внимание требует группа, находящаяся в зоне риска перехода к регулярному курению и являющаяся ключевой для первичной профилактики.

Результаты опроса демонстрируют преобладание использования электронных сигарет над обычными. Среди курильщиков 61% респондентов предпочитают вейпы. Системы нагревания табака выбрали 31% респондентов, классические сигареты - 8%. Данные свидетельствуют о необходимости смещения профилактических программ с традиционного курения на борьбу с электронными никотинсодержащими устройствами.

Проведен сравнительный анализ уровня субъективного контроля (УСК) у двух групп подростков: курящих (n=1) и некурящих (n=2). Статистически значимое различие выявлено по шкале «интернальность в семейных отношениях» (p=0,006), при этом у курящих подростков уровень интернальности был выше (5,85±1,54) по сравнению с некурящими (4,34±1,88). Повышенная интернальность у курящих может отражать усиленное чувство ответственности или вины за семейные события, обусловленное конфликтами, связанными с курением, что усиливает восприятие собственной роли в семейных взаимодействиях.

Выявлены значимые различия между двумя группами подростков (курящих (n=1) и некурящих (n=2)) по показателю «моральной нормативности» Многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла. Первая группа характеризуется средним значением 4,72±2,01, что значимо ниже показателя второй группы 6,00±2,33, при p=0,004. Повышенные показатели во второй группе отражают более выраженную склонность к соблюдению социальных норм, а также усиленное чувство долга и ответственности.

Значимые различия между группами подростков выявлены при анализе их мотивационного профиля с использованием методики Ш. Ричи и П. Мартина. Первая группа отличается более высокой мотивацией, связанной с ясностью целей (38,82±11,03 против 34,72±12,49; p=0,003), что подчёркивает важность для этих подростков чёткого понимания поставленных задач и ожидаемых результатов.

Вторая группа подростков демонстрирует более высокую мотивацию, связанную с чувством востребованности (32,18±12,98 против 29,48±9,90;

p=0,004). Это указывает на то, что для них особенно важно ощущение собственной полезности и нужности в коллективе или обществе. Подобная мотивация отражает стремление быть признанными и ценимыми, что может играть ключевую роль в формировании их самооценки и социального поведения.

На основании проведенного исследования основными личностными «мишенями» профилактики являются низкая моральная нормативность и эмоциональная неустойчивость курящих подростков, что указывает на необходимость развития у них чувства ответственности, внутренней дисциплины и навыков саморегуляции.

Важным направлением работы должна стать коррекция семейных взаимодействий, так как высокая интернальность курящих подростков в этой сфере свидетельствует о гипертрофированном чувстве вины и ответственности за конфликты, которые могут провоцировать аддиктивное поведение.

Профилактическое воздействие также должно опираться на мотивационные особенности подростков, предлагая им четко структурированные альтернативные цели и способы самореализации, компенсирующие недостаток социальной востребованности и снижающие потребность в курении как способе самоутверждения. Таким образом, комплексная профилактика должна сочетать укрепление нравственно-волевой сферы личности с гармонизацией семейных отношений.

Литература

1. Баранов А. А. Табакокурение детей и подростков. Гигиенические и медикосоциальные проблемы и пути решения. – Москва: Литтерра, 2007. – 216 с. – ISBN 978-5-98216-080-5

2. Дальке Р., Дальке М. Психология курения. – Санкт-Петербург: Весь, 2010. – 176 с. – ISBN 978-5-9573-1961-0

3. Кожевникова Т.Н., Геппе Н.А., Османов И.М. Проблема табакокурения подростков: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] // Педиатрия. Consilium Medicum. – 2021. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tabakokureniya-podrostkov-vchera-segodnya-zavtra (дата обращения: 26.04.2026).

Связь готовности к изменениям и ценностных ориентаций у людей, зависимых от психоактивных веществ, на этапе реабилитации

Бровкова М.Н.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Богданович Н. В.

В современных условиях проблема зависимости от психоактивных веществ (ПАВ) сохраняет высокую социальную и научную значимость, что обусловлено ростом распространенности аддиктивного поведения и сложностями, связанными с процессом реабилитации и профилактики рецидивов. В контексте юридической психологии данная проблема приобретает особую значимость, поскольку аддиктивное поведение связано с нарушением социальных норм и риском криминализации личности. В связи с этим особый интерес представляет изучение факторов, способствующих успешной реабилитации.

Одним из ключевых таких факторов является готовность к изменениям, отражающая степень осознания проблемы и внутреннюю мотивацию к отказу от употребления ПАВ. В рамках мотивационных моделей она рассматривается как динамическое образование, изменяющееся в процессе реабилитации (Miller W., Tonigan J., 1996). Наряду с этим важную роль играет ценностно-смысловая сфера личности, определяющая направленность поведения и систему жизненных приоритетов (Schwartz S., 2012).

Исследования показывают, что у лиц с зависимостью наблюдается деформация ценностной системы, проявляющаяся в преобладании гедонистических установок и снижении значимости просоциальных ценностей. В процессе реабилитации предполагается трансформация ценностной сферы в сторону самопреодоления и открытости изменениям, что может выступать ресурсом устойчивых личностных изменений.

Целью настоящего исследования является анализ связи между готовностью к изменениям и ценностными ориентациями у лиц, зависимых от ПАВ, находящихся на этапе реабилитации. Предполагалось, что высокая готовность к изменениям будет положительно связана с ценностями самопреодоления и открытости изменениям и отрицательно — с ценностями гедонизма и стимуляции.

В исследовании приняли участие 52 респондента (34 мужчины и 18 женщин) в возрасте от 18 до 60 лет (M=32±8,62), проходящие реабилитацию в специализированном центре. Срок пребывания в центре варьировал от 2

недель до 16 месяцев. В качестве диагностического инструментария использовались опросник готовности к изменениям SOCRATES (Miller W., Tonigan J.) и портретный ценностный опросник PVQ-RR (Schwartz S., адаптация Т.П. Бутенко). Обработка данных проводилась с использованием пакета SPSS с применением коэффициента корреляции Спирмена и U-критерия Манна–Уитни.

Анализ показал, что в целом выборка характеризуется достаточно высоким уровнем готовности к изменениям (M=6,50±1,31), что соответствует задачам реабилитационного процесса. Вместе с тем данный результат может быть частично обусловлен влиянием социальной желательности, а также адаптацией респондентов к диагностическим процедурам.

Исследование ценностных ориентаций показало, что наиболее выраженными являются ценности, связанные с благожелательностью, заботой и межличностными отношениями. На уровне обобщенных блоков наибольшие значения были получены для ценностей самопреодоления и открытости изменениям, тогда как ценности самоутверждения выражены слабее.

Корреляционный анализ выявил ограниченное количество статистически значимых связей между готовностью к изменениям и ценностными ориентациями. В частности, обнаружены положительные связи с ценностями универсализма (забота, толерантность) и безопасности. Это может свидетельствовать о том, что готовность к изменениям в большей степени связана с ориентацией на социальную гармонию, принятие других и стремление к стабильности, чем с индивидуальными ценностями развития.

При этом предполагаемая связь с ценностями самопреодоления и открытости изменениям на уровне обобщенных блоков не получила статистического подтверждения. Также не была выявлена значимая отрицательная связь с гедонизмом и стимуляцией. Это может указывать на то, что стремление к удовольствию не исчезает в процессе реабилитации, а трансформируется и может сохраняться как мотивационный ресурс.

Дополнительный анализ показал, что ценностные ориентации не демонстрируют значимых изменений в зависимости от срока пребывания в реабилитационном центре, что позволяет говорить об их относительной устойчивости. Вместе с тем выявлены различия в структуре взаимосвязей в зависимости от пола и возраста, что указывает на неоднородность механизмов личностных изменений.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о сложном и неоднозначном характере связи готовности к изменениям и ценностных ориентаций. Готовность к изменениям в большей степени связана с социально-нормативными ценностями, чем с ценностями личностного роста, что может

отражать специфику ранних этапов реабилитации. В целом можно предположить, что изменения в процессе реабилитации затрагивают прежде всего поведенческие и регуляторные аспекты, тогда как ценностная сфера остается относительно стабильной.

Полученные данные могут быть использованы при разработке реабилитационных программ, ориентированных не только на формирование мотивации к изменениям, но и на постепенную трансформацию ценностной системы личности.

Литература

1. Брынза И.В. Готовность к изменениям как психологический ресурс личности в достижении благополучия // Science and Education a New Dimension. Pedagogy and Psychology. — 2015. — № III (31). — С. 69–73.
2. Бузина Т.С., Шаталов П.Н. Специфика ценностно-смысловой сферы наркозависимых // Психология и психотехника. — 2011. — № 7. — С. 33–45.
3. Колпакова Л.М. Психологическая готовность личности к изменениям // Психология развития личности: материалы научной конференции. — 2023. — С. 227–228.
4. Deng J., Cheng Z., Qi S., Deng R. Unravelling the relationship between perceived values-congruence with organizational change readiness: A moderated mediation model // Frontiers in Psychology. — 2023. — Vol. 14. — Art. 1086326. — DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1086326.
5. Myers B., van der Westhuizen C., Naledi T., Stein D. J., Sorsdahl K. Readiness to change is a predictor of reduced substance use involvement: findings from a randomized controlled trial of patients attending South African emergency departments // BMC Psychiatry. — 2016. — Vol. 16. — Art. 35. — P. 5–6. — DOI: 10.1186/s12888-016-0742-8

Субъективное отчуждение и типы привязанности у молодых взрослых со склонностью к фаббингу в романтических отношениях

Васильева А.Р.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель — Делибалт В.В.

Современное общество характеризуется парадоксальным сочетанием цифровой гиперсвязанности и нарастающего кризиса эмоциональной близости. В России наблюдается острый рост числа одиноких домохозяйств (более 40% по данным Росстата), что часто сопровождается субъективным отчуждением — состоянием смыслоутраты и экзистенциальной пустоты в отношениях. На этом фоне широкое распространение получает фаббинг (игнорирование партнера в пользу смартфона), который может выступать деструктивной стратегией совладания с внутренним неблагополучием. Изучение механизмов связи этих феноменов необходимо для разработки программ укрепления психологического благополучия молодых взрослых.

Целью исследования является выявление и описание специфики субъективного отчуждения и типов привязанности у молодых взрослых со склонностью к фаббингу в романтических отношениях.

Гипотеза: существует связь между типом привязанности, уровнем субъективного отчуждения и выраженностью склонности к фаббингу в романтических отношениях у молодых взрослых, а именно:

1. Молодые взрослые с ненадежными типами привязанности (тревожным или избегающим) имеют более высокие показатели субъективного отчуждения.

2. Высокий уровень субъективного отчуждения положительно коррелирует с частотой использования смартфона во время общения с партнером (фаббингом).

3. Субъективное отчуждение выступает медиатором: ненадежная привязанность усиливает отчуждение, что ведет к росту фаббинга как компенсаторной реакции.

В исследовании приняло участие 60 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет (средний возраст – 21,8 лет). Из них: Мужчины: 23 чел. (38,3%, средний возраст– 22,4 года). Женщины: 37 чел. (61,7%, средний возраст – 21,2 года). Возрастное распределение: 75% выборки составляют молодые люди в возрасте 18-22 лет. Сбор данных осуществлялся онлайн через платформу «Яндекс Формы».

Методики исследования: авторская демографическая анкета анкета; шкала «Фаббинг партнера» (Roberts, David, 2016; адапт. Екимчик, Крюкова, 2022); «Шкала субъективного отчуждения» (Е.Н. Осин); Мульти-опросник измерения романтической привязанности (MIMARA) (Brennan, Shaver, 1995; адапт. Екимчик, 2009); Опросник генерализованного типа привязанности (RQ) (Bartholomew, Horowitz, 1991; адапт. Казанцева, 2011).

Статистическая обработка проводилась с помощью корреляционного анализа Спирмена и U-критерия Манна-Уитни.

Основная гипотеза была подтверждена частично. Первая частная гипотеза подтвердилась: выявлены статистически значимые положительные корреляции ненадежной привязанности со всеми шкалами субъективного отчуждения: вегетативностью ($r_s = 0,518$), бессилием ($r_s = 0,349$), нигилизмом ($r_s = 0,358$), отчуждением в отношениях ($r_s = 0,455$), от семьи ($r_s = 0,388$) и от собственной личности ($r_s = 0,419$).

Вторая частная гипотеза не подтвердилась: статистически значимых связей между уровнем субъективного отчуждения и частотой фаббинга не обнаружено ($p > 0,05$). Единственная значимая связь фаббинга выявлена с продолжительностью отношений ($r_s = 0,259$) - в длительных союзах партнеры чаще отвлекаются на смартфоны.

Третья частная гипотеза не подтвердилась: отсутствие прямой связи фаббинга с отчуждением и привязанностью не позволяет рассматривать отчуждение как медиатор в данной выборке.

Дополнительные данные: установлено, что субъективное отчуждение тесно связано с амбивалентностью и фрустрацией в романтической сфере, в то время как доверие и стремление к сближению выступают ресурсами, снижающими уровень отчужденности.

Исследование показало, что субъективное отчуждение у молодых взрослых детерминировано прежде всего качеством привязанности, а не внешними проявлениями фаббинга. Фаббинг в данной выборке оказался относительно автономным коммуникативным паттерном.

Литература

1. Екимчик О. А., Крюкова Т. Л. Адаптация методик измерения фаббинга в близких отношениях: шкала фаббинга Карадага и шкала партнерского фаббинга Робертса // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Т. 30. – № 3. – С. 112–128.

2. Осин Е. Н. Категоризация отчуждения в психологии: история, теория, эмпирика // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – Т. 12. – № 4. – С. 7–52.

3. Опекина Т. П., Екимчик О. А. Привязанность как предиктор удовлетворенности близкими отношениями у партнеров // Социальная и экономическая психология. – 2022. – Т. 7. – № 4 (28). – С. 134–157.
4. Roberts J. A., David M. E. My life has become a major distraction from my cell phone: Partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners // Computers in Human Behavior. – 2016. – Vol. 54. – P. 134–141.

Эмоционально-волевые особенности созависимых девушек юношеского возраста

Голенкова Е.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Власова Н.В.

В обществе становится все более распространенным явление созависимости, которое обусловлено различными факторами. По данным исследований 60-80% людей, состоящих в длительных романтических взаимоотношениях, обнаруживаются признаки созависимости, серьезно влияющей на качество жизни. Дети, которые воспитывается в семье с аддиктивными отношениями, более склонны к проявлениям зависимого и самоповреждающего поведения, агрессии и насилию (Балякина Г.Е., 2023).

В настоящее время созависимость рассматривают в контексте деструктивных партнерских (романтических) отношений. Они характеризуются размытыми личностными границами, преобладанием стремления удовлетворить потребности и желания партнера, утратой собственной автономии и чрезмерным контролем над действиями партнера. При этом девушки сталкиваются с подобной проблемой в 4-5 раз чаще молодых людей в силу психологических и социальных особенностей (Никонорова Е.Ю., 2020).

Среди близких родственников аддиктивных пациентов распространенность созависимости составляет до 80-98%, причем созависимыми чаще становятся женщины (Ханова О.А., 2025)

Созависимые отношения – это отношения двух людей, характеризующиеся чрезмерной эмоциональной (иногда физической и социальной) зависимостью и занимающие большое место в жизни, при этом вытесняя и обесценивая все остальное, и не приносящие удовлетворения (Осинская С.А., Кравцова Н.А., 2016).

Все вышесказанное определило цель настоящего исследования: выявление эмоционально-волевых особенностей у созависимых девушек в юношеском возрасте.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что девушки, отличающиеся выраженной созависимостью в отношениях, характеризуются высоким уровнем тревожности, низким уровнем эмоционального интеллекта и сниженными показателями саморегуляции.

В исследовании использовались следующие методики: Шкала созависимости Спанн-Фишер (CSIS), «Методика оценки тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина» (STAI), Опросник эмоционального интеллекта «Эмин» (Д.В. Люсин), опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова).

В исследовании приняли участие 72 девушки в возрасте от 18 до 24 лет, средний возраст составляет 22,2. Респонденты проживают в Москве (60%) и Московской области (40%).

Результаты исследования степени созависимости показали, что у 43% девушек выявлена высокая степень созависимости, у 51% девушек выявлена умеренная степень созависимости, а у 6% девушек – низкая степень созависимости.

Респондентов из всей выборки мы разделили на две группы: 43% девушек с высокой степенью созависимости мы отнесли к проблемной группе, 51% девушек с умеренной степенью и 6% с низкой степенью созависимости мы отнесли к контрольной группе.

По результатам проведенного сравнительного анализа в исследуемых группах были выявлены значимые различия по показателям ситуативной тревожности ($U = 339,5$; $p < 0,001$), понимания эмоций ($U = 809$; $p < 0,05$), понимания собственных эмоций ($U = 912$; $p < 0,01$), управления собственными ($U = 809$; $p < 0,05$) и чужими ($U = 839,5$; $p < 0,05$) эмоциями, внутриличностного ($U = 871$; $p < 0,01$) и общего ($U = 827,5$; $p < 0,05$) эмоционального интеллекта, тенденция по показателям личностной тревожности ($U = 480$; $p < 0,1$), моделирования ($U = 790,5$; $p < 0,1$) и программирования ($U = 479,5$; $p < 0,1$).

По результатам корреляционного анализа установлены прямые сильные статистически значимые связи между показателями созависимости и ситуативной ($r = 0,519$; $p < 0,01$), личностной тревожности ($r = 0,393$; $p < 0,01$). Также обнаружен ряд обратных корреляций: уровень управления своими ($r = - 0,310$; $p < 0,01$) и чужими ($r = -0,262$; $p < 0,05$) эмоциями, понимание эмоций ($r =-0,263$; $p < 0,05$), в особенности своих эмоций ($r = -0,432$; $p < 0,01$), сопряжены со степенью созависимости. Аналогичные обратные связи

зафиксированы для внутриличностного (r = -0,370; p < 0,01) и общего эмоционального интеллекта (r = -0,280; p < 0,05), а также для такого компонента саморегуляции, как моделирование (r = -0,267; p < 0,05).

Таким образом, по результатам проведенного сравнительного анализа в исследуемых группах были выявлены значимые различия по показателям ситуативной тревожности, понимания эмоций, понимания собственных эмоций, управления собственными и чужими эмоциями, внутриличностного и общего эмоционального интеллекта. По результатам корреляционного анализа установлены прямые сильные статистически значимые связи между показателями ситуативной, личностной тревожности и созависимости. Также обнаружен ряд обратных корреляций с показателем созависимости: уровень управления своими и чужими эмоциями, понимание эмоций, в особенности своих эмоций. В то же время получены обратные связи со степенью созависимости по факторам внутриличностного и общего эмоционального интеллекта, моделирования как компонента саморегуляции.

На основе проведенного исследования предложены рекомендации по психопрофилактике созависимых отношений у девушек юношеского возраста: развитие общего и внутриличностного эмоционального интеллекта, снижение уровня тревожности и развитие моделирования.

Литература

1. Балякина Г.Е. Связь стиля воспитания со стороны матери и отца со склонностью к отклоняющемуся поведению подростков в созависимых семьях [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2023. – № 20 (467). – С. 395-398. – URL: https://moluch.ru/archive/467/102927/ (дата обращения: 14.04.2026).
2. Никонорова Е.Ю. Теоретический анализ феномена созависимость [Электронный ресурс] // StudNet. – 2020. – №5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-analiz-fenomena-sozavisimost (дата обращения: 14.04.2026).
3. Осинская С.А., Кравцова Н.А. Системная детерминация созависимости: некоторые подходы к объяснению феномена [Электронный ресурс] // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. – 2016. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnaya-determinatsiya-sozavisimosti-nekotorye-podhody-k-obyasneniyu-fenomena (дата обращения: 14.04.2026).
4. Ханова О. А. Созависимость. – Текст: электронный // krasotaimedicina: [сайт]. – URL: https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/psychiatric/codependency (дата обращения: 14.04.2026).

Социальная идентичность и риск радикализации в подростково-молодежной среде

Дворянчикова К.Н.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Бовина И. Б.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления факторов-маркеров, позволяющих прогнозировать риск вовлечения подростков и молодежи в экстремистские и террористические группировки. Теория неопределенности-идентичности М. Хогга (Hogg M. A., 2007) представляет собой одну из ключевых концепций в изучении формирования социальной идентичности, рассматривающую роль неопределенности, связанной с представлениями о собственном «Я», и объясняющую, каким образом индивиды стремятся снизить внутренние противоречия через принадлежность к социальным группам.

Цель исследования: изучение связи степени выраженности социальной идентичности у учеников и студентов и степени выраженности энтитативности различных выбранных ими групп.

В исследовании приняли участие 867 респондентов: 543 ученика школ и 324 студента вузов г. Москвы. Социальная идентичность оценивалась с помощью методики М. Куна — Т. Макпартленда «Кто я?». Энтитативность различных групп оценивалась по опроснику из 30 шкал, разработанному Н.В. Дворянчиковым, И.Б. Бовиной и Д.В. Мельниковой (Дворянчиков Н. В., Бовин Б. Г., Мельникова Д. В., 2023). Статистический анализ проводился с использованием критерия Фишера.

Выявлены значимые связи между степенью выраженности социальной идентичности и степенью выраженности энтитативности групп, в которых состоят респонденты. Ученики и студенты с сильной степенью выраженности социальной идентичности воспринимают группы, в которых они состоят, как обладающие высокой степенью энтитативности (критерий Фишера = 24,870, p = 0,000 для учеников; критерий Фишера = 29,207, p = 0,000 для студентов). Установлена статистически значимая связь между средней и сильной степенью выраженности социальной идентичности и желанием принадлежать к группе с сильной степенью энтитативности. Не выявлена связь между степенью выраженности социальной идентичности у учеников и степенью выраженности энтитативности нежелательной группы, в отличие от

студентов, у которых данная связь подтверждена (критерий Фишера = 23,057, p = 0,000) (Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н., 2025).

Выводы. Полученные данные свидетельствуют о том, что степень выраженности социальной идентичности влияет на восприятие сплоченности значимых и желательных групп. Индивиды с сильной социальной идентичностью склонны воспринимать группы принадлежности как более энтитативные. Для студентов с сильной и средней степенью выраженности социальной идентичности нежелательная группа воспринимается как обладающая более сильной степенью энтитативности, что согласуется с теорией межгрупповой дифференциации (Hogg M. A., 2007; Tajfel H., Turner J. C., 1986). Результаты исследования могут быть использованы для разработки методик ранней диагностики риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Литература

1. Дворянчиков Н. В., Бовин Б. Г., Мельникова Д. В. и др. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты // Психология и право. – 2023. – Т. 13. – № 3. – С. 93–107. – DOI 10.17759/psylaw.2023130307.
2. Налетова Д. А., Дворянчиков Н. В., Дворянчикова К. Н. Возможности оценки риска радикализации в подростковой и молодежной среде в рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка) // Экстремальная психология и безопасность личности. – 2025. – Т. 2. – № 4. – С. 25–40.
3. Hogg M. A. Uncertainty-identity theory // Advances in experimental social psychology. – 2007. – Vol. 39. – P. 69–126.
4. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / editors S. Worchel, W. G. Austin. – Chicago: Hall Publishers, 1986. – P. 7–24.

Перевод и апробация методики «Шкала опыта в отношениях между человеком и ИИ» на русскоязычной выборке

Демидович К.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Делибалт В.В.

Сегодня многие студенты доверяют агентам искусственного интеллекта решение многих академических и рабочих задач. Однако люди в эпоху внедрения нейросетевых моделей прибегают к использованию систем искусственного интеллекта для размещения своих самых разных переживаний. Молодые люди задают важные жизненные вопросы и получают поддержку, как от друзей или психолога. Это стало возможным благодаря развитию технологий и способности искусственного интеллекта обучаться и адаптироваться под потребности пользователей. Эмоциональная связь между человеком и машиной выходит далеко за рамки утилитарного взаимодействия. Пользователи начинают воспринимать своих цифровых помощников как настоящих друзей (Bae Brandtzaeg P., 2022), партнёров (Chu M. D., Gerard P., 2025) и наставников, искренне полагаясь на их помощь и советы.

Феномен привязанности к ИИ-помощникам стал предметом активного изучения психологов и социологов. Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, стремительное развитие технологий не только повышает роль искусственного интеллекта в повседневной жизни молодых людей, но и расширяет количество этих ролей. Так искусственный интеллект может быть как обычным поисковиком информации, так и психологом. Понимание особенностей формирования эмоциональной связи с такими устройствами позволяет глубже осознать природу человеческих потребностей (Xie T., 2022). Во-вторых, в цифровую эпоху социальные связи становятся достаточно ненадежными и непостоянными. С одной стороны, агенты искусственного интеллекта могут заменить нам реальные социальные коммуникации и способствовать уменьшению одиночества. С другой стороны, присутствие ИИ может усугубить ощущение изоляции, и это следует изучать. Наконец, изучение привязанности поможет выявить потенциальные риски зависимости от нейросетей и разработать рекомендации по эффективному и безопасному взаимодействию с технологиями.

Источником методики EHARS является исследование «Using attachment theory to conceptualize and measure the experiences in human-AI relationships» (Yang F., Oshio A., 2025). Главной целью и задачей исследования являлось изучение взаимоотношений между человеком и ИИ на

основе теорий привязанности, а также разработка инструментария для оценки таких отношений. Исследователи пришли к тому, что подобный опыт взаимодействия с ИИ может быть описан через две основные характеристики привязанности: избегание и тревожность. В результате исследования была разработана шкала опыта взаимоотношений человека и ИИ (EHARS). Методика EHARS оценивает тип привязанности и измеряет уровень тревожности и избегания по отношению к ИИ. Теоретической базой является двумерная модель привязанности М. Микулинцера и П. Шейвера, за основу была взята методика «Опыт близких отношений» К. Бренана и Р. Фрейли. Методика включает в себя 7 утверждений, которые оцениваются по 7-балльной шкале Лайкерта. Шкала «Тревога привязанности к ИИ» оценивает уровень волнения по поводу привязанности к ИИ. Данная шкала состоит из 4-х утверждений (α-Кронбаха: 0,69). Шкала «Избегание привязанности к ИИ» измеряет степень дискомфорта при возникновении близких отношений с ИИ, и состоит из 3-х утверждений (α-Кронбаха: 0,79). Баллы по шкалам рассчитываются методом усреднения значений соответствующих пунктов. Более высокие баллы отражают более высокий уровень каждого аспекта привязанности к ИИ. Перевод методики осуществлялся методом прямого и обратного перевода. Автор методики предоставил нам английскую версию. Исходный текст методики был переведён с английского языка на русский. Русскоязычная версия методики была переведена обратно на английский язык. Полученная после обратного перевода англоязычная версия была сопоставлена с оригиналом. Расхождений, которые влияют на смысловую нагрузку пунктов методики, выявлено не было. Ниже представлены используемые в методике утверждения:

1. Мне нужны проявления привязанности от ИИ, чтобы чувствовать, что кто-то принимает меня таким, какой я есть.
2. Я часто прошу ИИ проявлять ко мне близость и преданность.
3. Я часто прошу ИИ проявлять больше чувств и привязанности.
4. Я часто желаю, чтобы чувства ИИ ко мне были такими же сильными, как мои чувства к нему.
5. Я предпочитаю не показывать ИИ, что я чувствую в глубине души.
6. Я не чувствую себя комфортно, раскрываясь перед ИИ.
7. Я предпочитаю не быть слишком близким с ИИ.

Эмпирическую базу исследования составили данные 58 респондентов в возрасте от 16 до 34 лет. Средний возраст выборки составил 21,95 года, стандартное отклонение – 4,13, медиана – 20 лет. Апробация русскоязычной версии методики проводилась в онлайн-формате с использованием

платформы Яндекс Формы. Ссылка преимущественно распространялась в тематических сообществах на платформе «Вконтакте».

Оценка внутренней согласованности методики проводилась с использованием коэффициента α-Кронбаха и средней межпунктовой корреляция, так как количество вопросов в шкале небольшое. Шкала «Тревога привязанности к ИИ» показала хорошую внутреннюю согласованность: α-Кронбаха = 0,95, средняя межпунктовая корреляция = 0,84. По шкале «Избегание привязанности к ИИ» результаты следующие: α-Кронбаха = 0,83, средняя межпунктовая корреляция = 0,62. Так как результаты аномально высокие, был произведен расчет корреляции каждого вопроса с суммарным баллом по шкале. Все корреляции превышают порог 0,5. Шкалы демонстрируют высокую внутреннюю согласованность, пункты шкалы гомогенны и измеряют единый конструкт. Удаление какого-либо пункта не приводит к повышению α-Кронбаха, что подтверждает вклад каждого пункта в надежность шкалы.

Анализ результатов по методике показал, что среднее значение по шкале «Тревога привязанности к ИИ» (M) по исследуемой выборке составило 1,9 при стандартном отклонении (SD) 1,58. Медиана распределения незначительно ниже среднего (Me=1), что может указывать на некоторое смещение распределения в сторону более низких значений. Среднее значение по шкале «Избегание привязанности к ИИ» составило 3,96 при стандартном отклонении 2,05. Величина стандартного отклонения превышает половину среднего значения, что свидетельствуют о разбросе индивидуальных значений выраженности избегания привязанности к ИИ. Медиана распределения ниже среднего (Me=3,67). Данные показатели свидетельствуют о выраженности избегания привязанности к ИИ у исследуемой выборки.

Таким образом, результаты нашего исследования являются важным шагом в направлении валидизации средств оценки наличия и выраженности привязанности к ИИ.

Литература

1. Brandtzaeg P., Skjuve M., Følstad A. My AI Friend: How Users of a Social Chatbot Understand Their Human–AI Friendship // Human Communication Research. — 2022. — Vol. 48, no. 3. — P. 404–429.

2. Chu M., Gerard P., Pawar K. [et al.] Illusions of Intimacy: Emotional Attachment and Emerging Psychological Risks in Human-AI Relationships. — USC Information Sciences Institute, 2025. — 14 p.

3. Xie T., Pentina I. Attachment theory as a framework to understand relationships with social chatbots: A case study of Replika // Proceedings of the 55th Hawaii International Conference on System Sciences [Электронный ресурс] — 2022. — p. 2034–2043. —URL: arXiv:2505.11649v2 (дата обращения: 26.04.2026)

4. Yang F., Oshio A. Using attachment theory to conceptualize and measure the experiences in human-AI relationships // Current Psychology. — 2025. — Vol. 44. — P. 10658–10669.

Связь предпочитаемой тематики компьютерных игр со склонностью к девиантному поведению у молодых взрослых

Демина К.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Шпагина Е.М.

Современное общество переживает период глубоких трансформаций, связанных с цифровизацией всех сфер жизни человека. Компьютерные игры прочно вошли в повседневную реальность молодых взрослых, став неотъемлемой частью их досуговой деятельности и социализации. Согласно исследованиям, более 70% молодежи в возрасте от 18 до 25 лет регулярно играют в компьютерные игры, проводя в среднем от 2 до 5 часов ежедневно в игровой среде. Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, компьютерные игры представляют собой мощный фактор социализации молодежи, формируя определенные модели поведения, ценностные ориентации и способы взаимодействия с окружающим миром. Во-вторых, тематическое содержание современных игр часто включает элементы насилия, агрессии, криминального поведения, что вызывает обоснованную обеспокоенность у исследователей и практиков в области психологии и педагогики. В-третьих, период молодой взрослости (18-25 лет) характеризуется завершением формирования личности, становлением самостоятельности и поиском жизненных стратегий, что делает данную возрастную группу особенно уязвимой к влиянию игрового контента.

Теоретической основой анализа выступают работы отечественных и зарубежных ученых в области психологии игровой деятельности, девиантологии и социализации личности. К ним относятся концепции Войскунского А.Е. о психологической природе компьютерной зависимости,

исследования Солдатовой Г.У. по проблемам цифровой социализации, работы Райана Р.М. и коллег о мотивационных аспектах игровой деятельности (теория самодетерминации, выделяющая потребности в компетентности, автономии и связанности), а также исследования в области девиантного поведения.

Цель исследования – выявление и анализ связи между предпочитаемой тематикой компьютерных игр и склонностью к девиантному поведению у молодых взрослых в возрасте от 18 до 25 лет.

Гипотеза исследования заключается в том, что существует значимая связь между предпочитаемой тематикой компьютерных игр и склонностью к девиантному поведению у молодых взрослых, при этом данная связь опосредована мотивационными характеристиками игровой деятельности и личностными особенностями респондентов.

Проведенное исследование охватило 72 человека в возрасте от 18 до 25 лет. Гендерное распределение выборки было равномерным: 36 мужчин (50%) и 36 женщин (50%). Данные для исследования были получены с помощью онлайн-платформы Google Forms. В качестве методического инструментария использовались: Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел, СОП); Шкала мотивации гейминга GAMS; Шкала мотивации игры в ММОРПГ;

Авторский опросник, разработанный специально для данного исследования и включающий 16 вопросов (шкалы предпочтения девиантного контента, девиантного игрового поведения, просоциальной ориентации, эмоциональной увлеченности, игровой дисфункции, а также интегральный показатель).

В ходе исследования была обнаружена статистически значимая связь между предпочитаемой тематикой компьютерных игр и склонностью к девиантному поведению. Выявлены значимые корреляционные связи между показателями предпочтения девиантного контента, девиантного игрового поведения и общим показателем девиации. В частности, шкала предпочтения девиантного поведения показывает сильные прямые связи с аддиктивным поведением ($r = 0,500$, $p < 0,01$) и делинквентным поведением ($r = 0,492$, $p < 0,01$), а также со сниженным волевым контролем ($r = 0,453$, $p < 0,01$). Шкала девиантного игрового поведения связана с аддиктивным поведением ($r = 0,340$, $p < 0,01$) и делинквентностью ($r = 0,388$, $p < 0,01$). При этом шкала просоциальной ориентации дает значимые отрицательные корреляции с аддикцией ($r = -0,255$, $p < 0,05$), делинквентностью ($r = -0,295$, $p < 0,05$) и сниженным волевым контролем ($r = -0,244$, $p < 0,05$). Шкала эмоциональной увлеченности коррелирует только с агрессией ($r = 0,278$, $p < 0,05$). Интегральный показатель авторской методики коррелирует с аддикцией ($r =$

0,411, $p < 0,01$), волевым контролем ($r = 0,278$, $p < 0,05$) и делинквентностью ($r = 0,418$, $p < 0,01$).

Анализ мотивационных шкал ММОРПГ также выявил системные связи с показателями девиантного поведения. Шкала достижения коррелирует с аддиктивным поведением ($r = 0,380$, $p < 0,01$) и делинквентностью ($r = 0,417$, $p < 0,01$); шкала прогресса – с аддикцией ($r = 0,349$, $p < 0,01$) и делинквентностью ($r = 0,375$, $p < 0,01$); шкала соревнования – с аддикцией ($r = 0,279$, $p < 0,05$), агрессией ($r = 0,250$, $p < 0,05$) и делинквентностью ($r = 0,306$, $p < 0,01$). Социальная мотивация коррелирует с аддикцией ($r = 0,326$, $p < 0,01$) и делинквентностью ($r = 0,359$, $p < 0,01$). Шкала погружения связана с аддикцией ($r = 0,343$, $p < 0,01$) и делинквентностью ($r = 0,289$, $p < 0,05$). Мотивация гейминга по методике GAMS подтверждает компенсаторный характер игры: склонность к аддиктивному поведению коррелирует с идентифицированной и интроецированной регуляцией, а также с амотивацией, а склонность к делинквентному поведению – с интегративной и интроецированной регуляцией.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о существовании значимой связи между предпочитаемой тематикой компьютерных игр и склонностью к девиантному поведению у молодых взрослых, при этом данная связь опосредована мотивационными характеристиками игровой деятельности и личностными особенностями респондентов.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по профилактике девиантного поведения с учетом игровых особенностей молодых взрослых. Рекомендации адресованы психологам, педагогам и специалистам по работе с молодежью и включают: диагностику и выявление групп риска; индивидуальную профилактическую работу; развитие просоциальной ориентации; работу с мотивационной сферой; вовлечение семьи и образовательных учреждений; межведомственное взаимодействие; учет возрастных особенностей; развитие альтернативных форм досуга; работу с виртуальными сообществами; мониторинг эффективности профилактических мероприятий.

Таким образом, полученные результаты могут быть использованы в практической деятельности психологов, педагогов и специалистов по работе с молодежью при разработке программ психологической помощи, профилактических мероприятий и образовательных курсов по цифровой грамотности.

Литература

1. Айсина Р.М., Нестерова А.А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски. – Москва : Издательство МГППУ, 2019. – 156 с.
2. Алистратова Е.Ю. Проактивная агрессия в Интернете: причины, последствия и возможные пути профилактики // Психолог. – 2014. – № 1. – С. 39–54.
3. Войскунский А.Е. Концепции зависимости и присутствия применительно к поведению в Интернете // Медицинская психология в России. – 2015. – № 4 (33). – С. 6.
4. Райан Р.М., Ригби К.С., Пшибыльски А. Мотивационное притяжение видеоигр. – Москва : Издательство МГППУ, 2018. – 142 с.
5. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. – 2018. – Том 9. – № 3. – С. 71–80.
6. Хлебникова О.С. Цифровые риски и девиантное поведение студентов // Социальная клиника. – 2022. – № 4. – С. 112–125.

Связь темной дюжины с синдромом упущенных возможностей у лиц, проявляющих склонность к онлайн-преследованию

Диденко Е.Д.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Делибалт В.В.

В последние годы остро стоит вопрос об обеспечении безопасности в киберпространстве. Цифровизация, несомненно, приносит множество преимуществ, но повсеместное проникновение технологий во все сферы жизни человека несет и угрозы психологической безопасности. Для некоторых лиц Интернет пространство становиться площадкой неурегулированного поведения (Ларина Е.В., 2025).

Феномен кибersталкинга многими зарубежными и отечественными исследователями рассматривается как форма преследования, включая в себя повторяющиеся действия, вызывающие опасения и страх, но происходящие с использованием цифровых технологий, нередко с целью сохранения анонимности (Огилви Э., 2000). Для обогащения научной информации по данному феномену, важно заострять внимание на изучении личности,

совершающей данное противоправное деяние, с целью выявления средств борьбы с представленным феноменом, а также выявления предикторов подобного деяния.

Цель нашего исследования заключается выявлении и описании особенностей личностных черт и синдрома упущенных возможностей у молодых взрослых, проявляющих склонность к онлайн-преследованию.

Гипотезой исследования является предположение о том, что существует связь между темными чертами, и синдромом упущенных возможностей у молодых взрослых со склонностью к онлайн-преследованию. А именно:

Лицам, демонстрирующим склонность к киберсталкингу свойственен высокий балл по шкале «Зависимость»

Респонденты, проявляющих склонность к онлайн-преследованию, имеют высокие показатели по шкале «нарциссизм»

В исследовании приняли участие 51 респондент в возрасте от 18 до 38 лет (средний возраст – 23 года). Из них респондентов мужского пола 13 человек, респондентов женского пола 38 человек. Все респонденты имеют страницы в социальных сетях. Выборка была разделена на 2 группы. Критерии формирования групп: по результатам скрининга по Шкале киберсталкинга (Кисляков П.А., Саенко А.Ю., 2025):

Контрольную группу («К») составили молодые взрослые без склонности к киберсталкингу в количестве – 27 человек. Из них респондентов женского пола – 18 человек, респондентов мужского пола – 9 человек.

Группа сравнения («С») – молодые взрослые, проявляющие потенциальную склонность к онлайн-преследованию – 24 человека. Респондентов женского пола, в данной группе – 20 человек, респондентов мужского пола - 4 человека.

Анкетирование было проведено с помощью онлайн платформы Psy.zy, ссылка на анкету была размещена на платформе «Вконтакте».

С целью сбора необходимых данных, были проведены последующие методики: авторская демографическая анкета, где уточнялись данные по теме опыта ситуаций риска киберпреследования; Опросник Шкала киберсталкинга С. Сантос, в переводе П.А. Кислякова и А.Ю. Саенко (Кисляков П.А., Саенко А.Ю., 2025); Опросник «Темная дюжина» в адаптации Т.В. Корниловой и М.А. Чумаковой (Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Чумакова М.А., 2015); Опросник «Шкала ON-FoMO» (Онлайн-опасение упустить важное) в переводе П.А. Кислякова и А.Ю. Саенко (Кисляков П.А., Саенко А.Ю., 2025); Методами исследованиями являются описательная статистика и корреляционный анализ.

Согласно результатам исследования, было выявлено, что люди, проявляющие потенциальную склонность к проявлению онлайн-

преследования, демонстрируют высокие показатели по шкале «нарциссизм» и «макиавеллизм», по сравнению с группой, не проявляющих склонность к кибер-преследованию.

Также были выявлено, что респонденты, отнесенные по результатам скрининга к группе сравнения, демонстрируют высокие показатели по шкале «зависимость», что может выражаться в большей погруженности в онлайн-среду, большей неспособностью контролировать время использования социальных сетей, чем у респондентов из контрольной группы.

Шкалы «зависимость» и «потребность в принадлежности к группе» имеют положительные корреляционные связи со шкалой «нарциссизм» – p= 0,697; p= 0,618 соответственно. Проявляющим склонность к онлайн-преследованию, с подобной особенностью психики, свойственен страх изоляции, а также им не только важно быть замеченными и включенными в какие-либо социальные группы, но и быть востребованными, что в современном обществе также влечет и частое бесконтрольное времяпровождение в интернете, чтобы всегда оставаться в контексте, оставаться в эпицентре любых событий.

Таким образом, молодые взрослые, проявляющие потенциальную склонностью к онлайн-преследованию, демонстрируют более высокий уровень «тёмных» черт личности (нарциссизма, макиавеллизма, психопатии) относительно группы тех, кто не проявляет подобной склонности. Кроме того, для группы сравнения характерно наличие симптомов синдрома упущенных возможностей. Предположительно, именно это сочетание психологических конструктов может способствовать повышенной вовлеченности в онлайн-среду и склонности к навязчивому отслеживанию действий других пользователей, что в ряде случаев проявляется в форме онлайн-преследования.

В дальнейшем стоит принимать во внимание изучение феномена онлайн-опасения упустить что-то важное с «темными» чертами личности. Выявление связи склонности к онлайн-преследованию с личностными чертами, со страхом упущенных возможностей позволит в дальнейшем применять данный конструкт в прогностических целях, а также поможет в построении программ профилактики, укажет дополнительные предикторы в выявлении лиц, демонстрирующих подобное поведение.

Литература

1. Кисляков П.А., Саенко А.Ю. Социальная киберпсихология: учебное пособие [Текст]. – Красноярск: НИЦ, 2025 – 357 с.

2. Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Чумакова М.А. Методика диагностики личностных черт “темной триады”: апробация опросника

“Темная дюжина” [Текст] // Психологический журнал. – 2015. – № Т. 36. – №2. – С. 99–112.

3. Ларина Е.В. Кибersталкинг как современная угроза общественной безопасности: меры противодействия в России и за рубежом //Социологическая наука и социальная практика. – 2025. – Т. 13. – №. 1. – С. 170-189.

4. Ogilvie E. Cyberstalking // Trends & Issues in Crime & Criminal Justice. – 2000. – №. 166. – Canberra : Australian Institute of Criminology. – URL: https://www.aic.gov.au/publications/tandi/tandi166 (дата обращения: 08.05.2026).

Связь отношения к матери и созависимости в юношеском возрасте

Дорошенкова В.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Власова Н.В.

Юношеский возраст является сензитивным периодом для формирования идентичности, сепарации от родительской семьи и построения автономных межличностных отношений (Эриксон Э., 2006). Созависимость, понимаемая как устойчивый комплекс установок, чувств и поведенческих паттернов, направленных на контроль и «спасение» значимого другого, приводит к дезадаптации, хронической фрустрации собственных потребностей и искажению личностных границ (Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., 2006). В юношеском возрасте склонность к созависимости представляет особую опасность, так как может препятствовать формированию личной автономии и здоровых межличностных отношений (Москаленко В.Д., 2008). Особое значение в процессе социализации личности занимает материнская фигура. Сформированный в детстве образ матери влияет на модели, через которые молодой человек выстраивает дружеские и партнерские отношения. (Боулби Дж., 2003). Вопрос о том, что в дисфункциональных семьях, где мать транслирует эмоциональную холодность, гиперопеку или жертвенность, у ребенка могут сформироваться искаженные представления о любви, отождествляемые с контролем, слиянием или самопожертвованием, остается дискуссионным.

Гипотеза исследования: существует связь между характером отношения к матери и уровнем созависимости в юношеском возрасте. Негативное отношение к матери (воспринимаемое эмоциональное отвержение, чувство

неуверенности в её поддержке) положительно коррелирует с высоким уровнем созависимости. Позитивное отношение к матери (воспринимаемая эмоциональная близость, принятие и надежная привязанность) отрицательно коррелирует с проявлениями созависимости.

Методы и выборка. В исследовании приняли участие 45 респондентов (30 женщин, 66,7%; 15 мужчин, 33,3%) в возрасте от 17 до 21 года, являющиеся студентами московских вузов. Исследование проводилось с помощью методик: «Подростки о родителях» (ПоР) (авторы Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына), Шкала созависимости Спенн-Фишер (адаптация М.А. Падун, М.А. Гагарина).

Средний суммарный балл по шкале созависимости составил 49,1 при норме до 30 баллов. Распределение по уровням: норма (до 30 баллов) – 7% (4 чел.), умеренный уровень (30–59 баллов) – 71% (22 чел.), резко выраженная созависимость (60 и более) – 22% (19 чел.). Гендерных различий не выявлено (U-критерий Манна–Уитни, $p>0,05$). При этом существует высокая доля респондентов с резко выраженной созависимостью в обеих группах (70% у девушек и 75% у юношей), а также отсутствие мужчин с нормативными показателями, что свидетельствует о распространённости созависимых тенденций в исследуемой выборке.

По методике «Подростки о родителях» (ПоР) наиболее высокие оценки испытуемые показали по шкалам автономности (отчётливая выраженность у 66,67%) и непоследовательности (57,78%), наименьший средний балл – по шкале директивности. При этом позитивный интерес оценивался как слабо выраженный у 43,18% респондентов, а враждебность – как отчётливая у 55,56%.

Корреляционный анализ выявил следующие связи между уровнем созависимости и характеристиками материнского отношения: с директивностью – положительная связь средней силы ($\rho = 0,335$, $p = 0,024$); с непоследовательностью – положительная связь умеренной силы ($\rho = 0,305$, $p = 0,042$); с позитивным интересом – отрицательная связь на уровне статистической тенденции ($\rho = –0,285$, $p = 0,058$). Связи с враждебностью и автономностью не достигли статистической значимости ($\rho = 0,203$, $p = 0,180$ и $\rho = 0,012$, $p = 0,936$ соответственно).

Таким образом, значимые положительные связи директивности и непоследовательности матери с созависимостью подтверждают роль контролирующего и противоречивого материнского поведения как факторов риска, тогда как отсутствие значимой связи с автономностью указывает на то, что поощрение самостоятельности без эмоциональной теплоты не снижает риск созависимости.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о существовании связи между отношением к матери и уровнем созависимости в юношеском возрасте. Восприятие матери как директивной (контролирующей, авторитарной) и непоследовательной (противоречивой, непредсказуемой) связано с повышением уровня созависимости. Позитивный интерес матери (теплота, принятие) демонстрирует тенденцию к снижению созависимых проявлений.

Полученные данные могут быть использованы при разработке профилактических программ, направленных на снижение риска формирования созависимых паттернов поведения в молодежной среде, а также в психологическом консультировании юношей и девушек.

Литература

1. Боулби Дж. Привязанность / пер. с англ. – М.: Гардарики, 2003. – 477 с.
2. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. – М.: Академический проект, 2006. – 460 с.
3. Москаленко В.Д. Зависимость: семейная болезнь. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 352 с.
4. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости / пер. с англ. – М.: Класс, 2002. – 224 с.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. А.В. Толстых. – М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. – 352 с.

Связь между склонностью к алкогольной зависимости и психологической гибкостью в молодом возрасте

Дудай Н.П.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Власова Н.В.

Распространённость употребления алкоголя среди молодёжи делает важным поиск психологических ресурсов, способных препятствовать развитию аддикций. Психологическая гибкость (в рамках ACT) рассматривается как потенциальный фактор защиты формирования аддиктивного поведения, но её связь со склонностью к алкоголизации на неклинической выборке изучена недостаточно.

Большинство существующих исследований фокусируется либо на клинических группах с уже сформированной зависимостью, либо на общих показателях психического благополучия без специфической привязки к алкогольному поведению (Хейс, Стросал, Уилсон, 2021; Working with ACT, 2026).

Требуется дополнительное эмпирическое подтверждение гипотезы о том, что психологическая гибкость может выступать защитным фактором (ресурсом), препятствующим развитию склонности к алкоголизации на ранних этапах, когда зависимость ещё не сформирована, но риск уже присутствует.

Таким образом, выявленный пробел в научном знании обуславливает необходимость проведения собственного эмпирического исследования.

Гипотеза исследования: существует обратная связь между уровнем психологической гибкости и склонностью к алкогольной зависимости у лиц молодого возраста: чем выше психологическая гибкость, тем ниже склонность к алкогольной зависимости.

Для проверки гипотезы в исследовании применялись следующие методы.

Метод формализованной (тестовой) диагностики применялся с целью выявления количественной характеристики склонности к алкогольной зависимости и психологической гибкости.

В рамках данного метода были использованы следующие методики: тест употребления алкоголя AUDIT (Alcohol Use Disorders Identification Test, русская версия RUS-AUDIT); Многомерный опросник психологической гибкости (Multidimensional Psychological Flexibility Inventory, MPFI); Опросник CompACT (Comprehensive assessment of Acceptance and Commitment Therapy processes).

Методы статистической обработки – использовалась программы: Excel и IBM SPSS Statistics 27 версии.

В исследовании принял участие 41 человек. Все опрошенные были набраны при помощи рассылки формы в социальных сетях и состояли из студентов обоих полов, 68,3 % из которых составили женщины, 31,7% – мужчины. Возраст респондентов находился в диапазоне от 17 до 30 лет, средний возраст составил 21,5 год.

По результатам исследования из всех возможных корреляций между склонностью к алкогольной зависимости и переменными психологической гибкости (MPFI: психологическая гибкость, принятие, я-как контекст, разделение с мыслями, контакт с настоящим, ответственные действия, ценности; CompACT: психологическая гибкость, открытость опыту,

поведенческая осознанность, соответствие ценностям) значимой оказалась лишь одна – связь между склонностью к алкогольной зависимости и процессом психологической гибкости (Я-контекстом), которая является отрицательной (обратной) и умеренной по силе ($r = -0,337$, $p \leq 0,05$).

«Я-как-контекст» является метанавыком, позволяющим не сливаться со своим внутренним опытом, отделяться от него и наблюдать за деятельностью собственного ума, что сильно расширяет возможный поведенческий репертуар.

Результат интересен еще и тем, что «я-как контекст» как бы включает в себя такие навыки как принятие, быть здесь и сейчас, разделение с мыслями, но при детальном изучении связи между этими навыками и склонностью к алкогольной зависимости связи не было обнаружено.

Навык «я-контекст» более сложен сам по себе, представляет собой способность к метакогниции (Хейс, Стросал, Уилсон, 2021), более сложен для усвоения и понимания, и потому вероятно дать социально желаемый ответ на вопрос, замеряющий навык «я-контекста», труднее. Вероятно, именно поэтому отрицательная корреляция со склонностью к алкогольной зависимости проявилась только со шкалой «я-как контекст».

Таким образом, чем более развит такой навык психологической гибкости, как «я-как-контекст», тем меньше выражена склонность к алкогольной зависимости.

Результаты исследования могут быть использованы при составлении профилактических программ, тренингов по развитию навыка я-как контекст.

Литература

1. Хейс С., Стросал К., Уилсон К. Терапия принятия и ответственности: процесс и практика осознанных изменений / пер. с англ. – СПб.: Диалектика, 2021. – 544 с.

2. What is Psychological Flexibility? // Working with ACT : [site]. — URL: https://workingwithact.com/what-is-act/what-is-psychological-flexibility/ (дата обращения: 08.05.2026).

Нарративный фрейминг в медиа как фактор когнитивных искажений в восприятии образа преступника

Дуденкова Е.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Дворянчиков Н.В

В последние десятилетия наблюдается устойчивый рост интереса к медиапродуктам криминального жанра. Указанная тенденция сопровождается усилением роли медиа в формировании общественных представлений о преступниках и преступности в целом. При этом восприятие описываемых преступлений и образа преступника всё в большей степени определяется не столько объективными характеристиками событий, сколько особенностями их репрезентации. В данном контексте особую значимость приобретает анализ когнитивных механизмов, опосредующих влияние медиа на процессы восприятия. Целью данной работы является систематизация существующих теоретических подходов к изучению нарративного фрейминга как фактора когнитивных искажений в восприятии образа преступника.

Одним из ключевых понятий, позволяющих описать влияние формы подачи информации на ее интерпретацию, является эффект фрейминга, описанный в рамках когнитивной психологии А. Тверски и Д. Канеманом. Он отражает зависимость оценок и суждений от способа представления информации при сохранении неизменности ее содержания (Tversky A., Kahneman D., 1981). В последующих исследованиях фрейминг был концептуализирован как процесс отбора и акцентирования определенных аспектов реальности, задающий интерпретационную рамку восприятия (фрейм) (Entman R.M., 1993). В современных исследованиях в области медиапсихологии и социальной психологии накоплен эмпирический материал, подтверждающий влияние фрейминга на восприятие преступности и ее субъектов. Одним из наиболее показательных направлений является изучение различия между эпизодическим и тематическим фреймингом, описанное в работах Шанто Айенгар. Так, в случае эпизодического фрейминга преступление часто представляется через призму отдельно взятых случаев и историй, что способствует формированию образа преступника как носителя определенных, зачастую патологизированных черт, и усиливает тенденцию к приписыванию ему полной ответственности за совершенное деяние. Тематический фрейминг, напротив, акцентирует внимание на более широком социальном контексте, статистических данных и структурных факторах, в

результате чего интерпретация смещается в сторону учета внешних детерминант и снижает степень индивидуализации оценки (Iyengar S., 1991). Также представлены эмпирические подтверждения значимости визуального фрейминга – в частности, рассматривается, как характер визуального сопровождения новостных сюжетов способен усиливать стереотипизированные представления о преступности, а также влиять на оценку опасности и формировать устойчивые когнитивные схемы, через которые аудитория воспринимает информацию о правонарушениях (Gilliam F.D., Iyengar S., 2000).

Наиболее ярко механизм фрейминга реализуется в нарративной форме, характерной для современных медиапродуктов криминального жанра. В этом ключе важным является вклад исследований в области «нарративной криминологии». В работе Л. Прессер и С. Сандберг подчеркивается, что истории, в которых преступник представлен через собственную перспективу или через детализированное описание его жизненного пути, способствуют изменению отношения аудитории к нему. Хотя данные исследования носят преимущественно качественный характер, они демонстрируют, что включение личностного и биографического контекста изменяет интерпретацию преступного поведения и может снижать уровень морального осуждения (Presser L., Sandberg S., 2015). Так, например, в проектах жанра «тру-крайм», а также в документальных фильмах и сериалах повествование часто выстраивается вокруг биографии героя, включая описание его детства, социального окружения, возможные ранние травматические переживания, и лишь затем переходит к изложению самих преступлений, представляемых как результат предшествующего жизненного пути. Таким образом, включение в нарратив переживаний, мотивации и жизненного контекста преступника приводит к изменению восприятия его действий, смещая фокус с самого преступления на личность.

Нарративная форма подачи информации также способствует усилению эмпатического вовлечения, поскольку воспринимаемый субъект начинает рассматриваться как динамически развивающаяся личность, включенная в определённый жизненный контекст. В результате снижается психологическая дистанция между наблюдателем (зрителем) и объектом оценки (преступником). Это согласуется с данными, согласно которым степень идентификации с персонажем возрастает при наличии связного сюжета, раскрывающего его мотивацию и внутренние переживания, что, в свою очередь, усиливает эмоциональный отклик и влияет на последующие оценки и суждения (Green M.C., Brock T.C., 2000). Наряду с этим, нарративный фрейминг может опосредовать проявление ряда когнитивных искажений,

участвующих в формировании оценок образа преступника. В частности, акцент на личностных и биографических характеристиках способен усиливать эффект ореола, при котором отдельные положительно воспринимаемые черты распространяются на общую оценку личности. В зависимости от типа фрейминга могут также по-разному проявляться атрибутивные процессы, включая фундаментальную ошибку атрибуции. В условиях медиасреды данные эффекты могут дополняться эвристикой доступности, усиливающей значимость ярких и эмоционально насыщенных образов.

Однако стоит отметить, что влияние нарративного фрейминга на восприятие образа преступника может проявляться по-разному и не всегда сводится к усилению эмпатии или смягчению оценки. Кроме того, выраженность данных эффектов существенно варьируется в зависимости от индивидуально-психологических характеристик аудитории, включая уровень критического мышления, медиаграмотности и эмоциональной восприимчивости, что ограничивает возможность универсализации вышеописанных теоретических положений и требует учета контекстуальных факторов восприятия.

Анализ существующих теоретических подходов к изучению форм подачи информации в современном медиапространстве позволяет заключить, что нарративный фрейминг выступает значимым механизмом, определяющим особенности восприятия преступности и образа преступника. В условиях медиасреды, ориентированной на эмоциональное вовлечение аудитории, подобные формы подачи информации способны усиливать эмпатическое вовлечение и формировать более неоднозначные представления о преступности. Таким образом, нарративный фрейминг можно рассматривать как один из ключевых факторов, участвующих в конструировании образа преступника в современном медиапространстве и влияющих на особенности его восприятия.

Дальнейшее изучение данной проблематики может быть направлено на переход от теоретических обобщений к эмпирической проверке выявленных эффектов в контролируемых экспериментальных условиях. Перспективным представляется сравнительный анализ влияния различных форм подачи информации (например, эпизодической, тематической и нарративной) на когнитивные и эмоциональные оценки образа преступника. Отдельного внимания требует исследование индивидуально-психологических факторов, модифицирующих выраженность этих эффектов.

Литература

1. Мавлетова А.М., Лебедев Д.В. Исследования медиа-фреймов: обзор основных методологических подходов // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2017. – №Т. – 2. № 3. – С. 79–102.
2. Entman R. M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // Journal of Communication. –1993. –Vol. 43. – № 4. –P. 51–58.
3. Gilliam F. D., Iyengar S. Prime suspects: The influence of local television news on the viewing public // American Journal of Political Science. – 2000. – Vol. 44. – № 3. – P. 560–573.
4. Green M. C., Brock T. C. The role of transportation in the persuasiveness of public narratives // Journal of Personality and Social Psychology. – 2000. –Vol. 79. – № 5. – P. 701–721.
5. Iyengar S. Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues. – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – 216 p.
6. Presser L., Sandberg S. Narrative Criminology: Understanding Stories of Crime. – New York: New York University Press, 2015. – 318 p.
7. Tversky A., Kahneman D. The framing of decisions and the psychology of choice // Science. – 1981. – Vol. 211. – № 4481. – P. 453–458.

Академический киберлафинг у старшеклассников: особенности саморегуляции и личностных ресурсов

Есипова М.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Делибалт В.В.

Цифровизация образовательного пространства актуализирует проблему нецелевого использования школьниками цифровых устройств непосредственно в ходе учебных занятий – феномена академического киберлафинга. В отличие от традиционных форм ухода от учебной деятельности, данное поведение практически недоступно прямому педагогическому контролю и тесно переплетено с психологическими характеристиками личности учащегося (Суннатова Р.И., Крушельницкая О.Б., Ланщиков Д.Н., 2025). Связь склонности к академическому киберлафингу с осознанной саморегуляцией, личностными ресурсами и копинг-стратегиями остаётся недостаточно изученной на российских школьных выборках, что обусловило цель настоящего исследования.

Объектом исследования выступала склонность к академическому киберлафингу.

Предметом исследования являлась саморегуляция и ее связь с личностными ресурсами у школьников со склонностью к академическому киберлафингу.

Цель исследования заключалась в описании связи саморегуляции и личностных ресурсов у школьников со склонностью к академическому киберлафингу.

Эмпирические задачи исследования:

Выявить и описать особенности саморегуляции и личностных ресурсов у школьников со склонностью к академическому киберлафингу.

Разработать психологические рекомендации по практическому использованию результатов исследования.

Общая гипотеза: между обучающимися со склонностью и без склонности к академическому киберлафингу существуют статистически значимые различия по показателям саморегуляции, личностных ресурсов и копинг-стратегий. Частные гипотезы конкретизируют: у обучающихся со склонностью ожидаются более низкий общий уровень саморегуляции учебной деятельности, более низкие показатели по шкалам самоуправления и удовлетворённости отношением учителей, а также более высокие значения по шкалам проблемного использования цифровых устройств и склонности к нарушению норм. Кроме того, предполагается, что у них ниже самоорганизация деятельности и преобладают копинг-стратегии избегания и отвлечения.

В исследовании приняли участие 311 обучающихся в возрасте 16–19 лет (158 респондентов мужского пола и 153 респондента женского пола, средний возраст 17,3 лет). По результатам диагностики с помощью Шкалы академического киберлафинга Y. Akbulut в адаптации Н.В. Сивриковой (2025) выборка была разделена на четыре группы: контрольная К1 – 45 обучающихся 16–17 лет без склонности к академическому киберлафингу; контрольная К2 – 44 обучающихся 18–19 лет без данной склонности; группа сравнения С1 – 123 обучающихся 16–17 лет со склонностью к академическому киберлафингу; группа сравнения С2 – 99 обучающихся 18–19 лет с аналогичной склонностью. Таким образом, 71,4% выборки (n = 222) обнаружили выраженную склонность к академическому киберлафингу, что свидетельствует о масштабности явления. Психодиагностический инструментарий включал: ССУД-М-2013 В.И. Моросановой (2013), ОСД Е.Ю. Мандриковой (2010), методику «Личностный ресурс как предиктор нормативного поведения подростков» Р.И. Суннатовой (2025) и опросник копинг-установок подростков ACOPE в адаптации Н.А. Польской (2017).

По данным ССУД-М-2013 наиболее выраженные межгрупповые различия зафиксированы по шкале «Гибкость»: в контрольных группах средние значения были выше, что указывает на сниженную способность обучающихся со склонностью к киберлафингу перестраивать план и программу действий при изменении условий учебной ситуации. Общий уровень саморегуляции в старшей возрастной паре оказался заметно ниже в группе сравнения. По шкале «Оценка результатов» контрольные группы также несколько превышают сравниваемые. Шкала «Моделирование» выявляет заметное различие в старшей подгруппе, что может свидетельствовать о затруднениях в выделении значимых условий деятельности у обучающихся со склонностью к киберлафингу в позднем юношеском возрасте (Моросанова В.И., 2013).

По опроснику ОСД наиболее выраженные различия обнаружены по шкале «Настойчивость»: в группах сравнения выявились более низкие значения. Данный результат свидетельствует о том, что обучающиеся со склонностью к академическому киберлафингу демонстрируют менее устойчивую готовность к преодолению трудностей в достижении учебных целей. Показатели «Целеустремленность» и общий уровень самоорганизации деятельности различаются между группами незначительно (Мандрикова Е.Ю., 2010).

По методике Р.И. Суннатовой (2025) выявлен ряд выраженных межгрупповых различий. Показатели ПИЦУ (принятие индивидуальных целей и убеждений) заметно выше в группах сравнения. Аналогичная картина зафиксирована по шкалам СННП (склонность к нарушению норм и правил) и СПСХ (склонность к переживаниям суицидального характера). Шкала УОО (удовлетворённость отношением одноклассников) в контрольных группах несколько выше. Полученное сочетание – более высокие ПИЦУ, СННП, СПСХ при несколько сниженном УОО – может отражать ориентацию обучающихся со склонностью к киберлафингу на поиск внешних источников подкрепления и компенсаторное ресурсное поведение при менее выраженной опоре на внутреннюю ответственность.

Сравнение копинг-стратегий по ACOPE (Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г., Перебейнос А.Е., 2023) показало, что группы сравнения превышают контрольные по стратегиям «Выброс чувств (агрессия), «Отвлечение» и «Избегание проблем». Кроме того, группы сравнения активнее прибегают к «Поиску поддержки у близких друзей» и «Релаксации». Продуктивная стратегия «Усиленные занятия» практически не различается между группами, тогда как «Развитие уверенности в себе» несколько выше у С2. В целом профиль копинга у обучающихся со склонностью к академическому

киберлафингу характеризуется преобладанием эмоционально-ориентированных и избегающих стратегий.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что академический киберлафинг у обучающихся старшего школьного и юношеского возраста связан с конкретными дефицитами в регуляторной сфере: прежде всего со сниженной гибкостью саморегуляции, ослабленной настойчивостью в достижении учебных целей и менее развитой способностью к оценке результатов деятельности. На уровне личностных ресурсов группы сравнения демонстрируют повышенные значения компонентов, связанных с поиском подкрепления и внешних ориентиров, что может указывать на компенсаторный характер использования цифровых устройств. В сфере совладания преобладают эмоционально-разрядочные и избегающие стратегии. Описанный психологический профиль формирует предметную основу для разработки адресных профилактических программ, направленных на развитие конкретных регуляторных и ресурсных характеристик у школьников.

Литература

1. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. – 2010. – № 2. – С. 87–111.
2. Моросанова В.И. Стиль саморегуляции поведения (ССУД-М 2013): учебно-методическое пособие. – Москва : МГППУ, 2013. – 95 с.
3. Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и патологическом развитии личности – Москва : ИНФРА-М, 2017. – 210 с.
4. Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г., Перебейнос А.Е. Смартфон на парте: исследование особенностей киберлафинга у школьников и студентов // Психологическая наука и образование. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 52–62. – DOI 10.17759/pse.2023280403.
5. Суннатова Р.И., Крушельницкая О.Б., Ланщиков Д.Н. Стандартизация методики «Личностный ресурс как предиктор нормативного поведения подростков» // Психолого-педагогические исследования. – 2025. – Т. 17. – № 3. – С. 79–98. – DOI 10.17759/psyedu.2025170305.

Феномен FOMO и его связь с тревожностью и депрессивной симптоматикой у активных пользователей социальных сетей

Зябухина П.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

В эпоху цифровой трансформации социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни молодёжи, а феномен FOMO (fear of missing out — страх упустить что-то важное) привлекает всё больше внимания исследователей как фактор риска развития тревожно-депрессивных состояний. FOMO представляет собой беспокойство относительно того, что другие люди могут получать вознаграждающий опыт, в котором субъект не участвует, и характеризуется навязчивым стремлением оставаться постоянно подключённым к социальным связям. Современные мета-аналитические исследования демонстрируют устойчивые корреляции между зависимостью от социальных сетей и показателями тревожности, депрессии, одиночества и FOMO, при этом феномен выполняет роль не просто коррелирующей, но и медиатирующей переменной. Несмотря на нарастающий объём исследований, остаются нерешёнными вопросы о специфике взаимосвязи FOMO с тревожной симптоматикой у различных групп активных пользователей, о кросс-культурных различиях в проявлении феномена, а также о наличии пороговых эффектов интенсивности использования социальных сетей. В связи с этим нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало определение связи феномена FOMO с тревожностью и депрессивной симптоматикой у активных пользователей социальных сетей.

В ходе исследования были выдвинуты предположения о том, что существует положительная связь между феноменом FOMO и тревожностью у активных пользователей социальных сетей, а также что существует положительная связь между феноменом FOMO и депрессивной симптоматикой у активных пользователей социальных сетей.

В исследовании приняли участие 59 молодых (возраст до 35 лет) респондентов — пользователей социальных сетей (VKontakte, Telegram и др.), в том числе 44 женщины (74,6%) и 15 мужчин (25,4%). Критерием включения являлось регулярное использование социальных сетей не реже одного раза в день. Респонденты оценивали ежедневное время в социальных сетях по трём категориям: 1–3 часа (6 человек, 10,2%), 4–6 часов (27 человек, 45,8%), 7 и более часов (26 человек, 44,1%). Исследование проводилось в онлайн-формате

с помощью платформы «Яндекс Формы». Для диагностики тревожности использовалась шкала тревоги Спилбергера — Ханина (STAI) в адаптации Ю.Л. Ханина, позволяющая дифференцированно оценить ситуационную и личностную тревожность. Для оценки депрессивной симптоматики применялась шкала депрессии Бека (BDI) в адаптации А.В. Бурлачко. Для измерения интенсивности феномена FOMO использовалась шкала страха упущенных возможностей (FoMOs) в адаптации В.В. Ардисламова, П.Р. Кляхина и Э.Р. Шаиповой. Для статистической обработки применялись критерий Шапиро — Уилка, t-критерий Стьюдента для независимых выборок, U-критерий Манна — Уитни, коэффициенты корреляции Пирсона и Спирмена.

В результате исследования установлено, что феномен FOMO достоверно связан с личностной (устойчивой) тревожностью: выявлена умеренная положительная корреляция, тогда как связь FOMO с ситуационной тревожностью отсутствует. Это свидетельствует о том, что FOMO не является ситуативной эмоциональной реакцией, а представляет собой устойчивый когнитивно-поведенческий паттерн, интегрированный в структуру личности. Статистически достоверной связи между FOMO и депрессивной симптоматикой на всей выборке не обнаружено, однако наблюдалась тенденция к положительной связи, особенно в женской подгруппе и в группе высокоактивных пользователей. Ключевым результатом работы стало обнаружение порогового эффекта интенсивности использования социальных сетей: при разделении выборки на две группы – пользователей с умеренной активностью (до 6 часов в день, n = 39) и высокоактивных пользователей (7 и более часов, n = 20) – связь FOMO с личностной тревожностью в группе «до 6 часов» оказалась слабой и статистически незначимой, тогда как в группе «7+ часов» эта связь стала умеренно сильной и значимой. Таким образом, дезадаптивная связь между страхом упущенных возможностей и устойчивой тревожностью начинает проявляться только при превышении порога примерно в 6–7 часов ежедневного использования социальных сетей. При умеренной цифровой активности даже лица с высокой личностной тревожностью могут не испытывать выраженного страха упущенных возможностей, либо этот страх остаётся эпизодическим и не закрепляется.

Сравнительный анализ выявил статистически значимо более высокий уровень депрессивной симптоматики у женщин по сравнению с мужчинами, что согласуется с общими эпидемиологическими данными о более высокой распространённости депрессивных расстройств среди женщин. По уровню личностной тревожности и FOMO женщины также демонстрировали более высокие средние значения, однако эти различия не достигли статистической

значимости, вероятно, из-за недостаточной статистической мощности, обусловленной малым объёмом мужской подвыборки. Дополнительно обнаружена высокая положительная связь между ситуационной и личностной тревожностью, а также умеренная связь между личностной тревожностью и депрессией, указывающая на коморбидность этих состояний.

Исходя из результатов полученного исследования, психологическая помощь активным пользователям социальных сетей должна быть дифференцированной в зависимости от уровня цифровой активности и владения психологическими ресурсами для регуляции эмоционального состояния. Профилактические программы должны быть направлены на формирование цифровой гигиены, развитие навыков саморегуляции эмоциональных состояний, работу с механизмами социального сравнения и формирование альтернативных источников самооценки, не привязанных к цифровому пространству. Особое внимание следует уделять группе высокоактивных пользователей (7 и более часов в день), у которых дезадаптивные связи FOMO с тревожностью проявляются наиболее выражено, а также женским группам риска ввиду выявленных гендерных различий по депрессивной симптоматике.

Литература

1. Elhai J. D., Levine J. C., Dvorak R. D. et al. Fear of missing out, need for touch, anxiety and depression are related to problematic smartphone use // Computers in Human Behavior. – 2016. – № 63. – P. 509–516.
2. Elhai J. D., Yang H., Fang J. et al. Depression and anxiety symptoms are related to problematic smartphone use severity in Chinese young adults: Fear of missing out as a mediator // Addictive Behaviors. – 2020. – Vol. 101. – P. 111–119. – DOI: 10.1016/j.addbeh.2019.04.020.
3. Oberst U., Wegmann E., Stodt B., Brand M., Chamarro A. Negative consequences from heavy social networking in adolescents: The mediating role of fear of missing out // Journal of Adolescence. – 2017. – Vol. 55. – P. 51–60. – DOI: 10.1016/j.adolescence.2016.12.008.
4. Przybylski A. K., Murayama K., DeHaan C. R., Gladwell V. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // Computers in Human Behavior. – 2013. – Vol. 29. – № 4. – P. 1841–1848. – DOI: 10.1016/j.chb.2013.02.014.

Роль постинтернатного сопровождения выпускников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

Измайлова Е.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Чиркина Р.В.

В данной работе рассмотрена роль сопровождения воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа (далее – СУВУ ЗТ) в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних после их выпуска.

Проблеме постинтернатного сопровождения выпускников специальных учреждений посвящены работы отечественных учёных и практиков, изучающих социальную реабилитацию, девиантное поведение несовершеннолетних, межведомственное взаимодействие и организацию помощи выпускникам интернатных учреждений. В данных исследованиях обращается внимание на педагогические аспекты социальной реабилитации детей с девиантным поведением и подчеркивается необходимость продолжения воспитательного воздействия после выхода подростка из учреждения (М.М. Плоткин, Г.И. Камаева, 2005). Отмечается, что отсутствие поддержки после выпуска повышает вероятность возврата подростка к прежним формам поведения (Бобылева И.А., 2014).

Отдельное значение имеют исследования, посвящённые характеристикам воспитанников СУВУ ЗТ, в которых раскрываются психологические, социальные и поведенческие особенности подростков, находящихся в специальных учреждениях закрытого типа (Чиркина Р.В., 2024; Хут С.Е., 2024). Данные исследования показывают, что выпускники СУВУ ЗТ являются неоднородной группой, но для многих из них характерны сниженная социальная компетентность, трудности саморегуляции, недоверие к взрослым, травматичный семейный опыт, недостаточная готовность к самостоятельному планированию жизни и повышенная зависимость от ближайшего окружения.

Постинтернатное сопровождение выпускников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа занимает особое место в системе профилактики безнадзорности и правонарушений, потому что оно касается несовершеннолетних с уже проявившимися рисками. До помещения в СУВУ ЗТ в их жизни уже были правонарушения, конфликты, пропуски учебы,

неблагополучная среда или другие признаки дезадаптации. После выпуска эти риски не исчезают сами, и выпускники могут вновь столкнуться с условиями, способными вернуть их к прежним моделям поведения.

Первая задача сопровождения – сохранить результаты реабилитации. Снижение риска повторных правонарушений зависит от самых конкретных вещей. Есть ли у выпускника место проживания? Ходит ли он на учебу или работу? Есть ли деньги на базовые нужды? Кто рядом из взрослых? С кем он проводит свободное время? Если на эти вопросы нет ответов, профилактика сводится к пустой формальности.

Постинтернатное сопровождение помогает формировать просоциальную идентичность. Подростку мало внешне соблюдать правила, ему нужно постепенно примерить на себя социально одобряемые роли: обучающегося, работника, гражданина, члена семьи, участника сообщества. Через наставничество, консультирование, трудовую и досуговую деятельность у выпускника СУВУ ЗТ появляется представление о себе как о человеке, который может жить законно, самостоятельно и ответственно.

Отдельная роль сопровождения связана с минимизацией риска социального сиротства и социальной изоляции во взрослом возрасте. Выпускник, не умеющий строить отношения, вести быт, распоряжаться финансами, обращаться за помощью и защищать свои права, может оказаться в ситуации повторной дезадаптации уже после достижения совершеннолетия. Поэтому помощь в бытовом устройстве, правовом сопровождении, установлении социальных контактов и развитии самостоятельности имеет профилактическое значение на длительную перспективу.

Второй задачей постинтернатного сопровождения является психолого-педагогическая поддержка. Для выпускника важно иметь возможность обсуждать трудности, снижать тревожность, преодолевать последствия депривации, развивать саморегуляцию и навыки конструктивного общения. Психологическая работа особенно важна в первые месяцы после выпуска, когда подросток сталкивается с неопределённостью, ответственностью и возможным одиночеством.

Третья задача – профилактика безнадзорности и правонарушений. Она включает мониторинг жизненной ситуации выпускника СУВУ ЗТ, своевременное выявление кризисных обстоятельств, профилактические беседы, взаимодействие с семьей, контроль занятости, организацию досуга, защиту от вовлечения в асоциальные группы и работу с ближайшим окружением. Здесь важно соблюдать баланс между контролем и поддержкой: чрезмерное давление может усилить сопротивление, а отсутствие контроля – привести к потере контакта.

Наставничество может стать одним из самых сильных защитных факторов. Выпускнику часто нужен значимый взрослый, который не воспринимается только как контролер. Наставник может поговорить перед сложной встречей, помочь разобраться с бытовой ситуацией, объяснить, как вести себя в колледже или на работе, и удержать подростка от неправильного решения.

Пятой задачей является дифференциация сопровождения по уровню риска. Не все выпускники специальных учреждений нуждаются в одинаковой интенсивности помощи. Условно можно выделить выпускников на три группы: с высоким уровнем социальной компетентности, которым достаточно консультативной и периодической поддержки; выпускников со средним уровнем готовности, нуждающихся в регулярном патронаже; и выпускников с выраженной дезадаптацией, которым требуется длительное комплексное сопровождение с участием нескольких специалистов. Такой подход позволяет рационально распределять ресурсы и не подменять индивидуальную работу формальным единым стандартом.

Особое значение в системе профилактики имеет межведомственное взаимодействие. Постинтернатное сопровождение выпускников СУВУ ЗТ затрагивает сферы образования, социальной защиты, опеки, здравоохранения, занятости, правоохранительной профилактики и общественной поддержки. Если каждый субъект действует отдельно, выпускник получает разрозненные сигналы и не понимает, куда обращаться. Если же действия согласованы, вокруг подростка создаётся единое реабилитационное пространство, в котором помощь оказывается своевременно и последовательно.

Постинтернатное сопровождение связывает реабилитацию воспитанников в СУВУ ЗТ с реальной жизнью после выпуска. Оно не гарантирует, что у подростка не будет ошибок, но снижает риск, что он останется один с нерешенными вопросами, связанными с документами, семьей, учебой, жильем, прежней компанией и собственными эмоциональными срывами. Таким образом, межведомственное взаимодействие становится главным условием результативности постинтернатного сопровождения выпускников СУВУ ЗТ.

Литература

1. Бобылёва И.А. Конструктор региональной системы сопровождения выпускников интернатных учреждений // Отечественный журнал социальной работы. – 2014. – № 2. – С. 178–182.

2. Плоткин М.М., Камаева Г.И. Педагогические аспекты социальной реабилитации детей с девиантным поведением // Семья в России. – 2005. – № 1-2. – С. 32–34.

3. Хут С.Е. Формирование готовности к профессиональному самоопределению воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 5.8.1 / Хут Саида Ерстемовна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»; Диссовет 99.2.046.03 (Д 999.147.03)]. – Майкоп, 2024. – 27 с.

4. Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А., Радчиков А.С., Шпагина Е.М. Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. – Москва: Издательство МГУ, 2024. – 256 с.

Дисморфогенный контент как новый объект психологического анализа: операционализация, диагностические признаки и типология

Климова О.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Делибалт В.В.

Современное цифровое пространство – это не просто среда коммуникации, а активный фактор, способный влиять на нашу идентичность, в том числе на наше представление о себе, собственном теле, социально одобряемой внешности. Ежедневно пользователи социальных сетей, мессенджеров сталкиваются с многочисленными изображениями, видео и текстами, в которых внешность человека подвергается систематической трансформации и подается в качестве нормативного образца (эталона) красоты. Подобные материалы, потенциально негативно воздействующие на восприятие своего тела, обладают особым свойством, которое мы предлагаем обозначить термином «дисморфогенность».

В данной работе вводится и операционализируется новое понятие — «дисморфогенный контент», а также предлагаются его диагностические признаки и типология.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, массовое распространение цифровых технологий обработки изображений (фильтры, бьюти-режимы, ретушь) привело к появлению значительных объёмов визуального контента, в котором анатомические пропорции тела и

лица систематически искажаются. Во-вторых, данный контент потребляется преимущественно без маркировки факта редактирования, что создаёт у реципиентов иллюзию «реальности» транслируемых параметров. ; Впоследствии, систематическое потребление дисморфогенного контента может вызвать неудовлетворенность собственным телом, запускать механизмы социального сравнения по нереалистичным эталонам и, в ряде случаев, повышать риск развития психических расстройств. Среди наиболее уязвимых последствий – расстройства пищевого поведения, дисморфофобия, а также вторичные депрессивные и тревожные состояния, особенно в подростковой и молодежной среде.

Несмотря на очевидную значимость явления, до настоящего времени отсутствовало операциональное понятие, которое позволяло бы системно идентифицировать такой контент, отделять его от смежных феноменов (бодишейминг, идеализированное изображение, фитнес-пропаганда) и классифицировать по объективным критериям. Это создаёт методологический пробел как для эмпирических исследований, так и для прикладных задач — например, для экспертной оценки контента или профилактической работы в образовательной среде.

Целью данной работы является теоретическое обоснование нового понятия, выделение его диагностических признаков и разработка типологии дисморфогенного контента как самостоятельного объекта психологического анализа.

Дисморфогенный контент – это материалы (текстовые, графические, видео, аудио, смешанные), вызывающие или усугубляющие искажение образа тела, формирующие стереотипы вокруг телесности путем популяризации гипертрофированных эталонов красоты, радикальных методов их достижения и фокусирования на мнимых «недостатках» тела.

Мы предлагаем классифицировать дисморфогенный контент следующим образом:

1) По типу пропагандируемого «эталона» (идеала тела):

Экстремальная худоба (материалы, восхваляющие нездоровый низкий вес, выступающие кости и т.д.);

Гипертрофированная мускулатура (культ «рельефа с минимальным процентом жира (сушка), акцент на нереалистичных пропорциях, пропаганда идеального размера мышц);

Сексуализированные стандарты (акцент на размере груди, ягодиц, талии).

2) По типу радикальных методов достижения:

Нездоровое питание (диеты, голодовки, нездоровый подсчет калорий);

Хирургические вмешательства (популяризация пластических операций без медицинских показаний);

Медикаментозные и химические средства («жиросжигатели», стероиды, препараты для похудения «оземпик», слабительные);

Физическое истощение (пропаганда тренировок «до отказа», ежедневные тренировки без отдыха).

3) По механизму воздействия

Контент сравнения (фотографии «до/после», сравнение питания);

Фокусировка на «недостатках» тела (целлюлит, складки, крупные руки как «признаки неидеального тела»).

4) По формату

Визуальный контент (отфотошопленные фотографии в социальных сетях, подборки «идеальных» тел);

Аудиальный контент (подкасты, аффирмации, транслирующие культ тела);

Текстовый контент (статьи о «чистых» и «грязных» продуктах, советы по похудению в сообществах);

Видеконтент (видеоролики, пропагандирующие нездоровое похудение, «идеалы» красоты).

Для того чтобы отличить дисморфогенный контент от иных типов медиапродукции (например, профессиональной фитнес-инструкции) необходимо опираться на следующий минимальный диагностический набор:

Наличие презентации недостижимого или анатомически неправдоподобного образца тела (для визуального контента – цифровая модификации тела/лица меняющих анатомические пропорции; для вербального (текст/аудио) – вербальное конструирование «идеала», противоречащего физиологическим нормам (например, требование веса ниже клинически безопасного при конкретном росте);

Отсутствие дисклеймеров (нет маркировки «обработано», «фильтр», а также нет оговорок о вреде или субъективности метода);

Наличие нормативных предписаний (текст или аудио содержат устойчивые конструкции, диктующие как должно быть, например, «нужно питаться только так»);

Катастрофизация естественных телесных проявлений (описание нормальных физиологических феноменов (целлюлит, складки кожи при наклоне) как однозначных «дефектов»);

Разделение тела и собственного «Я» (формирование внутри тела образа «врага», например, «твой мозг обманывает тебя, посылая сигналы голода»).

Таким образом, предложенные операционализация, типология и диагностические признаки позволяют впервые рассматривать дисморфогенный контент как самостоятельный объект психологического анализа. Данные создают основу для последующих эмпирических исследований, разработки шкал оценки контента и системы профилактических вмешательств в цифровой среде.

Литература

1. Климова М.В., Турко У.И., Абреимова Г.Н. О значении слова контент в языковом сознании – Текст: электронный // Cyberlenink: [сайт]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-znachenii-slova-kontent-v-yazykovom-soznanii-molodezhi/viewer (дата обращения: 23.04.2026).

2. Соматофорные расстройства / [Электронный ресурс] // МКБ 10 : [сайт]. – URL: https://mkb-10.com/index.php?pid=4274 (дата обращения: 23.04.2026).

3. Becker A.E., Burwell R.A., Gilman S.E., Hergoz D.B., Hamburg P. Eating behaviours and attitudes following prolonged exposure to television among ethnic Fijian adolescent girls. — Text: electronic // Cambridge University Press : [website]. – URL: https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/44470008998A2B5155CE9C9691243D76/S0007125000161112a.pdf/eating-behaviours-and-attitudes-following-prolonged-exposure-to-television-among-ethnic-fijian-adolescent-girls.pdf (дата обращения: 23.04.2026).

Апробация опросника «Шкала сексуальных домогательств онлайн» на русскоязычной выборке

Корнилова Ю.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Делибалт В.В

Тема цифровой безопасности и психологического благополучия в интернет-среде с каждым годом приобретает всё большую актуальность. Рост популярности социальных сетей и платформ онлайн-знакомств создает условия для более интенсивного взаимодействия пользователей, что сопровождается увеличением числа сообщений о столкновении с нежелательным вниманием сексуального характера, включая навязчивые личные сообщения, комментарии и иные формы домогательств.

Сексуальные домогательства в онлайн-среде представляют собой широкий спектр нежелательных действий, включающих как гендерно уничижительные высказывания, так и прямое сексуализированное внимание (Buchanan N., Mahoney A., 2021). В отечественной психологии сходные явления рассматриваются в рамках проблематики кибервиктимизации личности (Андронникова О.О., 2013; Жмуров Д.В., 2022). В отличие от офлайн-взаимодействия, виртуальная среда характеризуется анонимностью, сниженным уровнем социального контроля и возможностью многократного воспроизведения агрессивного контента, что усиливает психологическое воздействие на жертву (Henry N., Powell A., 2018). Исследования показывают, что подобные формы взаимодействия связаны с ростом тревожности, снижением самооценки, переживанием стыда и изменением стратегий поведения в сети (Killean R., McAlinden A.-M., Dowds E., 2022). При этом значительная часть пользователей не склонна интерпретировать отдельные формы онлайн-коммуникации как домогательства, что затрудняет их диагностику.

Следует отметить, что в русскоязычном пространстве кибердомогательства исследуются преимущественно в отношении несовершеннолетних. Взрослые же оказываются в серой зоне, потому на данный момент отсутствуют валидизированные инструменты для диагностики сексуальных кибердомогательств в этой возрастной группе, что обусловливает актуальность адаптации зарубежных методик.

Одним из современных инструментов для оценки данного феномена является опросник «Online Sexual Harassment Scale» (OSHS), разработанный Н. Бьюкененом и А. Махони в 2021 году (Buchanan N., Mahoney A., 2021). Методика направлена на выявление частоты столкновения с различными формами сексуализированных онлайн-домогательств и включает два ключевых компонента: гендерные домогательства и нежелательное сексуальное внимание. Пункты шкалы охватывают широкий диапазон ситуаций — от оскорбительных комментариев до навязчивых сообщений и попыток установления нежелательного контакта. Ответы фиксируются по шкале частоты, что позволяет оценить выраженность опыта.

В рамках нашего исследования был совершен перевод и апробация опросника OSHS. Процедура включала прямой перевод с английского языка с учетом смыслового соответствия, а также обратный перевод, позволивший выявить расхождения и уточнить формулировки. Особое внимание уделялось адаптации утверждений к особенностям русскоязычной интернет-коммуникации, что позволило повысить их понятность и релевантность.

В исследовании приняло участие 140 человек в возрасте от 18 до 28 лет

(M = 21,5). Гендерный состав выборки: 23,6% мужчин и 76,4% женщин. Сбор данных осуществлялся в онлайн-формате с использованием социальных сетей и мессенджеров.

Расчёт коэффициента α Кронбаха показал, что опросник в целом демонстрирует достаточный уровень внутренней согласованности (α = 0,93), что свидетельствует о согласованности входящих в него утверждений и их направленности на измерение единого конструкта. Анализ субшкал также выявил приемлемые показатели надёжности: для субшкалы «гендерные домогательства» α составил 0,80, для субшкалы «нежелательное сексуальное внимание» — 0,93. Полученные показатели внутренней согласованности сопоставимы с данными оригинальной методики, где ω Макдональда составила 0,95 для общей шкалы, 0,95 для субшкалы «нежелательное сексуальное внимание» и 0,86 для субшкалы «гендерные домогательства». Некоторое снижение α для субшкалы «гендерные домогательства» (0,80) может объясняться культурной спецификой выборки и особенностями перевода пунктов.

Дополнительно была проведена оценка взаимосвязей между субшкалами и общим показателем шкалы. Полученные результаты показали наличие положительных корреляционных связей между субшкалами и суммарным баллом ($r = 0,55–0,85$, $p \leq 0,01$), что подтверждает их вклад в измерение общего уровня переживания киберсексуальных домогательств и свидетельствует о внутренней согласованности структуры методики.

Анализ описательных статистик показал, что значения по шкале варьируются в широком диапазоне (min = 0, max = 40), среднее значение составило 8,65 при стандартном отклонении 8,81, что указывает на достаточную вариативность показателей в выборке и чувствительность методики к индивидуальным различиям респондентов.

В ходе сопоставления результатов, полученных по шкале OSHS, с данными авторской демографической анкеты было выявлено расхождение между субъективной оценкой респондентами наличия опыта кибердомогательств и объективными показателями по шкале. Значительная часть участников, указавших отсутствие подобного опыта, тем не менее отметила наличие конкретных форм нежелательного сексуализированного взаимодействия в сети. Данный факт может свидетельствовать о недостаточной осознанности и нормализации отдельных форм кибердомогательств в восприятии молодых взрослых и косвенно подтверждает содержательную валидность методики.

Полученные результаты позволяют рассматривать проведённую апробацию как предварительный этап адаптации методики и создают

предпосылки для её дальнейшей проверки, а также для последующего изучения сексуальных кибердомогательств в русскоязычной выборке.

Литература

1. Андронникова О. О. Виктимология: психологический аспект. – Москва: Академия, 2013. – 251 с.

2. Жмуров Д.В. Кибервиктимизация личности: современные подходы к изучению. – Москва: Наука, 2022. – 190 с.

3. Buchanan N.T., Mahoney A. Development of a scale measuring online sexual harassment // Legal and Criminological Psychology. – 2022. – Vol. 27 – № 1. – P. 63–81. – DOI 10.1111/lcrp.12197.

4. Henry N., Powell A. Technology-facilitated sexual violence: A literature review of empirical research // Trauma, Violence, & Abuse. – 2018. – Vol. 19, iss. 2. – P. 195–208. – DOI 10.1177/1524838016650189.

5. Killean R., McAlinden A.-M., Dowds E. Sexual Violence in the Digital Age: Replicating and Augmenting Harm, Victimhood and Blame // Social & Legal Studies. – 2022. – Vol. 31. – № 6. – P. 871–892. – DOI 10.1177/09646639221086592.

Особенности самоотношения и жизнестойкости молодых взрослых, склонных к аддиктивному поведению

Максимова А.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Дегтярев А.В.

Проблема аддиктивного поведения сохраняет высокую социальную значимость как в мировом, так и в национальном масштабе отдельных стран. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения и профильных национальных докладов, сохраняется устойчивая распространенность традиционных форм зависимостей, таких как наркомания и алкоголизм. Параллельно наблюдается стремительный рост нехимических (поведенческих) аддикций, в частности, интернет- и игровой зависимостей, что расширяет поле для научного анализа данной темы.

В современном научном дискурсе аддиктивное поведение рассматривается, как сложный феномен, формирующийся путем взаимодействия биологических предпосылок, личностных особенностей и

социального контекста. Аддиктивное поведение рассматривается, как одна из разновидностей девиантного поведения, спецификой которого является наличие фиксации субъекта на агенте аддикции (психоактивное вещество или форма поведения) с целью устранения психологического дискомфорта и контроля над своим психологическим состоянием. Для выбора субъектом данной стратегии стабилизации своего психологического состояния должны быть определенные предпосылки, усиливающие переживание внутреннего дискомфорта и склонность к выбору деструктивных моделей совладающего поведения. Подобными психологическими предпосылками могут являться особенности в структуре самоотношения и жизнестойкости личности. Негативное глобальное самоотношение отрицательно влияет практически на все сферы жизни человека, что вызывает большое количество внутренних конфликтов и фрустраций. В свою очередь, низкий уровень жизнестойкости не даёт возможности субъекту совладать с психологическим дискомфорт и найти ресурсы для конструктивного преодоления сложностей. Таким образом, субъект может быть склонен стабилизировать своё эмоциональное состояние аддиктивными формами поведения.

Целью исследования является выявление особенностей в структуре самоотношения и уровня жизнестойкости у молодых взрослых, склонных к аддиктивному поведению.

Гипотезой исследования является предположение о том, что существуют значимые различия в структуре самоотношения и уровне жизнестойкости у молодых взрослых, склонных к аддиктивному поведению, и их сверстников без аддиктивной склонности.

В исследовании приняли участие 50 респондентов в возрасте от 19 до 25 лет. Все они являются студентами различных ВУЗов и СУЗов, из них 19 юношей и 31 девушка. Исследование проводилось с февраля по апрель 2026 года с использованием Google Forms. Факторами, обуславливающими предварительное разделение выборки на 2 группы явились результаты несистематического наблюдения за респондентами, в ходе которого были обнаружены поведенческие проявления аддиктивного поведения у некоторых участников исследования. Окончательно выборка разделялась на 2 группы на основе полученных баллов по Методике аддиктивной склонности. Экспериментальная группа – лица, имеющие ярко выраженную аддиктивную склонность. Контрольная группа – лица, не имеющие данной склонности.

Методики исследования включали в себя: Тест-опросник самоотношения, ОСО (В. В. Столин, С. Р. Пантилеев); Тест жизнестойкости Мадди (адаптация: Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова); Опросник Аддиктивная склонность (В.В. Юсупов, В.А. Корзузин). Методы статистической обработки

данных: t-критерий Стьюдента для независимых выборок; коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Статистически значимыми считались различия и связи при $p<0,05$. Обработка данных проводилась в программе Statistica 10.0.

Результаты исследования позволили выявить статистически значимые различия в структуре самоотношения и уровне жизнестойкости у респондентов контрольной и экспериментальной групп. Молодые взрослые, склонные к аддиктивному поведению, обладают более негативным глобальным самоотношением, а также у них менее выражены некоторые компоненты, входящие в его структуру [самоуважение (t-знач.: 4,3003), аутосимпатия (t-знач.: 3,2534), самоинтерес (t-знач.: 2,1750)] по сравнению с молодыми взрослыми, не имеющими выраженного аддиктивного риска. Также у респондентов экспериментальной группы статистически ниже уровень жизнестойкости (t-знач.: 3,6078) [в особенности компоненты «Вовлеченность» (t-знач.: 3,7853) и «Контроль» (t-знач.: 3,1775)] по сравнению с участниками контрольной группы.

При анализе корреляционных связей также была выявлена связь между отдельными компонентами самоотношения и жизнестойкости участников исследования. У молодых взрослых, склонных к аддиктивному поведению, уровень глобального самоотношения отрицательно связан с выраженностью общей аддиктивной склонности ($r = -0,47$). У молодых взрослых, склонных к аддиктивному поведению, уровень контроля отрицательно связан с выраженностью общей аддиктивной склонности ($r = -0,44$). У молодых взрослых, склонных к аддиктивному поведению, уровень самоуважения отрицательно связан с выраженностью общей аддиктивной склонности ($r = -0,44$). У молодых взрослых, склонных к аддиктивному поведению, уровень вовлеченности положительно связан с уровнем самоинтереса ($r = 0,73$). При этом, среди молодых взрослых, не склонных к аддиктивному поведению, данных корреляционных связей выявлено не было.

Таким образом, справедливо утверждать, что у лиц, имеющих выраженный аддиктивный риск, глобальное самоотношение и самоуважение, а также уровень контроля влияют на склонность к аддиктивному поведению. Поскольку при анализе значимых различий выяснилось, что респонденты экспериментальной группы, в среднем, имеют заниженные показатели по всем шкалам методик, можно сделать вывод о том, что нарушения в структуре самоотношения и низкий уровень контроля влияют на повышение аддиктивного риска.

Помимо корреляционных связей, интерпретируемых выше, у участников экспериментальной группы также обнаружились статистически

значимые корреляционные связи, присутствующие и у респондентов контрольной группы (глобальное самоотношение – общий уровень жизнестойкости; самоуважение – вовлечённость; самоуважение – контроль). При этом коэффициенты корреляции между данными шкалами чуть ниже, чем у лиц, не склонных к аддиктивному поведению. Подобные результаты свидетельствуют о том, что даже в группе молодых взрослых с выраженным аддиктивным риском сохраняются внутренние положительные взаимосвязи между самоотношением и жизнестойкостью: чем выше показатели позитивного самоотношения, тем выше уровень жизнестойкости и её отдельных компонентов. Также в контрольной группе формируется целостный адаптивный паттерн, при котором все компоненты самоотношения и жизнестойкости взаимно усиливают друг друга, что, вероятно, выполняет протективную функцию в отношении формирования зависимого поведения.

Результаты данного исследования позволяют предположить, что укрепление самоотношения и жизнестойкости может выступать ресурсом для совладания с состоянием психологической дестабилизации, что, опосредованно, выступает фактором снижения риска аддиктивного поведения.

Литература

1. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. – Новосибирск: Олсиб, 2001. – 251 с.
2. Пантилеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 100 с.
3. Психология и лечение зависимого поведения / под ред. С. Даулинга ; пер. с англ. Р.Р. Муртазина. – Москва: Класс, 2000. – 240 с.
4. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А. Жизнестойкость и её диагностика. – Москва: Смысл, 2016. – 159 с.

Особенности самооценки у юношей и девушек, склонных к алкогольной зависимости

Мельников М.И.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Мельникова Д.В.

На протяжении многих лет одной из самых серьезных проблем в психологии девиантного поведения является алкогольная зависимость. В России распространённость данной аддикции связывают с доступностью напитков, социальной, экономической и психологической напряженностью, а также неорганизованностью досуга и отдыха (Морокова Е.А., 2013).

Алкогольная зависимость – вид аддиктивного поведения, который проявляется в болезненном влечении к алкоголю. Формирование данной аддикции происходит вследствие систематического злоупотребления спиртными напитками, увеличения дозировок потребляемого алкоголя, вхождения алкоголя в структуру ценностей человека и т.п. Постоянное употребление алкоголя позволяет аддикту систематически уходить от реальности, путем изменения своего состояния. Однако зависимость со временем приводит к деградации всего организма, физической и психической составляющих (Менделевич В.Д., 2007)

Риск алкоголизации юношей и девушек преимущественно связан с трудностями в адаптации к различным новым проблемам данного возрастного периода. Многообразие данных проблем провоцирует стремление к психологическому и физическому комфорту, а поскольку не всегда есть возможность достигнуть этого комфорта в повседневной жизни, юноши и девушки способны прибегать к употреблению психоактивных веществ (Шатохина Л. В., 2019). Помимо этого, немало значимыми факторами, опосредующими алкогольную зависимость в юношестве выступают психологические особенности личности: высокий уровень тревожности, неустойчивость поведения и эмоциональных реакций, низкий волевой компонент и др. (Иванов Д.В., 2020)

Самооценка же является важным компонентом самосознания и личности в целом. В юношестве факторами, оказывающими влияние на самооценку выступают оценки окружающих, преимущественно близких людей (семьи, друзей) и авторитетов (преподавателей, учителей), уровень саморефлексии, осознание собственного образа «Я», Я-концепции (Федорова А.А., 2020).

Поэтому изучение особенностей личности юношей и девушек является важной и актуальной задачей для улучшения способов профилактики алкогольной зависимости в юношеском возрасте.

Целью данного исследования является – выявление особенностей самооценки юношей и девушек, склонных к алкогольной зависимости.

Объектом исследования выступает самооценка лиц юношеского возраста.

Предметом исследования являются особенности самооценки у юношей и девушек, склонных к алкогольной зависимости.

Методики исследования: тест на выявление нарушений, связанных с употреблением алкоголя – AUDIT; тест-опросник «Определение уровня самооценки» С.В. Ковалёва; исследование самооценки по методике Дембо-Рубинштейн (в модификации Прихожан А.М.).

Выборку данного исследования составили: юноши и девушки, студенты Московских ВУЗов, в количестве 32-х человек (16 юношей и 16 девушек), в возрасте от 18 до 23-х лет.

Гипотезой данного исследования выступило предположение, что юноши и девушки, склонные к алкогольной зависимости, обладают отличительными особенностями самооценки.

Результаты исследования:

Анализ результатов по методике AUDIT позволил разделить выборку на 2 группы: проблемная группа – юноши и девушки, имеющие склонность к алкогольной зависимости (16 человек, 8 юношей и 8 девушек); контрольная группа – юноши и девушки, не имеющие склонность к алкогольной зависимости (16 человек, 8 юношей и 8 девушек).

Сравнение результатов по шкале «Определение уровня самооценки» Ковалёва С.В. не выявило статистически значимых различий между контрольной и проблемной группами ($p=0,451$). Также различий не было выявлено отдельно в группах юношей ($p=0,752$) и девушек ($p=0,141$). Это не позволяет сделать вывод о том, что такая особенность самооценки, как уровень отягощенности от сомнений и зависимости от мнения общества является отличительной особенностью самооценки юношей и девушек, склонных к алкогольной зависимости.

Анализ методики исследования самооценки Дембо-Рубинштейна (в модификации А. М. Прихожан) показал, что между проблемной и контрольной группами действительно имеются статистически значимые различия по шкалам: «самооценка – авторитет у сверстников» ($p<0,05$), «самооценка – внешность» ($p<0,05$), «притязания – внешность» ($p<0,05$), «шкала самооценки – уверенность в себе» ($p<0,001$).

Это свидетельствует о том, что юноши и девушки, склонные к алкоголизации в большей степени обладают: завышенной (нереалистической) уверенностью в себе и своих силах, завышенными представлениями о собственной внешности и стремлениями к ее совершенствованию, более высокими представлениями о собственном авторитете в кругу сверстников, - чем юноши и девушки, не склонные к алкогольной зависимости.

Также было выявлено что девушки, склонные к алкогольной аддикции обладают большей уверенностью в себе, своем авторитете у сверстников, чем юноши. При этом они имеют больше стремлений к совершенствованию своей внешности и развитию уверенности в себе как свойству личности ($p<0,05$).

Наличие выявленных особенностей самооценки юношей и девушек, склонных к алкоголизации, позволяет подтвердить гипотезу данного исследования (на уровне $p <0,05$).

Учитывая выявленные особенности самооценки юношей и девушек, склонных к алкоголизации, можно более эффективно выстраивать профилактику алкогольной зависимости для лиц юношеского возраста. Современные авторы отмечают, что для работы с самооценкой необходимо включать методы позитивной, гуманистической и когнитивно-бихевиоральной терапии, направленные на осознание и изменение установок по отношению к себе, развитие коммуникативных способностей, навыков самопринятия и стабилизации уровня притязаний (Верисоцкая Е.А.; Маслова Ю.И., 2018).

Литература

1. Верисоцкая Е.А., Маслова Ю.И. Возможности коррекции самооценки в юношеском возрасте // Современные научные исследования и инновации. – 2018. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: https://web.snauka.ru/issues/2018/06/86591.

2. Иванов Д.В., Хачунц Д.Ю. Психологические особенности личности студентов, склонных к употреблению алкоголя // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2020. – № 9. – С. 25-29. – DOI 10.37882/2500-3682.2020.09.06.

3. Менделевич В.Д. Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В. Д. Менделевича. СПб. Речь, 2007. – 768 с.

4. Морокова Е.А. Я-концепция больных алкоголизмом // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2013. – Т. 2. – № 1. — С. 66–73. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ya-kontseptsiya-bolnyh-alkogolizmom

5. Шатохина Л. В., Панина С.В. Алкогольная зависимость в юношеском возрасте // Пенитенциарная социально-психологическая работа: проблемы и перспективы: межвузовский научно-практический семинар, посвященный 70-летию со дня рождения доктора психологических наук, профессора Сухова А. Н., Рязань, 12 июля 2019 года / Академия ФСИН России. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 111-115. – EDN AOAJNT.

6. Fedorova A.A., Zhukova K.V. Features of self-assessment of young people with tattoos // Modern Science. – 2020. – №. 11-3. – P. 380-384.

Связь гендерной идентичности и уровня номофобии у молодых взрослых со склонностью к девиантному поведению

Петренко А.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Современное общество характеризуется интенсивной цифровизацией, которая оказывает значительное влияние на поведение, межличностное взаимодействие и особенности самовосприятия молодых людей. Мобильный телефон становится не только средством коммуникации, но и важным элементом повседневной жизни, что может способствовать формированию номофобии — страха остаться без мобильного устройства или возможности его использования (Шейнов В.П., 2021). Особую значимость данная проблема приобретает в молодом взрослом возрасте, когда продолжается становление личностной, социальной и гендерной идентичности.

Одним из важных направлений современной психологии является изучение факторов, связанных со склонностью к девиантному поведению. Девиантное поведение может проявляться как в реальном, так и в виртуальном пространстве, включая антисоциальные, асоциальные и аутодеструктивные формы активности. При этом недостаточно изученной остается связь девиантного поведения с номофобией и особенностями гендерной идентичности.

Мы провели исследование, цель которого заключается в выявлении связи гендерной идентичности и уровня номофобии у молодых взрослых со склонностью к девиантному поведению.

Гипотезами исследования послужили предположения о том, что:

У молодых взрослых с более высокой склонностью к девиантному поведению уровень номофобии будет выше.

У молодых взрослых с выраженным соответствием традиционным гендерным ролям наблюдается более высокая склонность к девиантному поведению по сравнению с лицами, не полностью соответствующими гендерным стереотипам.

В исследовании приняли участие молодые взрослые в возрасте от 18 до 25 лет, средний возраст составил 22 года. Общее количество респондентов - 113 человек.

В исследовании применялась авторская анкета, направленная на сбор социально-демографической информации о респондентах. Также были использованы методики, направленные на диагностику склонности к девиантному поведению в реальном и виртуальном пространстве, уровня проблематичного использования мобильного телефона и особенностей гендерной идентичности. Математический анализ данных производился в программе IBM SPSS Statistics. Применялись коэффициент ранговой корреляции Спирмена и критерий Манна–Уитни.

В результате корреляционного анализа были получены следующие результаты: выявлены прямые корреляционные связи между показателями девиантного поведения и номофобии. Антисоциальная и асоциальная реальная активность положительно связана с сопротивлением ограничениям в использовании мобильного устройства, чрезмерным использованием телефона вопреки обязательствам, ограничением других видов активности в пользу использования мобильного телефона и проблемами в различных сферах жизнедеятельности, возникающими вследствие чрезмерного использования телефона.

Данный результат может говорить о том, что молодые взрослые с более выраженной склонностью к девиантному поведению чаще испытывают трудности, связанные с контролем использования мобильного устройства. Они могут быть более склонны сопротивляться внешним ограничениям, использовать телефон даже при наличии других обязанностей, а также сталкиваться с последствиями чрезмерного использования мобильного телефона в учебной, профессиональной, социальной и личной сферах.

Наиболее выраженные связи были обнаружены между виртуальными формами девиантного поведения и показателями номофобии. Аутодеструктивная виртуальная активность имеет положительные связи с сопротивлением ограничениям использования мобильного устройства, чрезмерным использованием телефона, ограничением других видов

активности и проблемами в различных сферах жизнедеятельности. Это может указывать на то, что виртуальная среда является значимым пространством проявления как девиантной активности, так и номофобических тенденций. Чем выше вовлеченность молодого человека в деструктивные формы активности в цифровой среде, тем выше вероятность формирования проблемного отношения к мобильному устройству.

Помимо этого, были выявлены связи между девиантным поведением и особенностями гендерной идентичности. Антисоциальная и асоциальная реальная активность имеет прямую корреляционную связь с показателем «Я-реальное маскулинное» и обратную корреляционную связь с показателем «Я-реальное фемининное». Это может указывать на то, что более выраженная склонность к антисоциальному и асоциальному поведению связана с большей выраженностью маскулинных характеристик в образе реального Я и меньшей выраженностью фемининных черт.

Также антисоциальная и асоциальная активность имеет прямую связь с представлением о том, что мужчина должен быть маскулинным, и обратные связи с представлениями о том, что мужчина должен быть фемининным и женщина должна быть фемининной. Мы предполагаем, что данный результат может говорить о связи девиантной активности с более жесткими и традиционными представлениями о гендерных ролях, особенно в отношении маскулинности. Ориентация на маскулинные характеристики может быть связана с большей выраженностью поведенческой активности, стремлением к независимости, сопротивлением ограничениям и меньшей склонностью к нормативному самоконтролю.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что первая гипотеза подтверждается: у молодых взрослых с более высокой склонностью к девиантному поведению действительно наблюдается более высокий уровень номофобии. Вторая гипотеза подтверждается частично, поскольку были выявлены связи между девиантной активностью, маскулинными характеристиками и традиционными гендерными установками, однако статистически значимые различия между группами обнаружены не по всем исследуемым показателям.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке профилактических и коррекционных программ, направленных на снижение уровня девиантного поведения и номофобии у молодых взрослых. Также данные исследования могут быть полезны при психологическом сопровождении молодых людей, испытывающих трудности в сфере саморегуляции, цифрового поведения и формирования гендерной идентичности.

Литература

1. Шейнов В.П. Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2021. – Т. 18. – № 1. – С. 235-253.

Вовлеченность в интернет-среду и цифровая личность несовершеннолетних со склонностью к виктимному поведению

Плахтий Д.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Делибалт В.В.

Современные подростки всё глубже включены в цифровое пространство, которое становится ключевой средой их социализации и формирования цифровой личности, однако одновременно усиливаются риски кибервиктимизации, такие как кибербуллинг и кибергруминг.

В работе используются следующие ключевые понятия. Вовлеченность в интернет-среду понимается как активность, направленная на взаимодействие с объектами виртуальной среды, реализуемая с различной степенью интенсивности (Пучкова Е.Б., 2014). Согласно подходу Л.А. Регуш с соавторами, данный феномен имеет установочный характер и включает поведенческий, когнитивный и эмоциональный компоненты (Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Орлова А.В., Пежемская Ю.С., 2021). Цифровая личность трактуется как локализация реальной личности в цифровом пространстве, обладающая собственными мотивами и когнитивными особенностями (Лучинкина И.С., 2023). Андронникова О.О. определяет виктимность как совокупность свойств человека, способствующих дезадаптивному стилю реагирования, приводящему к ущербу для его физического или психического здоровья (Андронникова О.О., 2021). Как отмечают О.В. Кружкова и И.В. Воробьева, подростки с высокой вовлеченностью в интернет-среду нередко ориентированы на агрессивные формы онлайн-коммуникации и недостаточно критичны к информации, что делает их особенно уязвимыми к манипулятивному воздействию (Кружкова О.В., Воробьева И.В., 2019).

Цель исследования заключается в выявлении и описании особенностей

вовлеченности в интернет-среду и цифровой личности у несовершеннолетних со склонностью к виктимному поведению.

Задачи исследования:

1. Раскрыть психологическое содержание и структурные компоненты цифровой личности несовершеннолетних.
2. Рассмотреть теоретические подходы к пониманию феномена вовлеченности в интернет-среду у несовершеннолетних.
3. Описать психологические характеристики виктимности, виктимного поведения и склонности к нему, а также виктимизации в контексте онлайн-взаимодействия.
4. Охарактеризовать возрастные особенности и уязвимости подростково-юношеского периодов в контексте цифровизации общества.
5. Выявить и описать специфические особенности вовлеченности в интернет-среду и цифровой личности несовершеннолетних со склонностью к виктимному поведению.
6. Разработать рекомендации по практическому использованию результатов исследования.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что существуют статистически значимые различия в показателях виктимного поведения, статусов виртуальной идентичности и характеристик самопрезентации у несовершеннолетних с высоким, средним и низким уровнем вовлечённости в интернет-среду.

Частные гипотезы:

1. Для несовершеннолетних с высоким уровнем вовлечённости в интернет-среду характерны: достигнутый статус виртуальной идентичности; преобладание провоцирующего и самоповреждающего типов виктимного поведения; более высокие показатели защитных стратегий, реального демонстративного Я и творческой мотивации по сравнению с другими группами.

2. Для несовершеннолетних со средним уровнем вовлечённости в интернет-среду характерны: предопределённый статус виртуальной идентичности; преобладание зависимого/беспомощного типа виктимного поведения; наиболее высокий опыт предыдущей кибервиктимизации, наиболее высокие показатели фальшивого обманного Я и потребительской мотивации по сравнению с другими группами.

3. Для несовершеннолетних с низким уровнем вовлечённости в интернет-среду характерны: диффузный статус виртуальной идентичности; преобладание некритичного типа виктимного поведения; минимальные показатели защитных стратегий и наиболее низкие показатели опыта

кибервиктимизации, реального и фальшивого Я, творческой и потребительской мотивации.

В исследовании приняли участие 95 респондентов, являющихся учениками 8-9 классов школы г. Москвы ГБОУ №1363. Все респонденты отметили, что родились в России и в данный момент проживают в Москве.

В ходе обработки полученных данных, в выборку эмпирической части вошли 93 подростка в возрасте от 14 до 16 лет (средний возраст 14,7 лет). Из них юношей 58 человек (62,4%) в возрасте от 14 до 16 лет (средний возраст 14,8 лет), и девушек 35 человек (37,6%) в возрасте от 14 до 16 лет (средний возраст 14,7 лет).

Выборка была разделена на три группы по уровню вовлеченности в интернет-среду: низкий уровень (26,9% - 25 человек); средний уровень (45,2% - 42 человек); высокий уровень (27,9% - 26 человек).

Методики исследования: Авторская демографическая анкета;

Блок методик, направленный на диагностику вовлеченности в интернет-среду и цифровой личности: Методика «Личность в виртуальном пространстве» А.И. Лучинкиной; Шкала самопрезентации в социальной сети Д.С. Корниенко, Н.А. Рудновой, Е.А. Горбушиной и Ф.В. Дериш; Методика оценки статусов виртуальной идентичности (Статус ВИ) М.В. Клементьевой;

Блок методик, направленный на диагностику виктимного поведения: Шкала кибервиктимизации Д.В. Жмурова; Методика исследования виктимного поведения О.О. Андронниковой.

Результаты эмпирического исследования подтвердили основную гипотезу о существовании статистически значимых различий в показателях виктимного поведения, статусов виртуальной идентичности и самопрезентации у несовершеннолетних с разным уровнем вовлеченности в интернет-среду.

Частные гипотезы подтвердились частично. Наиболее полно подтвердился прогноз относительно группы с высоким уровнем вовлеченности: для них действительно характерны достигнутая виртуальная идентичность, провоцирующее поведение, высокие показатели защитных стратегий, реального демонстративного Я и творческой мотивации. Однако предположение о преобладании у них самоповреждающего поведения не нашло подтверждения, что может свидетельствовать о независимости аутоагрессивных тенденций от уровня интернет-активности.

Группа со средним уровнем вовлеченности оказалась наиболее сложной для прогнозирования. Из всех выдвинутых предположений подтвердился лишь тезис о высоком опыте предыдущей кибервиктимизации. Это позволяет охарактеризовать данную группу как «переходную» и «кризисную»,

находящуюся в процессе поиска собственной модели онлайн-поведения.

В группе с низким уровнем вовлеченности вместо предполагаемого диффузного статуса идентичности был выявлен предрешенный статус, что указывает на принятие готовых моделей поведения от значимых взрослых. Подтверждены минимальные показатели по большинству шкал виктимизации, а также по реальному Я, творческой и потребительской мотивации. Опровергнуто предположение о преобладании некритичного поведения: данная группа, напротив, демонстрирует его минимальные значения.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что наиболее уязвимой является группа с высоким уровнем вовлеченности, тогда как группа со средним уровнем отличается накопленным негативным опытом в прошлом и незавершенностью процессов идентичности. Группа с низким уровнем вовлеченности демонстрирует наиболее благополучный профиль по всем показателям виктимной безопасности.

Литература

1. Андронникова О.О. Генезис виктимности личности: специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология»: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Андронникова Ольга Олеговна; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2021. – 616 с.

2. Кружкова О.В., Воробьева И.В. Личностные особенности подростков, юношей и молодежи, вовлеченных в среду интернет: зоны уязвимости для экстремистского воздействия в условиях цифровизации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2019. – №4. – С. 160-185.

3. Лучинкина И.С. Поведение личности в современной цифровой среде // Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология. – 2023. – №3. – С. 51-58.

4. Пучкова Е.Б. Анализ вовлеченности в виртуальную среду студентов гуманитарного профиля // Педагогика и психология образования. – 2018. – №2. – С. 117-129.

5. Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. Индекс погруженности в интернет-среду: стандартизация методики // Психолого-педагогические исследования. – 2021. – №13(3). – С. 31–50.

Биопсихосоциальная модель факторов, детерминирующих феномен серийного убийства

Правдина Е.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Детерминанты феномена серийного убийства интересуют криминологов с момента его первого научного описания. Долгое время в научных кругах велась дискуссия о том, является ли серийное убийство продуктом средового фактора или же биологической предрасположенности. Модель выглядела следующим образом: «биология ИЛИ среда = серийное убийство». Однако сегодня, благодаря современным исследованиям генов и их полиморфизмов, структурных изменений ЦНС и влияния психотравм мы можем утверждать, что модель появления серийных убийств выглядит иначе: «биология + психология + среда = серийное убийство». Её название – биопсихосоциальная модель.

В работе предлагается иерархическая структура детерминирующих факторов, помогающая определить роль и «вес» каждой детерминанты.

Иерархизация детерминант в этой модели в общем виде может быть представлена тремя уровнями:

Биологический уровень, как основной фактор. В большинстве клинически изученных случаев он выступает необходимым, но недостаточным условием формирования феномена. Речь идёт не столько о грубых органических повреждениях, сколько о повышенной биологической уязвимости: генетических полиморфизмах, дисфункции префронтальной коры и миндалевидного тела, а также последствиях перенесённого повреждения головного мозга. При отсутствии такой уязвимости возникновение серийного насилия возможно, но маловероятно, а в случае его реализации – чаще относится к дезорганизованному типу;

Психологический уровень, как направляющий фактор. Если биология определяет, будет ли человек склонен к проявлению агрессии, то наличие психотравмы определяет то, каким именно образом (объект, стиль, мотив) человек будет её проявлять;

Социальный уровень, как регулирующий фактор. Наличие или отсутствие необходимого, своевременного участия со стороны близкого окружения, компенсации, поддержки, внешней регуляции, выступает

определяющим фактором: пойдёт ли в итоге человек на убийство или же перенаправит напряжение и выразит его другим образом.

Иными словами, генетика и органические повреждения выступают необходимым условием, без которого организованный серийный убийца сформироваться не может. Психотравма выступает важным направляющим условием, которое при наличии биологической уязвимости определяет сценарий насилия. Социум – внешняя регуляция.

Эту же биопсихосоциальную модель можно рассмотреть подробнее на типах, определённых мотивационной классификацией Холмсов (Holmes R.M., Holmes S.T., 1998; Marono A.J., Reid S., Yaksic E., Keatley D.A., 2020):

Миссионеры: ведущим фактором выступают искажённые убеждения, сформированные средой при относительной сохранности когнитивных функций; биологическая уязвимость выступает причиной нарушения механизмов импульсивности и агрессивности;

Визионеры: доминирует психотическая симптоматика, имеющая выраженную биологическую основу (врождённую или приобретённую); среда, как декомпенсатор;

Гедонисты: в основе лежат часто сопряжённые с органическими поражениями лимбической системы и дисфункцией префронтальной коры парафилии и перверсии, вызванные психотравмой, задающей форму фиксации;

Охотники: агрессия как компенсаторный механизм на стыке биологической импульсивности и психотравмы (переживания унижения), спровоцированной средой.

И на типологии Конышевой (Логунова О.А., Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В., 2012; Логунова О.А., Дворянчиков Н.В., 2019):

Силовики: на фоне врождённой или приобретённой биологической уязвимости формируется потребность в тотальном доминировании, которая, проходя через унижающее воспитание, трансформируется в рационально спланированное убийство как акт наказания жертвы за неподчинение и способ самоутверждения через абсолютный контроль над её жизнью;

Ситуативники: на фоне сниженного самоконтроля из-за лёгкой биологической уязвимости и длительной психотравмирующей ситуации накапливается аффект, который в момент провокации переадресуется на случайного человека, а убийство становится ситуативной разрядкой, не имеющей ритуальной основы и легко прерывающейся;

Сексуальные: биологическая уязвимость, нарушающая тормозные механизмы, и ранняя психотравма в условиях социальной изоляции

превращают убийство в ритуализированное условие достижения сексуальной разрядки.

Вспоминая структуру модели, мы можем уверенно сказать, что одна лишь биологическая уязвимость не будет реализована в серийном убийстве при условии наличия социального контроля и компенсации. В то время как тяжёлая психотравма может спровоцировать феномен серийного убийства и без наличия биологического фактора, но с меньшей степенью вероятности и иными паттернами поведения. Тяжёлая травма, если и порождает криминальную агрессию, то крайне хаотичную и компульсивную. Такой серийный убийца относится к дезорганизованному типу (Ressler R.K., Burgess A.W., 1985; Marono A.J., Reid S., Yaksic E., Keatley D.A., 2020). В таких случаях убийства носят характер навязчивых действий, попытки «переиграть» или «погасить» травму. Действия хаотичны, спонтанны, ситуативны, аффективно окрашены.

Эмпирическим подтверждением сложного взаимодействия факторов служит то, что 61% серийных убийц относятся к смешанным типам (Логунова О.А., Дворянчиков Н.В., 2019): в их генезе одновременно присутствуют биологическая уязвимость, психотравма и социальная депривация, что делает невозможным сведение феномена к какой-либо одной причине.

В отличие от линейных моделей («биология ИЛИ среда»), предложенная биопсихосоциальная иерархия позволяет дифференцировать типы серийных убийц по доминирующей детерминанте (биологической, психологической или социальной) и на этой основе прогнозировать характер преступного поведения – от организованного ритуализированного до дезорганизованного аффективного. Данный подход может быть использован при производстве судебно-психологической экспертизы для оценки наличия ограниченной вменяемости и выбора дифференцированных профилактических мер.

Литература

1. Логунова О.А., Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В. Типологические особенности личности и поведения серийных сексуальных убийц // Психологическая наука и образование. — 2012. — Т. 4, № 2. — Статья 12. — URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n2/53494 (дата обращения: 07.04.2026).

2. Логунова О.А., Дворянчиков Н.В. Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов // Психология и право. — 2019. — Т. 9, № 1. — С. 54–70. — DOI: 10.17759/psylaw.2019090104. — URL: https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090104 (дата обращения: 07.04.2026).

3. Holmes R.M., Holmes S.T. Serial Murder. — 2nd ed. — Thousand Oaks: Sage Publications, 1998. — 256 p.

4. Marono A.J., Reid S., Yaksic E., Keatley D.A. A Behaviour Sequence Analysis of Serial Killers' Lives: From Childhood Abuse to Methods of Murder // Psychiatry, Psychology and Law. — 2020. — Vol. 27, No. 1. — P. 126–137. — DOI: 10.1080/13218719.2019.1695517. — URL: https://doi.org/10.1080/13218719.2019.1695517 (дата обращения: 07.04.2026).

5. Ressler R.K., Burgess A.W. Crime Scene and Profile Characteristics of Organized and Disorganized Murders // FBI Law Enforcement Bulletin. — 1985. — Vol. 54, No. 8. — P. 18–25.

Готовность к браку как аспект девиации

Рудницкая А.И.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Актуальность темы исследования обосновывается усиленной государственной поддержкой и вниманием к традиционным семейным ценностям. Девиантный аспект заключается в повышении среднего возраста вступления в брак, тенденции к отсрочке официального оформления отношений. Так, по данным статистики (ТАСС, 2024), лишь около 15% россиян в возрасте от 18 до 27 лет готовы официально узаконить отношения в ближайшее время.

Необходимость комплексного рассмотрения операционально-поведенческого, когнитивного и эмоционально-чувствительного компонентов вызвана незначительным количеством работ, посвященным, прежде всего, социально-психологическим элементам (Железняк К.В., 2018; Маннанова Е.А., Никитина А.А., 2025).

Нами было проведено исследование, цель которого заключалась в выявлении отличительных особенностей компонентов готовности молодежи к браку.

В рамках исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Существуют различия по операционально-поведенческому, эмоционально-чувствительному и когнитивному компонентам готовности к браку у лиц, состоящих в официальном браке, не имеющих постоянного партнера для совместного проживания, сожительствующих.

2. Чем выше уровень когнитивного компонента готовности к браку, тем выше хозяйственно-бытовые умения.

3. Молодые взрослые, состоящие в официальном браке, обладают более высоким уровнем идентификации, проникающей способностью, чем сожители и лица, не имеющие постоянного партнера для совместного проживания.

4. Сожители характеризуются более высоким уровнем ожиданий от партнера в родительской, эмоционально-психотерапевтической, хозяйственно-бытовой функции семьи, чем лица, состоящие в официальном браке.

5. Существуют статистически значимые различия по операционально-поведенческому, эмоционально-чувствительному и когнитивному компонентам готовности к браку в каждой группе в зависимости от пола.

Выборку составили респонденты в возрасте от 18 до 35 лет и разграничена в зависимости от семейного положения, а именно группа 1 – официальный брак (N=41, Mage=25,4±1,7 М/Ж=17/24), группа 2 – сожительство (N=45, Mage=23,3±1,4 М/Ж=16/29), группа 3 (N=49, Mage=21,2±2,3, М/Ж=17/32) – нет постоянного партнера для совместного проживания.

Методиками исследования послужили: «Диагностика эмпатический способностей» В.В. Бойко (Бойко В.В., 1996), «Диагностика перцептивно-интерактивной компетентности» Н.П. Фетискина (Фетискин Н.П., 2002), авторская анкета «Хозяйственно-бытовые умения», Опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волкова (Волкова А.Н., Трапезникова Т.М., 1985).

Для проверки гипотезы 1 использовался критерий Краскела – Уоллиса. Результаты подтвердили ($p<0,05$), что между группами существуют различия по эмоционально-чувствительному (общие эмпатические способности, рациональный, интуитивный канал, установки, способствующие и препятствующие эмпатии, проникающая способность, идентификация), операционально-поведенческому (взаимопознание, взаимопонимание, взаимовлияние, социальная автономность, адаптивность, активность, общий уровень коммуникативной интерактивности, планирование семейного бюджета, организация домашнего хозяйства, создание комфортной среды) и когнитивному (личностная идентификация с партнером, внешняя привлекательность (ожидания), притязаниями по эмоционально-психотерапевтической, родительско-воспитательной функциям семьи, социальной активностью) компонентам готовности к браку.

При использовании коэффициента ранговой корреляции Спирмена для гипотезы №2 и анализа в соответствии с критерием Чеддока не было выявлено сильных корреляционных связей (r>0,7) между изучаемыми компонентами.

Для проверки гипотезы 3 использовались данные, полученные при помощи критерия Краскела-Уоллиса в рамках первой гипотезы, а также U-критерий Манна-Уитни. Так, группа «Официальный брак» по сравнению с группами 2 и 3 обладают наиболее развитой проникающей способностью (U(1,2)=678,50, p=0,029; U(1,3)=559,00, p=0,000) и идентификацией (U(1,2)=417,00, p=0,000; U(1,3)=289,00, p=0,000).

При использовании U-критерия Манна Уитни для гипотез № 4 и 5 было выявлено, что сожители обладают более высоким уровнем ожиданий от партнера в хозяйственно-бытовой (ср. ранг=48,50>38,01) и эмоционально-психотерапевтической (ср. ранг=48,39>37,03) сферах семейной жизни. Статистически значимые различия (p<0,05) в зависимости от пола в группе 1 наблюдаются по показателям рационального канала эмпатии, организации домашнего хозяйства, общего уровня хозяйственно-бытовых умений, ожиданий относительно эмоционально-психотерапевтической функции семьи, в группе 2 - эмоционально-психотерапевтической функции семьи (ожидания), в группе 3 - взаимопонимание, социальная активность, ожидания и притязания по родительско-воспитательной функции семьи.

Также были построены корреляционные плеяды, где центральными ядрами (наибольшее количество связей) для группы 1 являются «Взаимопонимание» и «Взаимопознание», для группы 2 - «Хозяйственно-бытовая сфера (притязания)» и «Общий уровень хозяйственно-бытовых умений», для группы 3 - «Организация домашнего хозяйства», представлены профили для лица, находящегося в браке, сожителя и не имеющего постоянного партнера для совместного проживания с отличительными особенностями. Так, лица в официальном браке обладают более высоким уровнем эмпатии, сочетают личную идентификацию с партнером и социальную автономность, придают большое значение интимно-сексуальной сфере, эмоционально-психотерапевтической функции семьи, личной и партнерской внешней привлекательности. Сожители демонстрируют высокую социальную автономность и активность, трудности в анализе переживаний партнера и поиском совместных решений, низкой личностной идентификацией с партнером, склонны занимать пассивную роль в воспитании детей, высоко оценивают значимость интимно-сексуальных отношений и внешней привлекательности. Лица без постоянного партнера обладают широким спектром ожиданий от будущего партнера в активном участии в создании доверительной атмосферы, большей роли в воспитании

детей, внимания к уходу за внешностью, ориентированностью на внешнюю активность и карьеру.

Профилактические рекомендации для психологов и педагогов формировались с опорой на развитие эмпатии, коммуникативной интерактивности, осознания моральных основ брака и представлений о распределении ролей в семье при помощи тренингов (отработка навыков слушания, конструктивного разрешения конфликтов и др.), индивидуальных и парных консультаций (страх близости, интимно-сексуальной сферы, воспитания детей и др.), лекций, дебатов, проектной работы, разбора кейсов и дискуссий.

Таким образом, полученные данные способствуют расширению знаний о компонентах готовности к браку, а также для психолого-педагогической работы с целью формирования у молодежи готовности к браку.

Литература

1. Железняк К.В. Социально-психологические особенности готовности молодежи к браку : автореферат выпускной квалификационной работы : 37.03.01 – Психология / Кристина Владиславовна Железняк, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет». – Москва, 2018. – 6 с.

2. Маннанова Е.А., Никитина А.А. Психологическая готовность к браку юношей и девушек в период студенчества // Russian Journal of Education and Psychology, 2025. – №2. – С. 434-451. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-gotovnost-k-braku-yunoshey-i-devushek-v-period-studenchestva (дата обращения: 05.03.2026).

3. Погодина, Е.К. Основы семейной жизни : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Социальная педагогика» и «Психология» / Е.К. Погодина. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003. – 94 с. (Учебное пособие).

4. ТАСС: информационное агентство России : [сайт]. – Москва, 1999. – Обновляется в течение суток. – URL: https://tass.ru/obschestvo/21301061 (дата обращения: 05.01.2026). – Текст : электронный.

Связь эмпатических способностей, выраженности алекситимии и склонности к компульсивному сексуальному поведению в молодом возрасте

Сурина Ю.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В современном обществе всё чаще фиксируются различные формы аддиктивного поведения, среди которых особое место занимает компульсивное сексуальное поведение (КСП). Социальная замаскированность КСП затрудняет его своевременное выявление и приводит к дезадаптации и различным проблемам. Следствием могут быть трудности в построении романтических, семейных и дружеских отношений. Проблема заключается в недостаточной изученности КСП в русскоязычной литературе. Существующие исследования фиксируют ограничения и нехватку данных (Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В., 2018). Изучение факторов, связанных с КСП у лиц молодого возраста, необходимо для разработки эффективных профилактических и коррекционных мероприятий.

Цель работы: выявление связи между уровнем эмпатических способностей, выраженностью алекситимии и склонностью к КСП у лиц молодого возраста.

Основная гипотеза исследования: высокая склонность к алекситимии и низкий уровень эмпатии имеют статистически значимую связь с высоким уровнем склонности к КСП у лиц молодого возраста. Частные гипотезы предполагали, что высокий уровень алекситимии положительно связан с высокой склонностью к КСП; низкий уровень эмпатических способностей положительно связан с высокой склонностью к КСП; уровень алекситимии отрицательно связан с уровнем эмпатии.

Методики, применяемые в ходе эмпирической части исследования: методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко, Торонтская шкала алекситимии (TAS-20) в адаптации Д.Б. Ересько, Г.Л. Исуриной и Е.В. Кайдановской и опросник сексуальной аддикции П. Карнеса (SAST).

Обработка данных выполнялась с помощью пакета Jamovi (версия 2.7.8). Применялись методы описательной статистики для расчета средних арифметических (M), стандартных отклонений (SD), минимальных и максимальных значений, критерий Шапиро-Уилка, коэффициент ранговой корреляции Спирмена и U-критерий Манна-Уитни.

В исследовании приняли участие 52 респондента в возрасте от 18 до 28 лет (средний возраст — 21,7 лет). Выборка была сбалансирована по полу (26 мужчин и 26 женщин).

Теоретический анализ выявил, что КСП является сложным многофакторным феноменом. В его развитии важную роль играют нарушения эмоциональной саморегуляции и дефицит копинг-стратегий. Дифференциация сексуальной аддикции может быть значительно затруднена в связи с тем, что тема сексуальности достаточно стигматизирована. Врачи и пациенты часто обладают ограниченным количеством знаний в данной сфере. Высокий уровень алекситимии имеет связь с эмпатическим дефицитом. Лица с высоким показателем алекситимии испытывают трудности в дифференциации эмоций других людей. Они способны к элементарному эмоциональному заражению и копированию, но при этом высшие формы эмоциональной эмпатии нарушены (Москачева М.А., Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., 2014). Формированию КСП способствует снижение эмпатии и повышение показателей алекситимии за счет уменьшения тормозящего влияния чувств вины, стыда и сопереживания к партнеру (Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В., 2018).

Результаты корреляционного анализа по Спирмену выявили статистически значимую умеренную положительную связь между показателем алекситимии и склонностью к КСП ($r_s=0,500$; $p<0,001$). Это согласуется с представлением о компенсаторной функции аддиктивного поведения. При трудностях осознания и вербализации эмоций КСП становится деструктивным способом снижения внутреннего напряжения. Анализ на уровне субшкал позволил уточнить, что данная связь обеспечивается преимущественно трудностями идентификации чувств ($r_s=0,500$; $p<0,01$) и трудностями описания чувств ($r_s=0,404$; $p=0,003$). Соответственно, именно дефицит распознавания и вербализации эмоций, а не внешняя ориентация мышления, играет ключевую роль.

Корреляция между общим уровнем эмпатии и склонностью к КСП не достигла уровня статистической значимости ($r_s=0,250$; $p=0,073$). Однако по субшкале «эмоциональный канал эмпатии» обнаружена значимая положительная связь с КСП ($r_s=0,326$; $p=0,018$). Риск связан не с общим дефицитом эмпатии, а с её дисбалансом. Данный результат согласуется с представлениями о том, что эмоциональная гиперчувствительность может выступать фактором риска для развития поведенческих зависимостей. Высокая эмоциональная восприимчивость к переживаниям других при недостаточных навыках саморегуляции создает предпосылки для аддиктивной разрядки.

Связь между общими показателями эмпатии и алекситимии оказалась статистически незначимой (r_s=-0,020; p=0,885). Это может объясняться субклиническим уровнем алекситимии в выборке.

С помощью U-критерия Манна-Уитни выявлены значимые гендерные различия по уровню эмпатии (U=157; p<0,001). Женщины демонстрируют более высокие показатели, что объясняется как биологическими предпосылками (гормональные и нейрофизиологические особенности), так и процессами социализации, ориентирующими девочек на заботу и поддержание эмоциональных связей

По алекситимии и склонности к КСП значимых гендерных различий не обнаружено. Возраст не показал значимых связей ни с одной из переменных (p>0,05), что говорит об относительной стабильности изучаемых характеристик в диапазоне 18–28 лет.

Таким образом, основная гипотеза подтвердилась частично. Обнаружена статистически значимая связь алекситимии с КСП. При этом связь общего уровня эмпатии с КСП не установлена. Значимая корреляция эмоционального канала эмпатии с КСП свидетельствует о роли дисбаланса эмпатии – высокая восприимчивость при недостаточном уровне саморегуляции. Полученные данные могут использоваться при разработке профилактических и коррекционных программ для лиц молодого возраста.

Литература

1. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. – М.: Филинъ, 1996. – 472 с.
2. Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В. Понимание эмоциональных состояний испытуемыми с педофилией/педофильным расстройством // Клиническая и специальная психология. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 84–99.
3. Есин Р.Г., Горобец Е.А., Галиуллин К.Р., Есин О.Р. Алекситимия — основные направления изучения // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2014. – Т. 114. – № 12. – С. 148–151.
4. Москачева М.А., Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Алекситимия и способность к эмпатии // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – Т. 22. – № 4. – С. 98–114.
5. Селиванова Ю.В. Психосоциальные аспекты взаимосвязи алекситимии и аддикций у молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. – 2017. – Т. 17. – вып. 1. – С. 62–66.

6. Lew-Starowicz M., Lewczuk K., Nowakowska I. et al. Compulsive Sexual Behavior and Dysregulation of Emotion // Sexual Medicine Reviews. – 2020. – Vol. 8. – № 2. – P. 191–205.

7. Kor A., Djalovski A., Potenza M.N., Zagoory-Sharon O., Feldman R. Alterations in oxytocin and vasopressin in men with problematic pornography use: The role of empathy // Journal of Behavioral Addictions. – 2022. – Vol. 11. – № 1. – P. 116–127.

8. Kraus S.W., Krueger R.B., Briken P. et al. Compulsive sexual behaviour disorder in the ICD-11 // World Psychiatry. – 2018. – Vol. 17, No. 1. – P. 109–110

Особенности самоконтроля у девушек, склонных к алкоголизации

Тимофеева С.Д.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Власова Н.В.

Проблема алкоголизации в молодежной среде сохраняет высокую социальную и психологическую значимость. Несмотря на общую положительную динамику снижения потребления алкоголя в России в последние годы, сохраняются тревожные тенденции, особенно в гендерном аспекте. Согласно данным Росстата, в 2022 году число женщин, состоящих на диспансерном учете с диагнозом «алкоголизм и алкогольные психозы», составило 16,2 тыс. человек, что является значительным показателем, требующим внимания к ранним этапам формирования аддиктивного поведения. Особую уязвимость демонстрируют девушки студенческого возраста, для которых характерны повышенные психоэмоциональные нагрузки, процесс личностного самоопределения и активная интеграция в новые социальные группы, что может выступать фактором риска (Дозорцева Е.Б., Бадмаева В.Д., Хасьянова А.А., 2022).

Исследования показывают, что в основе формирования склонности к зависимому поведению, в том числе алкоголизации, лежат дефициты в системе саморегуляции и самоконтроля. Нарушения волевой и эмоциональной регуляции, импульсивность, трудности в целеполагании и прогнозировании последствий своих действий рассматриваются как ключевые предикторы рискованного поведения (Моросанова В.И., Филиппова Е.В., Фомина Т.Г., 2021). Однако специфика структурных компонентов самоконтроля именно у

девушек, склонных к эпизодической или регулярной алкоголизации, изучена недостаточно, особенно в контексте студенческой популяции. Выявление этих особенностей является актуальной задачей психологической науки, так как позволит разработать более точные и адресные программы профилактики и психологического сопровождения для данной гендерно-возрастной группы.

Целью исследования является выявление специфических показателей самоконтроля у девушек, склонных к алкоголизации.

Гипотеза исследования – общий уровень самоконтроля, а также его характеристики у девушек юношеского возраста, склонных к алкоголизации и их ровесниц без таковой склонности имеют значимые различия.

Характеристика материала исследования. В исследовании приняло участие 30 респондентов. После предварительного анализа выборку экспериментальной части исследования составили 29 девушек в возрасте от 18 до 22 лет, проживающих в Москве и Московской области.

Методики исследования включали в себя: Опросник саморегуляции поведения (ССПМ) В.И. Моросановой; Опросник «Самоконтроль в общении» М. Снайдера (адаптация Н.В. Амяги, Ю.М. Жукова); тест AUDIT (The Alcohol Use Disorders Identification Test), адаптированный на российской выборке Б. Идрисовым и др.

На основании результатов теста AUDIT вся выборка была разделена на 2 группы. Первую группу составили девушки с выраженной склонностью к алкоголизации (12 человек), во вторую группу сравнения вошли 17 девушек, не имеющие склонность к алкоголизации.

Результаты исследования позволили установить, что у девушек с выраженной склонностью к алкоголизации общий уровень саморегуляции значимо ниже, чем в группе сравнения ($p = 0,012$). Это подтверждает основную гипотезу исследования о том, что девушки, склонные к алкоголизации, обладают менее сформированной системой осознанной саморегуляции поведения.

Также были зафиксированы наиболее выраженные различия по шкалам «Программирование действий» и «Оценка результатов» ($p = 0,008$ и $p = 0,003$ соответственно). Это означает, что в группе риска девушки значительно меньше продумывают последовательность своих действий, испытывают трудности в разработке планов достижения целей, а также менее критично относятся к результатам собственных поступков, игнорируя их ошибочность, и не подвергая коррекции свое поведение. Это указывает на дефицит именно тех регуляторных звеньев, которые обеспечивают предварительную организацию деятельности и последующий контроль её эффективности.

Кроме того были выявлены статистически значимые различия между исследуемыми группами по шкале «Планирование» (Пл) ($p = 0{,}041$). Данный факт, свидетельствует о том, что девушки, склонные к алкоголизации, в меньшей степени склонны к детальному планированию своего будущего, а их планы отличаются нереалистичностью.

Реализованный в исследовании корреляционный анализ позволил установить, что у девушек наиболее тесно со склонностью к алкоголизации связаны именно регуляторные дефициты, а не коммуникативный самоконтроль.

Полученные результаты эмпирического исследования позволяют уточнить мишени психопрофилактической работы: развитие навыков планирования, осознанного программирования поведения и рефлексии результатов.

Литература

1. Дозорцева Е.Б., Бадмаева В.Д., Хасьянова А.А. Психологические факторы риска аддиктивного поведения у студентов // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Т. 30. – № 4. – С. 70–89.
2. Здравоохранение в России. 2023: Стат.сб. / Росстат. – М., 2023. – С. 121. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdrav-2023.pdf (дата обращения: 28.01.2026).
3. Моросанова В.И., Филиппова Е.В., Фомина Т.Г. Осознанная саморегуляция и отношение к здоровью как предикторы аддиктивного поведения студентов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2021. – № 1. – С. 186–209.

Онлайн-шопинг в контексте совладания в период молодости

Фешин Н. С.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н. В.

Чаще всего в психологической литературе избыточная активность в сфере покупок рассматривается через призму зависимости (ониомании). Однако такой подход зачастую игнорирует функциональную значимость этого поведения для личности. Важно по-новому взглянуть на онлайн-потребление: предлагается рассматривать его не только как риск формирования

зависимости, но и как специфический тип совладающего поведения, направленный на регуляцию эмоционального состояния.

Целью исследования являлось изучение связей между зависимостью от онлайн-шопинга, личностной тревожностью и уровня субъективного благополучия в период молодости.

Были выдвинуты гипотезы о связи зависимости от онлайн-шопинга и личностной тревожности и обратной связи уровня субъективного благополучия и зависимости от онлайн-шопинга, а также гипотеза о том, что проблемный шопинг опосредует связь тревожности и благополучия.

Эмпирическое исследование проводилось с использованием авторской анкеты, опросника «Шкала зависимости от онлайн-шопинга» (А. О. Сборщик, 2025), методики «Шкала субъективного благополучия» в адаптации М. В. Соколовой (С. В. Духновский, 2009) и методики «Шкала личностной тревожности» из опросника Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина (Ю. А. Зайцев, 2011).

Исследование проводилось посредством заполнения респондентами онлайн-формы на платформе Google-формы. Каждая методика была дана на русском языке и сопровождалась отдельной инструкцией по выполнению. В исследовании принял участие 41 респондент в возрасте от 19 до 24 лет (средний возраст – 21,1 ± 1,62 года), среди них 12 юноши – 29%, 29 девушки – 71%.

Статистическая обработка данных проводилась при помощи критерия Шапиро-Уилка, выявившего отсутствие нормального распределения, и непараметрического коэффициента ранговой корреляции Спирмена в программе Jamovi 2.6.44.0.

Между личностной тревожностью и временем, затрачиваемым на просмотр товаров без цели обязательной покупки («скролл-шопинг»), выявлена положительная корреляция ($\rho = 0{,}387$; $p = 0{,}012$). Респонденты с высоким уровнем тревожности склонны проводить больше времени в пассивном просмотре маркетплейсов, что может отражать использование онлайн-шопинга как способа временного отвлечения и снижения тревоги.

Между показателем проблемного онлайн-шопинга и «скролл-шопингом», выявлена связь ($\rho=0{,}506$; $p<0{,}001$). Респонденты с высоким уровнем проблемного онлайн-шопинга больше времени проводят в пассивном просмотре товаров без намерения купить, что может указывать на использование шопинга как способа снизить тревогу.

Анализ субшкал методики «Шкала зависимости от онлайн-шопинга»:

«Значимость» – степень доминирования шопинга в жизни – положительно связана со скролл-шопингом ($\rho = 0{,}503$; $p < 0{,}001$), то есть чем

больше места онлайн-шопинг занимает в структуре активности человека, тем больше времени тот ему отводит.

«Изменение настроения» – использование шопинга для регуляции эмоций – также связано со скролл-шопингом ($\rho = 0{,}490$; $p = 0{,}001$). Для тех, кто использует шопинг как способ изменить настроение, сам процесс просмотра товаров становится главным источником гедонистического подкрепления, а факт покупки отходит на второй план.

«Толерантность» – потребность в увеличении интенсивности шопинга для достижения прежнего эффекта – связана с долей трат от дохода ($\rho = 0{,}320$; $p = 0{,}041$) и временем скролл-шопинга ($\rho = 0{,}361$; $p = 0{,}020$), что подтверждает проявление толерантности как в финансовой, так и во временной сферах.

«Абстиненция» – негативные эмоции при невозможности шопинга – положительно коррелирует с личностной тревожностью ($\rho = 0{,}357$; $p = 0{,}022$): более тревожные люди испытывают более выраженный дискомфорт при ограничении доступа к онлайн-шопингу, что отражает использование шопинга как стратегии совладания. Кроме того, выявлена положительная корреляция между показателями по субшкале «абстиненция» и уровнем субъективного благополучия ($\rho = 0{,}370$; $p = 0{,}017$). С учётом обратной направленности шкалы благополучия это означает, что низкое субъективное благополучие связано с более выраженными показателями абстиненции, т. е. с большим дискомфортом при ограничении доступа к онлайн-шопингу.

Результаты медиационного анализа показали, что косвенный эффект тревожности на субъективное благополучие через проблемный онлайн-шопинг не является статистически значимым ($p = 0{,}677$). При этом прямой эффект тревожности на благополучие остаётся значимым ($p < 0{,}001$), что свидетельствует об отсутствии опосредующей роли проблемного онлайн-шопинга в изучаемой взаимосвязи.

Гипотеза о положительной связи тревожности и проблемного шопинга подтвердилась частично: тревожность связана с временными затратами на скролл-шопинг и субшкалой «абстиненция», но не с общим баллом шкалы зависимости от онлайн-шопинга. Гипотеза об отрицательной связи проблемного шопинга и благополучия также подтвердилась частично, отдельные компоненты связаны с низким благополучием, но общий балл шкалы зависимости от онлайн-шопинга прямой связи с благополучием не показал. Гипотеза об опосредующей роли проблемного онлайн-шопинга в связи тревожности и благополучия не подтвердилась.

Тема онлайн-потребления остаётся актуальной, так как цифровой шопинг прочно вошёл в повседневную жизнь. В условиях нестабильности он часто становится доступным способом обрести чувство контроля, что может

иметь долгосрочные последствия для благополучия молодёжи. Полученные результаты показывают, что «скролл-шопинг» является значимым поведенческим маркером, а использование онлайн-шопинга как копинг-стратегии связано с тревожностью и снижением благополучия через отдельные компоненты аддиктивного поведения.

В качестве перспектив дальнейшей работы можно выделить: исследования на крупных выборках, лонгитюдный дизайн, включение дополнительных переменных (импульсивность, самоконтроль, чувство вины), а также отдельное изучение «скролл-шопинга» как самостоятельной формы цифрового поведения.

Литература

1. Духновский С. В. Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум. – Санкт-Петербург : Речь, 2009. – 141 с.

2. Зайцев Ю. А., Хван А. А. Стандартизация методик диагностики тревожности Спилберга-Ханина и Дж. Тейлор // Психологическая диагностика. – 2011. – № 3. – С. 19-34.

3. Сборщик А. О. Психологическое благополучие и склонность к онлайн-шоппингу в контексте аддиктивного поведения у молодых женщин : Вып. квалификац. работа: Диплом. работа: Направление 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного поведения». Специализация «Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения» / Московский государственный психолого-педагогический университет. – Москва, 2025. – 128 с. – URL: https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=505629 (дата обращения: 01.05.2026).

Психологическая устойчивость воспитанников учебно-воспитательных учреждений закрытого типа

Фомина Т.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Согласно статистическим данным Министерства Просвещения, на текущий момент на территории Российской Федерации функционируют 15 специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа (далее – СУВУ ЗТ). Указанные учреждения были созданы для подростков в возрасте от

11 до 18 лет, совершивших правонарушения и нуждающихся в специальном педагогическом подходе.

СУВУ ЗТ играют ключевую роль в работе с подростками группы риска, что подчёркивает важность изучения психологической устойчивости их воспитанниц.

Актуальность исследования обусловлена стремительными социальными изменениями в обществе, растущим интересом к формированию психологической устойчивости у подростков, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах. Воспитанницы СУВУ ЗТ, при поступлении в учреждение уже имеют травматический опыт и испытывают значительные психоэмоциональные нагрузки из-за изоляции и постоянного контроля. Это повышает риск зависимого поведения и конформности. Изучение устойчивости как ресурса адаптации и снижения склонности к девиантному и делинквентному поведению отвечает социальным запросам.

Ряд исследователей И.В. Деткова, А.В. Леонтьева, Н.В. Ковалёва считают, что формирование психологической устойчивости у подростков является средством профилактики аддиктивного и противоправного поведения (Деткова И.В., Леонтьева А.В., Ковалева Н.В., 2016). В исследовании отмечается, что низкая устойчивость повышает риск алкоголизма, наркомании и преступности, в то время как высокая - помогает противостоять негативным факторам и адаптироваться.

С.И. Кудинов и С.М. Хаммад подчёркивают, что психологическая устойчивость личности лежит в основе самореализации человека (Кудинов С.И., Хаммад С.М. 2015). Способность сохранять внутреннее равновесие и конструктивное поведение в стрессовых ситуациях, то есть психологическая устойчивость — это ключевое качество личности. Именно оно может способствовать снижению проявлений девиантного и делинквентного поведения среди несовершеннолетних.

Анализ теоретических источников свидетельствует о достаточной проработанности проблемы психологической устойчивости личности в современной психологии. Несмотря на относительно недавнее оформление данной категории как самостоятельного научного конструкта, её структурные компоненты длительное время исследуются в рамках различных психологических направлений. Установлены взаимосвязи с родственными феноменами (жизнестойкость, стрессоустойчивость, эмоциональная устойчивость и др.), обоснована роль психологической устойчивости как интегративного качества личности, а также разработаны диагностические методики её изучения.

Психологическая устойчивость подростков формируется через взаимодействие множества факторов – от гормональной перестройки до поиска идентичности и поддержки окружения. Ключевой принцип – найти баланс между поддержкой взрослых и предоставлением подростку возможности самостоятельно преодолевать трудности. Это помогает выработать личные стратегии адаптации, снижает риски дезадаптации и закладывает фундамент успешной социализации.

Несмотря на глубокую проработку темы в целом, выявлены существенные пробелы – прежде всего в изучении формирования психологической устойчивости у несовершеннолетних воспитанников учреждений закрытого типа с учетом гендерных особенностей.

Е.Э. Бойкина, Р.В. Чиркина, Е.В. Стратийчук провели комплексный анализ портрета воспитанницы СУВУ ЗТ. Анализ результатов указывает, что в подавляющем большинстве девушки субъективно ощущают себя остракируемыми: в большей степени исключаемыми и отвергаемыми, в меньшей – игнорируемыми.

Важной особенностью девушек является развитая способность к планированию и гибкая саморегуляция, позволяющая им адаптироваться к меняющимся условиям. Тем не менее, психологическая и практическая устойчивость в стрессовых ситуациях может быть не столь высока, что делает осознанную саморегуляцию потенциальным фактором риска.

Наличие жизненных целей придаёт их существованию смысл, но может сопровождаться прожективностью. Высокий «самоинтерес» отражает позитивное восприятие собственной личности, но требует проверки на соответствие реальности.

Сниженная жизнестойкость, особенно в компоненте «вовлеченность», коррелирует с ощущением отверженности и «вне» жизни. Девушкам требуется развивать убеждение в ценности опыта, готовность к риску и, главное, чувство контроля над собственной жизнью (Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Стратийчук Е.В. 2025).

При этом существует ряд рисков при формировании психологической устойчивости у рассматриваемого контингента лиц.

Они обусловлены двумя группами факторов:

Внешними – связаны со спецификой учреждения и задачами педагогов.

Внутренними – определяются личностными характеристиками самих воспитанниц.

В существующих научных трудах затрагиваются смежные аспекты, связанные с изучением личностных характеристик воспитанниц СУВУ ЗТ. Однако целенаправленное исследование именно психологической

устойчивости у данной категории лиц до настоящего времени не выступало объектом отдельного психологического исследования.

Таким образом, теоретический анализ подтверждает, что психологическая устойчивость является интегративным свойством личности, обеспечивающим адаптивное поведение и профилактику девиаций у подростков. Воспитанницы СУВУ ЗТ находятся в уязвимом положении: травматический опыт, изоляция, контроль и переживание остракизма создают комплекс рисков, препятствующих формированию психологической устойчивости. Это подтверждает необходимость целенаправленного исследования психологической устойчивости именно у данной категории лиц.

Литература

1. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Стратийчук Е.В. Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 3. Портрет воспитанницы СУВУ // Психология и право. – 2025. – Том 15 – №4 – С. 44-62.

2. Деткова И.В., Леонтьева А.В., Ковалева Н.В. Формирование психологической устойчивости как средство профилактики аддикций у подростков // КПЖ. – 2016. – №2-2 (115). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-psihologicheskoy-ustoychivosti-kak-sredstvo-profilaktiki-addiktsiy-u-podrostkov (дата обращения: 03.02.2026).

3. Кудинов С.И., Хаммад С.М. Психологическая устойчивость личности как основа самореализации субъекта // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. - 2015. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-ustoychivost-lichnosti-kak-osnova-samorealizatsii-subekta (дата обращения: 11.02.2026).

Влияние потребления медиаконтента жанра «true crime» на стереотипность представлений о серийном преступнике у студенческой молодежи

Ходакова А.И.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В современном мире популярность жанра «true crime» показывает значительный рост, что во многом связано с развитием медиаплатформ и растущим интересом аудитории к психологической стороне преступлений. В научной литературе «true crime» определяется как документальное

направление, использующее различные медиаформаты – от литературы до кино – для всестороннего анализа и реконструкции реальных уголовных дел (Лабузная В.Ю., 2019). Транслируемый в медиапространстве через художественные произведения и громкие заголовки новостных сводок образ неизбежно формирует упрощенное представление о серийном преступнике. Студенческая молодежь является основной целевой аудиторией подобного контента, в силу чего наиболее подвержена тому воздействию, которое данный жанр оказывает на своего зрителя.

Существующий в массовом сознании образ серийного преступника часто не совпадает с его научным описанием. Данное расхождение объясняется механизмами социальной стереотипизации, позволяющими быстро категоризировать социальное окружение путем упрощения восприятия (Агеев В.С., 1986). Кинематограф и средства массовой информации создают именно такие устойчивые, эмоционально насыщенные образы, которые подменяют собой реальность. От этого у зрителя формируются определенные ожидания и предубеждения. Криминологический подход описывает серийного преступника как сложную личность, чье поведение обусловлено взаимодействием многих факторов и не сводится к образу «монстра» (Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н., 2020). Медиа, наоборот, создают простой, яркий и часто романтизированный образ, подменяя реальность стереотипами. Особенностью жанра «true crime» является стремление осветить историю, сохраняя фактологическую точность и используя психологический анализ мотивов преступника. Такой подход может способствовать разрушению стереотипных представлений и созданию более сложных (Дронова С.А., 2025).

Данное исследование направлено на выяснение того, как именно потребление «true crime» влияет на стереотипность представлений о серийном преступнике у студенческой молодежи. Цель исследования – выявить и охарактеризовать влияние потребления медиаконтента жанра «true crime» на формирование стереотипных представлений о личности серийного преступника у студенческой молодежи.

Основная гипотеза заключалась в том, что существует связь между уровнем потребления контента жанра «true crime» и стереотипностью представлений о серийном преступнике у студенческой молодежи. Частные гипотезы предполагали, что респонденты с высоким уровнем потребления «true crime» контента будут характеризоваться более низкими показателями стереотипности представлений о серийном преступнике по сравнению с группой с низким уровнем потребления, а также что усредненный профиль оценок группы с низким уровнем потребления будет значимо отличаться от

профиля группы с высоким уровнем потребления по ряду биполярных шкал семантического дифференциала.

В эмпирическом исследовании приняли участие 55 респондентов – студентов в возрасте от 16 до 26 лет (средний возраст 20,8 года; SD = 2,54), среди которых 11 мужчин (20,0%) и 44 женщины (80,0%). В качестве базы исследования выступили студенты, привлеченные через социальные сети и студенческие группы. Для сбора данных использовались авторская анкета для определения частоты потребления контента жанра «true crime» и методика «Семантический дифференциал» (Ч. Осгуд) в модифицированном варианте для оценки студентами образа «серийного преступника» по 25 биполярным шкалам. Методы статистической обработки данных включали описательную статистику, критерий Шапиро-Уилка для проверки нормальности распределения и U-критерий Манна-Уитни для сравнения независимых групп.

На основе ответов о частоте потребления «true crime» контента были сформированы две группы сравнения: группа с низким уровнем потребления (Low, n=26) и группа с высоким уровнем потребления (High, n=10). Степень стереотипности представлений о серийном преступнике была операционализирована как коэффициент корреляции Пирсона между индивидуальным профилем оценок респондента и усредненным профилем группы Low, которая была принята за «стереотипный эталон».

Средний коэффициент стереотипности в группе Low составил 0,604, а в группе High – 0,471. Таким образом, представления респондентов с высоким уровнем потребления в среднем менее близки к стереотипному профилю по сравнению с группой с низким уровнем потребления. Проверка статистической значимости различий с помощью U-критерия Манна-Уитни показала значение U = 75,0, что соответствует p-уровню значимости 0,054. Различия между группами не достигли традиционно принятого уровня статистической значимости, однако p-значение приближается к пороговому. Размер эффекта (ранговая бисериальная корреляция r = 0,423) соответствует среднему эффекту, что свидетельствует о содержательной значимости выявленных различий. Иными словами, представления активных потребителей «true crime» о серийном преступнике являются менее шаблонными и более дифференцированными.

Для выявления содержательных различий в восприятии образа серийного преступника был проведен анализ по всем 25 шкалам семантического дифференциала. Статистически значимые различия были выявлены по трем шкалам. Группа с низким уровнем потребления «true crime» контента склонна воспринимать серийного преступника как более решительного, более противного и более запутанного. Группа с высоким

уровнем потребления, напротив, описывает его как менее решительного, менее противного и более ясного. Таким образом, образ преступника у активных потребителей жанра оказывается психологически более сложным, амбивалентным и менее стигматизированным, что подтверждает гипотезу о различии семантических профилей групп по отдельным шкалам.

Полученные данные позволяют говорить о тенденции к связи между увлечением «true crime» и стереотипностью представлений о преступнике. Результаты подтверждают, что медиаконтент влияет на то, как люди думают о социальных явлениях, и позволяют предположить, что интерес к жанру «true crime» не делает представления о серийных преступниках более стереотипными, а, напротив, может приводить к формированию более сложного образа. Обнаруженная тенденция требует дальнейшей проверки на расширенной выборке, а результаты исследования могут быть использованы в работе педагогов-психологов при развитии у студентов критического мышления и медиаграмотности.

Литература

1. Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. – 1986. – № 1. – С. 95–101.

2. Дронова С. А. True crime: причины популярности, психологические аспекты и социальные последствия // Современные научные исследования: теория, методология, практика: сборник научных трудов по материалам IV Международной научно-практической конференции (Анапа, 17 марта 2025 г.). — Анапа: Иннова, 2025. — С. 31–39. — URL: https://innova-science.ru/wp-content/uploads/2025/03/sbornik-nauchnyh-trudov-17.03.2025-sni-4.pdf#page=31 (дата обращения: 08.05.2026).

3. Лабузная В. Ю. «Спектакль эшафота» в «обществе спектакля»: генезис жанра true crime в литературе и экранных искусствах // Артикульт. – 2019. – № 1 (33). – С. 88–94.

4. Шалагин А. Е., Хрусталева О. Н. Криминолого-психологические характеристики личности преступника: от теории к практике // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – Т. 11. – № 3 (41). – С. 329–337.

Связь эмоционального интеллекта и эмоционального выгорания у подростков-волонтеров

Борденюк М.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Луковцева З.В.

Сегодня, на фоне увеличения темпа жизни, растет число людей, испытывающих эмоциональные перегрузки и страдающих от эмоционального выгорания – состояния, характеризующегося физическим и психоэмоциональным истощением из-за длительных перегрузок на работе или в других сферах жизни (Ермакова Е.В., 2010). Это явление особенно актуально для волонтеров, чья деятельность часто сопряжена с высокой ответственностью и эмоциональным перенапряжением, что может повлечь за собой потерю мотивации и снижение эффективности.

Особое внимание следует уделить подросткам-волонтерам, которые из-за высокой эмоциональной чувствительности и недостаточной саморегуляции более уязвимы к стрессу и перегрузкам. Эмоциональный интеллект, включающий способность понимать свои и чужие эмоции и управлять ими, играет важную роль (Люсин Д.В., 2004). При высоком уровне эмоционального интеллекта подростки лучше осознают собственные переживания, понимают эмоции других и способны регулировать степень собственной вовлеченности, что снижает риск эмоционального выгорания. При недостаточном развитии эмоционального интеллекта стресс может усугубляться, что повышает вероятность выгорания. Однако важным является то, что данная связь не является однозначной. С учетом возрастных особенностей подростков и включенности в эмоционально насыщенную волонтерскую деятельность эмоциональный интеллект может выполнять не только защитную, но и уязвимую функцию: при недостаточной регуляции, высокий уровень эмоционального интеллекта может усилить эмоциональную вовлеченность и, как следствие, повысить риск выгорания.

Кроме того, состояние эмоционального выгорания у подростков повышает риск формирования девиантного поведения, включая агрессивные реакции, употребление алкоголя и суицидальные тенденции. Также, на фоне длительного эмоционального напряжения возрастает вероятность развития депрессии и других психических расстройств (Сорокина А.И., 2024).

Изучение связи эмоционального интеллекта и эмоционального выгорания у подростков-волонтеров, а также полученные результаты могут быть использованы для разработки программ профилактики эмоционального выгорания и тренингов по развитию эмоционального интеллекта у подростков-волонтеров разных направлений, а также для консультирования педагогов и кураторов волонтерских проектов и оптимизации распределения нагрузки с учетом специфики деятельности.

Целью данного исследования является определение характера связи эмоционального интеллекта и эмоционального выгорания у подростков-волонтеров.

Исследование проведено на базах волонтерского отряда «Открытое сердце» МБОУ «Гимназии №3», г. Октябрьский (подростки-волонтеры участники ежегодных проектов, направленных на социализацию детей с аутизмом и другими особенностями здоровья, обучение их бытовым навыкам и организацию разнообразных мероприятий) и волонтерского отряда «Первичное отделение Движения Первых» МБОУ СОШ №13 (подростки-зооволонтеры – помогают приютам: чистят и ремонтируют клетки, гуляют с собаками, готовят корм, помогают с устройством животных и т.д.). Общее количество респондентов 40 человек в возрасте от 13 до 17 лет, из них 20 человек подростки-волонтеры, работающие с детьми с ОВЗ, и 20 человек – подростки-зооволонтеры. У всех респондентов средний стаж волонтерской деятельности от 3-х лет, средняя частота участия в волонтерских инициативах 1 раз в неделю.

Исследование проводилось в 3 этапа. На первом этапе производилась комплектация выборки: поиск подходящих респондентов для проведения диагностики, знакомство с ними и введение в суть исследования. На втором этапе было осуществлено определение уровня эмоционального выгорания и эмоционального интеллекта у подростков-волонтеров, работающих с детьми с ОВЗ и подростков-зооволонтеров с помощью следующих методик: «Диагностика уровня эмоционального выгорания» (Бойко В.В., 1996), «Опросник профессионального выгорания Маслач, MBI» (Адаптация: Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., 2001), «Тест эмоционального интеллекта, ЭмИн» (Люсин Д.В., 2006). На третьем этапе производился анализ и интерпретация полученных данных. Для оценки статистической достоверности результатов была использована описательная статистика: одномерный критерий Колмогорова-Смирнова для оценки нормального распределения выборки, непараметрический критерий U Манна-Уитни и коэффициент корреляции Пирсона. Статистическая обработка

осуществлялась с помощью компьютерной программы IBM SPSS Statistics 16.0.

Согласно полученным результатам, связь между уровнем эмоционального интеллекта и степенью эмоционального выгорания у подростков-волонтеров носит обратный характер: подростки-волонтеры с более развитыми способностями к распознаванию, пониманию и регуляции как собственных, так и чужих эмоций более эффективно преодолевают эмоциональные нагрузки и стрессовые ситуации, что снижает у них риск формирования эмоционального выгорания в процессе волонтерской деятельности.

Уровень эмоционального интеллекта и его компонентов как у подростков-волонтеров, работающих с детьми с ОВЗ, так и у подростков-зооволонтеров находится на среднем уровне. Подростки-волонтеры в целом способны понимать и регулировать как собственные, так и чужие эмоции, однако эти навыки еще недостаточно сформированы и устойчивы.

По степени эмоционального выгорания преобладают низкие значения у подростков-зооволонтеров, а у подростков, работающих с детьми с ОВЗ, проявляется сохранность их эмоциональных ресурсов при одновременном формировании отдельных признаков выгорания, проявляющихся в снижении эмоциональной вовлеченности и неуверенности в собственной эффективности в процессе волонтерской деятельности. Подростки, работающие с детьми с ОВЗ, в большей степени подвержены отдельным проявлениям эмоционального выгорания по сравнению с подростками-зооволонетрами, что отражает более высокую эмоциональную нагрузку их деятельности.

Таким образом, можно рассматривать эмоциональный интеллект как важный фактор психологической устойчивости и значимый ресурс в профилактике эмоционального выгорания у подростков-волонтеров.

Литература

1. Ермакова Е.В. Изучение синдрома эмоционального выгорания как нарушения ценностно-смысловой сферы личности (теоретический аспект) // Культурно-историческая психология. – 2010. – № 6(1). – С. 27–39. – URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2010_n1/29159 (дата обращения: 10.02.2026).

2. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – Москва: Институт психологии РАН, 2004. – С. 29–36.

3. Сорокина А. И. Эмоциональное выгорание у подростков в период обучения в школе // Образование XXI века: Липецкий опыт в педагогике и образовании – наследие и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, 25 апреля 2024 года). – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – С. 129-133.

Личностная уязвимость, онлайн-активность и восприимчивость несовершеннолетних к манипулятивным техникам деструктивных Интернет-сообществ

Быкова С.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Делибалт В. В.

Понятие «деструктивные Интернет-сообщества» не имеет чётких границ ни в научной литературе, ни в нормативно-правовой базе РФ. В нашей работе под ними понимаются организованные группы (функционирующие как в виртуальном, так и в реальном пространстве), систематическая деятельность которых направлена на причинение психологического, физического или материального вреда личности, обществу или государственным устоям. Подобные сообщества применяют скрытые методы психологического воздействия, манипулятивные техники вовлечения, целенаправленно используя уязвимость несовершеннолетних – возрастную, когнитивную и эмоциональную.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании механизмов манипулятивного вовлечения несовершеннолетних в деструктивные сообщества в сети Интернет, а также выявлении взаимосвязи между личностной уязвимостью (переживанием одиночества), характером онлайн-активности и потенциальной восприимчивостью несовершеннолетних к манипулятивным техникам деструктивных Интернет-сообществ.

Ряд классификаций деструктивных групп имеют сильные стороны, но также и ряд ограничений. Классический подход, основанный на анализе идеологии (Калинин Л.А., 2007), позволяет понять глубинную природу группы, но не всегда отражает современные формы ее деятельности. Классификация по типу «маскировки» (Книжникова С.В., Кротенко А.А.,

2024), полезна для диагностики на этапе вербовки, но нивелирует различия в конечных целях воздействия на личность. В связи с этим на основе анализа работ Шарипова А.К., Низикова М.А., Шабалина К.В, Богданович Н.В. и Делибалт В.В., а также материалов по личностной кибервиктимности была разработана классификация деструктивных Интернет-сообществ по направленности деятельности, включающая семь типов: религиозные и эзотерические; аутодеструктивные (антивитальные); экстремистские, радикальные и террористические; деструктивные сообщества сексуальной направленности; сообщества агрессивной направленности в цифровой среде; деструктивные субкультуры и идеологии; сообщества криминальной и экономической направленности. Данная классификация описывает деструктивные сообщества как целостное явление, имеющее социально-правовые и психологические аспекты, учитывая, как традиционные, так и их новые цифровые формы.

Эмпирическое исследование проводилось на выборке несовершеннолетних (N=20) с использованием методик «Шкала одиночества UCLA» (адаптация Каширского Д.В., 2014) и «Опросник вовлеченности в киберсоциализацию» (Рубцова Н.Е., Леньков С.Л., Ефремова Г.И., 2019). Предполагалось, что существует взаимосвязь между уровнем субъективного переживания одиночества (как показателя личностной уязвимости) и характером вовлеченности несовершеннолетних в интернет-пространство, а именно: высокий уровень одиночества может сочетаться с высокой деструктивной онлайн вовлеченностью. Выборка была разделена на три группы в соответствии с нормативными показателями методики UCLA, отражающими степень выраженности субъективного ощущения одиночества: низкую, среднюю и высокую. Результаты показали, что 40% выборки имеют высокий, 35% – средний и 25% низкий уровень ощущения одиночества.

При анализе онлайн-активности по методике ОВКС были получены следующие данные. Конструктивная вовлеченность (использование интернета в развивающих, учебных и творческих целях) находится на низком уровне у 65% респондентов. Деструктивная же вовлеченность (склонность к рискованным формам онлайн-коммуникации, участию в агрессивных взаимодействиях, потреблению деструктивного контента) выражена на высоком уровне у 35% выборки, однако наибольшую деструктивную вовлеченность в киберсоциализацию проявила группа со средним уровнем субъективного ощущения одиночества. При этом цифровая компетентность – способность распознавать манипуляции, критически оценивать информацию и безопасно вести себя в сети – находится на низком уровне у абсолютного большинства (75% респондентов). Таким образом, сравнительный анализ

групп с разным уровнем одиночества не подтвердил прямую линейную зависимость. Это позволяет говорить о том, что ключевым фактором уязвимости выступает не столько само одиночество, сколько общий дефицит цифровой компетентности и навыков безопасного поведения в сети, который присутствует во всех группах, а также другие факторы риска, такие как повышенные внушаемость и конформность, некритичность мышления.

Исследование показало, что деструктивные Интернет-сообщества представляют собой многообразное и адаптивное явление. Предложенная в работе типология позволяет системно описывать угрозы с учётом современных цифровых форм вовлечения. Эмпирические данные опровергают упрощённое представление о прямой линейной связи между одиночеством и деструктивной вовлеченностью. Ключевым фактором уязвимости несовершеннолетних оказалась не сама по себе личностная изоляция, а тотальный дефицит цифровой компетентности (75% выборки) и низкая конструктивная активность в сети (65%). Практическая значимость работы заключается в обосновании необходимости смещения акцента в профилактике: с работы только с «одинокими» и «трудными» подростками на формирование цифровой компетентности и критического мышления у максимально широкой аудитории детей и подростков. Полученные результаты могут быть использованы специалистами из разных сфер для разработки мер по профилактике вовлечения подростков в деструктивные Интернет-сообщества.

Дальнейшее исследование личностной уязвимости, онлайн-активности и восприимчивости несовершеннолетних к манипулятивным техникам деструктивных Интернет-сообществ может способствовать пониманию того, какие именно факторы в наибольшей степени предсказывают успешность манипулятивного воздействия, а также на развитие каких навыков должен делаться акцент во время разработки профилактических программ для несовершеннолетних.

Литература

1. Калинин Л. А. К вопросу о типологизации деструктивных идеологий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2007. — № 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipologizatsii-destruktivnyh-ideologiy (дата обращения: 28.02.2026).

2. Каширский Д. В. Диагностика проявлений одиночества: адаптация опросника Д. Рассела, Л. Пипло и М. Фергюсона на российской выборке // Эмоциональные связи и отношения привязанности в замещающей семье :

сборник материалов Научно-методического краевого семинара для специалистов служб сопровождения замещающих родителей в Алтайском крае, Барнаул, 09–11 ноября 2012 года / под редакцией Н. В. Сабельниковой, Д. В. Каширского, Б. А. Сосновского. — Барнаул: Алтайская академия экономики и права (институт), 2014. — С. 159-163.

3. Книжникова С. В., Кротенко А. А. Вовлечение молодежи в деструктивные организации: представления студентов и ресурсы профилактики // Гуманитарные науки. — 2024. — № 2 (66). — С. 37-42.

4. Подросток в Интернете: методические рекомендации по оценке рисков отклоняющегося поведения в Интернете в рамках сети подростковых центров «Подростки России» / составители Н. В. Богданович, В. В. Делибалт, П. Д. Азыркин. — Москва: Федеральный центр развития программ социализации подростков: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. — 120 с.

5. Носова Е. С., Купчихина А.С., Гаврилова И.В. Деструктивные сообщества и профилактика вступления в них подростков // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов : в 2 ч. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. — Ч. II. — С. 248-252.

Связь проблемного использования интернета и типов киберагрессии у подростков

Ванюжина Д.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Богданович Н.В.

В современном интернет-пространстве подростки проводят значительную часть времени: более 80% – свыше 3 часов в день. Между тем, 86% подростков сталкивались с агрессией в Сети (Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В., 2020). Киберагрессия становится распространённой формой девиантного поведения, а проблемное использование интернета (ПИИ) – фактором риска. Вместе с тем, в научной литературе недостаточно изучена связь между типами киберагрессии (инициативными/ответными, импульсивными/произвольными), ПИИ и субъективным переживанием одиночества.

Цель исследования – выявление связи проблемного использования интернета и специфических типов киберагрессии у подростков.

Основная гипотеза: существует связь между ПИИ, типами киберагрессии и переживанием одиночества. Дополнительные гипотезы: (1) чем выше выраженность ПИИ, тем больше подросток склонен к различным типам киберагрессии; (2) подросткам с высоким уровнем одиночества в большей степени свойственна импульсивно-инициативная киберагрессия; (3) подростки, играющие в онлайн-игры, более склонны к импульсивно-ответным и произвольно-ответным типам киберагрессии.

Выборка: 95 подростков 12–17 лет (M≈15 лет), девочки – 66 (71%), мальчики – 27 (29%). Исследование индивидуальное.

Методики: опросник типологии киберагрессии (CATQ) в адаптации Антипиной С.С. (2021); шкала проблемного использования интернета (GPIUS3) Герасимовой А.А., Холмогоровой А.Б. (2018); шкала субъективного одиночества UCLA в адаптации Каширского Д.В. (2014); авторская анкета.

Статистическая обработка (SPSS): проверка нормальности (Колмогоров–Смирнов); корреляционный анализ (ρ Спирмена); сравнение двух групп (U-критерий Манна–Уитни) и трёх групп (H-критерий Крускала–Уоллиса).

Основная гипотеза подтверждена. Выявлены статистически значимые связи между ПИИ, типами киберагрессии и одиночеством. Наиболее тесная связь – между негативными переживаниями при одиночестве и импульсивно-инициативной киберагрессией ($\rho=–0{,}480$, $p<0{,}001$). Коэффициент корреляции со знаком минус, так как в опроснике типологии киберагрессии (CATQ) в адаптации Антипиной С.С. (2021) бóльшее значение по шкале означает меньшую степень проявления агрессии.

Первая дополнительная гипотеза подтвердилась частично: ПИИ связано только с ответными формами – импульсивно-ответной ($\rho=–0{,}271$, $p<0{,}01$) и произвольно-ответной ($\rho=–0{,}208$, $p<0{,}05$). С инициативными формами значимой корреляции не обнаружено. Коэффициент корреляции со знаком минус, так как в опроснике типологии киберагрессии (CATQ) в адаптации Антипиной С.С. (2021) бóльшее значение по шкале означает меньшую степень проявления агрессии.

Вторая дополнительная гипотеза подтверждена полностью. Подростки с высоким уровнем одиночества (верхний квартиль) имеют более высокие показатели всех типов киберагрессии, включая импульсивно-инициативную ($p<0{,}01$ по U-критерию).

Третья дополнительная гипотеза не подтвердилась. Постоянная игра в онлайн-игры связана не с ответными, а с инициативными типами киберагрессии – произвольно-инициативной и импульсивно-инициативной

($p<0,01$ по H-критерию). Значимых различий по произвольно-ответной агрессии не обнаружено.

Проблемное использование интернета у подростков сопряжено преимущественно с реактивными (ответными) формами киберагрессии, что указывает на значимость дефицита саморегуляции. Высокое переживание одиночества усиливает все типы киберагрессии, особенно импульсивно-инициативный, и сопровождается ростом ПИИ, предпочтения онлайн-общения и когнитивной поглощённости. Вопреки ожиданиям, участие в онлайн-играх связано с проактивной, а не реактивной агрессией, что требует особого внимания в профилактической работе.

Литература

1. Антипина С.С. Опросник «типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики // СибСкрипт. – 2021. – № 1 (85). – С. 113–122.
2. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования Интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26. № 3. – С. 56–79.
3. Каширский Д.В. Диагностика проявлений одиночества: адаптация опросника Д. Рассела, Л. Пепло и М. Фергюсона на российской выборке // Эмоциональные связи и отношения привязанности в замещающей семье / под ред. Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширского, Б.А. Сосновского. – Барнаул: Издательство Алтайской академии экономики и права, 2014. – С. 159–163.
4. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 2. – С. 3–21.

Стресс, неопределённость и дезадаптация как взаимосвязанные феномены в подростковом возрасте: комплексный анализ

Ветров В.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Чиркина Р.В.

В данной работе рассмотрена проблематика разработки научно обоснованных методов профилактики и коррекции состояний стресса, неопределённости и дезадаптации у подростков. Высока востребованность в

создании программ психологической поддержки, учитывающих современные социальные реалии (включая цифровую среду), и в формировании рекомендаций для педагогов, психологов и родителей по работе с подростками, переживающими кризисные периоды. Можно предположить, что стресс, неопределённость и дезадаптация у подростков вне дома образуют взаимосвязанную систему, где стресс выступает пусковым механизмом, активирующим напряжение при столкновении с требованиями среды, а неопределённость усиливает стресс, лишая подростка возможности прогнозировать будущее и контролировать ситуацию.

Ключевой проблемой нашего исследования выступает взаимосвязь трёх феноменов – стресса, неопределённости и дезадаптации, – формирующих замкнутый цикл нарушений социализации. Стресс, вызванный внешними факторами (давление сверстников, школьные требования, угроза безопасности), усиливается состоянием неопределённости (дефицит информации, непредсказуемость будущего, неконтролируемость ситуации). Это приводит к фрустрации базовых потребностей (в безопасности, принадлежности, уважении, самоактуализации), что, в свою очередь, провоцирует дезадаптацию. Последняя может проявляться как в эмоциональных (тревога, депрессия), поведенческих (агрессия, прогулы, уход из дома), так и когнитивных нарушениях (пессимизм, снижение концентрации).

Методологические основы исследования обеспечивают целостное понимание механизмов взаимосвязи стресса, неопределённости и дезадаптации у подростков, учитывают возрастные, социальные и цифровые аспекты проблемы, а также создают теоретическую платформу для разработки практических рекомендаций по поддержке подростков в кризисных ситуациях. Основополагающими здесь являются культурно-историческая теория Л.С. Выготского, подчёркивающая роль социальной среды и «зоны ближайшего развития» в формировании психологических новообразований подросткового возраста, теория привязанности Дж. Боулби, объясняющая, как нарушение значимых отношений (семья, друзья) усиливает стресс и дезадаптацию, а также исследования копинг-поведения (Лазарус Р., Фолкман С.), позволяющие анализировать стратегии совладания подростков со стрессом и неопределённостью. Подростковый период, характеризующийся интенсивными физиологическими и психологическими трансформациями, особенно чувствителен к внешним воздействиям. Выпадение из привычной среды (смена школы, переезд, семейные кризисы, социальная изоляция) запускает каскад реакций, где стресс выступает первичным пусковым механизмом.

Опираясь на теорию общего адаптационного синдрома Г. Селье, удалось проследить динамику стрессовых реакций: от фазы тревоги к фазе резистентности и, при длительном воздействии негативных факторов, к фазе истощения, ведущей к дезадаптации.

В связи с актуальным контекстом, связанным с военными событиями, затронувшими многие семьи, нам представляется важной задачей прикладных исследований дать основания для разработки эффективных программ и подходов к укреплению ресурсов личности подростков в ситуациях стресса и неопределенности.

Литература

1. Джелиева З.Т., Быдтаева Э.Л., Зураева А.М. Психология стресса: учебно-методическое пособие: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова». – Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова: ИП Цопанова А.Ю., 2024. – 60 с.

2. Каверин С.Н. Семейное неблагополучие как один из основных факторов девиантного поведения детей и подростков // Концептуальные и прикладные аспекты социальной работы с семьей и детьми в полиэтнической среде: Сб. материалов Научно-практической конференции. – Саранск. – 2013. – С. 75.

3. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. – Москва: Наука, 2015. – 115 с.

4. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс: физиологические и психологические реакции: медицинские, индустриальные и военные последствия стресса: [труды Международного симпозиума, Стокгольм, 5–6 февраля 1965 г.] / под редакцией Л. Леви, В. Н. Мясищева. — Ленинград: Медицина, Ленинградское отделение, 1970. — С. 178–208.

5. Харланова Е.М., Черникова Е.Г., Лукичева Е.А., Пташко Т.Г. Вовлеченность подростков цифрового поколения в субкультурные сообщества // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11. – № 5. — URL: https://mir-nauki.com/PDF/16PDMN523.pdf (дата обращения: 08.05.2026).

Интегративная модель морального сознания дошкольников

Гамова Д.Д.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Делибалт В.В.

Изучение морального развития в дошкольном возрасте занимает особое место в психологии: именно в период с 3 до 7 лет закладываются базовые механизмы оценки собственных и чужих действий, формируются первичные нормативные представления, складывается способность к эмоциональной регуляции в ситуациях морального выбора. Вместе с тем, систематических исследований, которые бы комплексно охватывали когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты морального сознания недостаточно. Существующие теоретические рамки – стадиальные модели Ж. Пиаже, Л. Кольберга, доменная теория Э. Тюриэля, интегративные подходы последних десятилетий – до сих пор не были сведены в единую, эмпирически верифицированную структуру с указанием относительного веса каждого компонента.

Цель – представить интегративную модель морального сознания дошкольников на основе системного анализа ключевых исследований 1970–2024 годов, структурировать основные факторы и охарактеризовать величину их эффектов.

Мы видим, как динамика теоретических представлений о формировании социальных норм и развитии морального сознания в дошкольном возрасте характеризуется устойчивым переходом от стадиальных парадигм к доменно-специфическим (Turiel E., 1983; Smetana N., 1981) и интегративным моделям последних десятилетий. Параллельно с доменным направлением развивалось изучение роли интенциональности в моральных суждениях (Van de Vondervoort J. W., Hamlin J. K.), саморегуляции как исполнительного звена (Schütz A., Koglin U., 2023), моральных эмоций (Malti T., Krettenauer T., 2013) и социокультурного контекста (Chernyak, Sobel, 2016; Hawley, Geldhof, 2012). Именно конвергенция этих линий задает интегративную перспективу, реализованную в предлагаемой модели морального сознания дошкольников, в основу которой положен анализ 14 ключевых работ, опубликованных в период 1970–2024 годов. Исследования отбирались по критериям: (1) наличие эмпирических данных на дошкольной или смежной выборке, (2) тематическая релевантность одному или нескольким конструктам модели, (3) публикация в рецензируемых изданиях или в форме мета-анализа.

На основании представленного обзора предлагается шестиуровневая

иерархическая модель морального сознания дошкольников. Каждый уровень описывает относительно самостоятельный психологический конструкт, вносящий вклад в итоговое нравственное действие. Уровни связаны по принципу иерархической интеграции: каждый последующий опирается на предыдущий, тогда как изолированная активация любого из компонентов не обеспечивает перехода к реальному просоциальному поведению. Уровни: структурное различение норм (крупный $g > 1.0$), понимание намерений (умеренный $g > 0.6$), моральные эмоции (умеренный $r = 0.28$), саморегуляцию (малый, значимый $r = 0.19$), социальный контекст (контекстуальная модерация) и реальные поступки. Для каждого уровня приведены количественные показатели величины эффекта. Центральный тезис модели состоит в следующем: нравственное действие является результирующей одновременной работы всех шести уровней. Недостаточность любого из них – будь то слабость ингибиторного контроля, дефицит моральных эмоций или деструктивный социальный контекст – нарушает цепочку и блокирует переход от морального знания к нравственному поступку.

Выводы. Переход от стадиальных к интегративным моделям фиксирует принципиальный сдвиг в понимании дошкольника – от пассивного освоителя правил к активному субъекту, конструирующему моральные значения в социальном взаимодействии;

Количественные данные мета-анализов ($g > 1.0$ для различения доменов; $r \approx 0.28$ для моральных эмоций; $r \approx 0.19$ для саморегуляции) позволяют ранжировать уровни модели по величине их эффекта, что открывает возможности для точечной диагностики и коррекции (Malti T., Krettenauer T., 2013; Schütz A., Koglin U., 2023; Yoo H. N.,Smetana J. G., 2022).

Предложенная модель создает концептуальную рамку для комплексных эмпирических исследований, совмещающих ситуации реального и гипотетического морального выбора с использованием взаимодополняющих методик.

Литература

1. Chernyak N., Sobel D. M. Equal but not always fair: Value-laden sharing in preschoolers // Developmental Psychology. – 2016. – Vol. 52. – № 7. – P. 1060–1070.

2. Hawley P. H., Geldhof G. J. Preschoolers' social dominance, moral cognition, and moral behavior // Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology. – 2012. – Vol. 6. – №. 2. – P. 197–213.

3. Malti T., Krettenauer T. The relation of moral emotion attributions to prosocial and antisocial behavior: a meta-analysis // Psychological Bulletin. – 2013. – Vol. 139. – № 2. – P. 332–352.

4. Schütz A., Koglin U. Self-regulation and morality in preschool and elementary school children: a meta-analysis // Applied Research in Quality of Life. — 2023. — Vol. 18, iss. 5. — P. 2577–2598. — DOI 10.1007/s11482-023-10196-8.
5. Smetana J. G. Preschool children's conceptions of moral and social rules // Child Development. – 1981. – Vol. 52. – P. 1333–1336.
6. Turiel, E. The development of social knowledge: morality and convention. — Cambridge : Cambridge University Press, 1983. — 252 p.
7. Van de Vondervoort J. W., Hamlin J. K. Preschoolers Focus on Others' Intentions When Forming Sociomoral Judgments // Frontiers in Psychology. — 2018. — Vol. 9. — Article 1851. — DOI 10.3389/fpsyg.2018.01851.
8. Xie W., Pei F., Su Y. «Favoring my playmate seems fair»: Inhibitory control and theory of mind in preschoolers' self-disadvantaging behaviors // Journal of Experimental Child Psychology. – 2019. – Vol. 184. – P. 158–173.
9. Yoo H. N., Smetana J. G. Distinctions between moral and conventional judgments from early to middle childhood: A meta-analysis of social domain theory research // Developmental Psychology. – 2022. – Vol. 58. – № 5. – P. 874–889. – DOI: 10.1037/dev0001330.

Стиль взаимодействия специалиста с семьями группы риска социального сиротства: семьесберегающий подход

Ермолаева Т.Н.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Гарифулина Э.Ш.

Приоритет сохранения для ребенка кровной семьи — ключевой ориентир семейной политики Российской Федерации. Семьесбережение понимается как комплексная мера помощи кризисным семьям, включающая раннее выявление проблем и вовлечение семьи в активное восстановление, где она становится активным участником, а не пассивным получателем помощи (Слабжанин Н.Ю., 2026). Однако Всероссийская инспекция (2025) зафиксировала доминирование контролирующе-обвинительной парадигмы, снижающей доверие к органам профилактики. Более 190 тысяч детей в России находятся в группе риска социального сиротства (Латухина К., 2025), связанного с уязвимостью ребенка, пролонгированным стрессом и разрушительным воздействием на психику (Гарифулина Э.Ш., 2024). Актуализируется поиск научно обоснованных критериев стиля взаимодействия специалиста с родителями.

Целью нашего исследования стало выявление и теоретическое обоснование роли стиля взаимодействия специалиста с родителями из семей группы риска социального сиротства как фактора, опосредованно определяющего психологическое благополучие детей и родителей в контексте семьесберегающего подхода.

Исследование базируется на интеграции нескольких взаимодополняющих теоретических подходов. Центральное место занимает системно-субъектный подход (Сергиенко Е.А., 2011), развивающий идеи субъектно-деятельностного направления, основы которого были заложены С.Л. Рубинштейном. В рамках данного подхода человек рассматривается как активный «деятель» собственного бытия. Ключевая формула С.Л. Рубинштейна «внешнее через внутреннее» означает, что любые внешние условия преломляются через внутренний мир человека и лишь затем детерминируют его поведение. В соответствии с данным подходом, сопровождение семьи предполагает не директивное воздействие, а создание условий для актуализации внутренних ресурсов родителя. Такое понимание опирается на представление о постепенном формировании субъектности, обоснованное Л.И. Божович. Следуя этой логике, даже родитель, находящийся в глубоком кризисе, обладает потенциальной субъектностью, которая может быть раскрыта при определенных условиях взаимодействия.

Согласно экосистемной теории У. Бронфенбреннера, семья функционирует в многоуровневой системе сред. Специалист, взаимодействуя с родителем, воздействует на мезо- и экзоуровне, что опосредованно влияет на благополучие ребенка. Концепция жизнеспособности семьи (Махнач А.В., 2024) дополняет эту рамку: жизнеспособность трактуется как динамическая мобилизация ресурсов, позволяющая семье не только выдерживать кризисы, но и достигать нового уровня функционирования. Ключевой механизм её повышения — переход от объектной позиции к субъектной. Следовательно, задача специалиста заключается не в «спасении» семьи, а в содействии занятию ею активной субъектной позиции в многоуровневой системе социальных сред.

Зарубежные систематические обзоры профессионально значимых качеств специалистов свидетельствуют о том, что эффективность сопровождения семьи определяется в значительной степени способностью профессионала гибко переключаться между различными стилями взаимодействия в зависимости от степени социального риска (dos Santos R. et al., 2024).

В результате теоретического исследования была предложена четырёхкомпонентная типология стилей взаимодействия. В

рамках семьесберегающего подхода представляется возможным обосновать иерархию этих стилей.

Субъект-субъектный (партнёрский) стиль является наиболее выраженным: специалист и родитель выступают как равноправные участники диалога, взаимодействие строится на уважении, эмпатии и поддержке автономии. Данный стиль создаёт благоприятные условия для развития субъектности родителя и укрепления жизнеспособности семьи.

Субъект-объектный (директивный) стиль может применяться, но только в ситуациях острого риска для безопасности ребёнка и исключительно в рамках общего партнёрского контекста.

Что касается объект-субъектного (либерального, пассивная позиция специалиста) и объект-объектного (формального, без личностной включённости) стилей, то они не входят в оптимальную модель взаимодействия с семьёй группы риска, поскольку не выполняют стресс-протективной функции в достаточной мере.

Профессиональную гибкость можно рассматривать как мета-компетенцию, включающую три компонента: партнёрское ядро (сохранение субъект-субъектной ориентации в качестве доминанты), репертуарную гибкость (владение диапазоном от эмпатийного слушания до директивного структурирования) и ситуативную рефлексивность (осознанный выбор стиля, его оценку и при необходимости коррекцию). Напротив, ригидное следование любому из стилей может снижать эффективность сопровождения.

Предлагаемая модель опосредованного влияния исходит из того, что центральным механизмом выступает развитие субъектности родителя как основы жизнеспособности семьи. Логика модели может быть представлена следующей формулой: «партнёрский стиль взаимодействия с семьей → развитие субъектности родителя → повышение его психологического благополучия и жизнестойкости → улучшение благополучия и безопасности ребёнка».

В работе предложена система из пяти групп параметров оценки коммуникации. Первая — партнёрская позиция (признание субъектности, совместное целеполагание, эмпатия, уважение автономии). Вторая — директивные элементы (допустимы только при высоком риске и в партнёрском контексте). Третья — отсутствие либеральных и формальных элементов. Четвёртая — профессиональная гибкость (осознанность выбора, широта репертуара, адекватность переключения). Пятая — интегральные характеристики (доверие, мотивация семьи, развитие субъектности родителя, стабильность).

Таким образом, эффективность сопровождения семей группы риска социального сиротства связана не столько с исключительным использованием партнёрского стиля, сколько с профессиональной гибкостью специалиста при сохранении партнёрской доминанты. Развитие субъектности родителя, по-видимому, выступает ключевым механизмом, опосредующим влияние стиля взаимодействия на благополучие ребёнка. Полученные результаты могут служить основой для разработки диагностического инструментария и программ повышения квалификации в области семьесбережения.

Литература

1. Латухина К. Владимир Путин обсудил с детским омбудсменом проблему социального сиротства // Российская газета. — 2025. — Федеральный выпуск № 120 (9659), 2 июня. — URL: https://rg.ru/2025/06/02/spasti-semiu.html (дата обращения: 06.05.2026).
2. Махнач А.В. Роль семьи в формировании жизнеспособности человека // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2024. — № 4 (119). — С. 27–35.
3. Сергиенко Е.А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода: монография. — Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2021. — 278 с.
4. Слабжанин Н.Ю. Традиционные ценности как основа политики семьесбережения // Проблемы социальной психологии и социальной работы: материалы XXI Всероссийской Парыгинской научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 10 апреля 2026 г.) — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2026. — С. 30–31.
5. Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка. Специальный доклад «Об итогах Всероссийской инспекции системы профилактики социального сиротства». — 2025. — URL: https://deti.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-384-src-1751456013.5221.pdf (дата обращения: 06.05.2026).
6. Dos Santos R. A., Isakov B., Martins C., Pereira Antunes A., Zegarac N., Nunes C. Professional Skills in Family Support: A Systematic Review // Social Sciences. — 2024. — Vol. 13, No. 3. — Art. 176. — DOI 10.3390/socsci13030176. — URL: https://www.mdpi.com/2076-0760/13/3/176 (дата обращения: 06.05.2026).

Связь личностных особенностей и самопрезентации у подростков в онлайн-среде

Заика В.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Гурина О.Д.

В современных условиях цифровая среда становится важным пространством социализации подростков, где они не только общаются, но и конструируют образ собственного Я. Самопрезентация в социальных сетях приобретает особое значение, поскольку позволяет подростку управлять впечатлением о себе, выбирать степень открытости, демонстрировать желаемые качества и выстраивать определенный стиль взаимодействия с окружающими. При этом онлайн-среда создает дополнительные возможности для эксперимента с идентичностью, а также для искажения реального образа личности (Белинская Е.П., 2013).

Подростковый возраст является периодом активного формирования самосознания, самоотношения и личностной идентичности. В этот период особенно значимыми становятся признание сверстников, оценка со стороны значимых других и возможность проверки различных моделей поведения (Собчик Л.Н., 2005). Именно поэтому самопрезентация в интернет-пространстве может рассматриваться как показатель личностных особенностей подростка, его самооценки, самоуважения, уровня самопонимания и социальной адаптации. Виртуальная среда в этом смысле становится не только каналом общения, но и пространством проявления внутренних психологических тенденций.

Проведенный в работе анализ литературы показал, что самопрезентация подростков в социальных сетях может быть условно разделена на более реалистичную и более искаженную. Реалистичная самопрезентация связана с принятием себя, устойчивым самоотношением и стремлением демонстрировать подлинные качества личности. Напротив, фальшивая или чрезмерно приукрашенная самопрезентация чаще сочетается с внутренней неуверенностью, сниженным самоуважением и стремлением компенсировать дефициты в реальном образе Я за счет виртуального образа. Таким образом, выбор стратегии самопредъявления отражает не только особенности поведения подростка в сети, но и его личностную структуру в целом (Michikyan M., 2014).

Особое значение в данном контексте приобретает социальный самоконтроль как способность регулировать собственное поведение в зависимости от ситуации и ожидаемой реакции окружающих. Высокий уровень социального самоконтроля может способствовать более гибкой и продуманной самопрезентации, тогда как его недостаточность нередко связана с импульсивностью, противоречивостью образа себя и нестабильностью коммуникации. В подростковом возрасте это может усиливать риски неадекватного представления себя в сети, зависимости от внешней оценки и подмены реального Я виртуальным образом (Snyder M., 1974).

Таким образом, самопрезентация подростков в онлайн-среде может рассматриваться как диагностически значимый феномен, отражающий их личностные особенности, особенности самоотношения и уровень самоконтроля. Изучение данной проблемы имеет как теоретическое, так и практическое значение, поскольку позволяет глубже понять механизмы формирования виртуального образа Я и определить направления психологической помощи подросткам. Полученные в рамках исследования данные могут быть использованы в профилактической и консультативной работе, направленной на развитие более осознанной, реалистичной и безопасной самопрезентации в цифровой среде (Бовина И.Б., 2022; Знаков В.В., 2005).

Литература

1. Белинская Е.П. Психология Интернет-коммуникации: учеб. пособие. – Москва: МПСУ, 2013. – 192 с.
2. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. – Москва: Институт психологии РАН, 2005. – 448 с.
3. Отклоняющееся онлайн-поведение подростков и молодых взрослых в социальных сетях / Учебное пособие под. ред. Дворянчикова Н.В. и Рубцовой О.В. – Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. – 100 с.
4. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. – Санкт-Петербург: Речь, 2005. – 624 с.
5. Michikyan M., Dennis J., Subrahmanyam K. Can you tell who I am? Neuroticism, extraversion, and online self-presentation among young adults // Computers in Human Behavior. – 2014. – Vol. 33. – P. 179–183.
6. Snyder M. Self-monitoring of expressive behavior // Journal of Personality and Social Psychology. – 1974. – Vol. 30. – № 4. – P. 526–537.

Проектирование жизненной перспективы у подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации

Золотопупова Е.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Луковцева З.В.

Старший подростковый возраст (15-17 лет) является сензитивным периодом для становления временной перспективы и личностного самоопределения (Божович Л.И., 2008; Эриксон Э., 2006). Особую уязвимость демонстрируют подростки, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации (ТЖС), в частности пережившие травматический опыт или находящиеся в условиях социальной депривации (Прихожан А.М., Толстых Н.Н., 2005). Проблема заключается в том, что, несмотря на общие неблагоприятные условия, часть подростков сохраняет способность к осознанному проектированию будущего, а часть – нет. Необходимо выделить типологические особенности этого процесса для дифференцированного психологического сопровождения подростков.

Были выдвинуты следующие гипотезы: специфическими характеристиками конструктивного типа проектирования жизненной перспективы у подростков в ТЖС являются субъектность, проявление интереса к жизни и наличие внутренних ресурсов, а деструктивного типа – негативное отношение к настоящему, отсутствие конкретных планов и преобладание ситуативных желаний.

В ходе исследования был использован комплекс диагностических методик: опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (адаптация А. Сырцовой с соавт.), тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, опросник структуры субъектности подростка (адаптация Е.Н. Волковой, И.А. Серегиной), проективная методика «Незаконченные предложения» (модификация для исследования образа будущего). Статистическая обработка проводилась с применением U-критерия Манна-Уитни и корреляционного анализа Спирмена в программе SPSS.

В исследовании приняли участие 36 подростков в возрасте 15–17 лет (средний возраст 15,9 лет; 47% юношей, 53% девушек), находящихся в социально-реабилитационных центрах. Все испытуемые были отнесены к категории «временно оставшихся без попечения родителей» в связи с эвакуацией из зон боевых действий (приграничных территорий).

Жизненная перспектива трактуется как интегративная система представлений о будущем, включающая цели и ценностные ориентации (Абульханова-Славская К.А., 1991; Головаха Е.И., Кроник А.А., 2008). В условиях ТЖС возникают ее деформации: сужение временного горизонта, катастрофизация будущего, дефицитарность образов (Кузнецова О.В., 2007; Колупаева А.С., 2019). Ключевым механизмом деформации выступает экстернальный локус контроля и «выученная беспомощность» (Селигман М.Э.П., 2017). На основе теоретического анализа выделены два полярных типа проектирования жизненных перспектив: конструктивный (интернальность, наличие конкретных цели) и деструктивный (экстернальность, преобладание ситуативных желаний).

На основе трех критериев (локус контроля, наличие конкретных целей и образцов для подражания) в исследовании были выделены две группы подростков: конструктивный тип (13 чел.) и деструктивный тип (23 чел.). В ходе исследования было выявлено, что подростки конструктивного типа демонстрируют более высокие показатели по параметрам осмысленности целей ($p \leq 0,01$), удовлетворенности процессом жизни ($p \leq 0,01$) и ее результативностью ($p \leq 0,01$), интернального локуса контроля ($p \leq 0,01$), активности ($p \leq 0,05$) и конкретности планов ($p \leq 0,05$). Деструктивный тип характеризуется преобладанием ситуативных желаний ($p \leq 0,05$) при сниженных показателях по всем перечисленным параметрам. При этом по общему показателю осмысленности жизни и ориентации на будущее значимых различий не выявлено ($p > 0,05$), что указывает на сохранность декларативного уровня при дефиците инструментального.

Также было выявлено, что позитивное прошлое положительно связано с целями и локусом контроля ($p \leq 0,05$), выступая ресурсным фактором для подростков, в то время как негативное прошлое блокирует полноценное и осмысленное проектирование собственного будущего.

Из этого вытекает, что конструктивный тип проектирования будущего – это подростки, сохранившие внутреннюю опору: они верят в свою способность влиять на жизнь, ставят конкретные цели, получают удовлетворение от настоящего и используют прошлое как ресурс. Даже в условиях ТЖС они остаются субъектами собственной жизни. У подростков с деструктивным типом трудная жизненная ситуация заблокировала проявления активной позиции: они ощущают себя объектом обстоятельств, их настоящее эмоционально обеднено, прошлое травматично фиксировано, а желания сиюминутны. Декларируя важность будущего, они не обладают практическими механизмами его достижения.

Таким образом, первая гипотеза подтвердилась полностью: конструктивный тип проектирования жизненной перспективы характеризуется субъектностью, интересом к жизни и наличием внутренних ресурсов. Вторая гипотеза нашла свое частичное подтверждение: деструктивный тип отличается отсутствием конкретных планов и ситуативными желаниями, но не выраженным негативным отношением к настоящему, а скорее его эмоциональной обедненностью. Полученные результаты обосновывают необходимость дифференцированного психолого-педагогического сопровождения подростков: для конструктивного типа – поддерживающие и развивающие методы, для деструктивного типа – коррекционные программы, направленные на формирование интернальности. навыков целеполагания и снижение фиксации на негативном прошлом.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – Москва: Мысль, 1991. – 299 с.

2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 400 с.

3. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. 2-е изд. – Москва: Смысл, 2008. – 267 с.

4. Колупаева А.С. Исследование жизнестойкости и тревожности подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 30 августа 2019 года. — Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. — С. 120–122.

5. Кузнецова О.В. Роль временной перспективы в личностном и профессиональном самоопределении подростков // Психологическая наука и образование. — 2007. — № 3. — С. 5–15.

6. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 400 с.

7. Селигман М. Как научиться оптимизму: Измените взгляд на мир и свою жизнь; перевод с английского В. Ионова. — Москва: Альпина Паблишер, 2017. — 338 с.

8. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис : учебное пособие; перевод с английского А. Д. Андреевой [и др.] ; общая редакция и предисловие А. В. Толстых. — 2-е изд. — Москва : Флинта : МПСИ, 2006. — 342 с.

Особенности субъектности и правосознания у подростков с разной степенью кибервиктимности

Иванова В.Е.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Богданович Н.В.

На данный момент, в условиях стремительной и повсеместной цифровизации общества, отмечается переход многих форм девиантного поведения в виртуальную среду, что увеличивает количество рисков в киберпространстве. Современные подростки являются одними из наиболее активных пользователей Интернета и становятся уязвимой группой перед вредоносными воздействиями сети в силу биологических и социально-психологических возрастных факторов (Батеева А.А., 2024). Так, по сообщению УБК МВД РФ, количество несовершеннолетних, пострадавших от киберпреступлений, выросло на 120% за 2025 год. Рассмотрение субъектности и правосознания как характеристик личности, активно развивающихся в подростковом возрасте и регулирующих активность человека в жизни и в правовой сфере, может дать представление о факторах, снижающих кибервиктимность.

Под кибервиктимностью понимается совокупность социально-психологических и поведенческих факторов, обусловливающих возможность и вероятность становления лица жертвой агрессии и противоправного воздействия в цифровой среде (Жмуров Д.В., 2023). Субъектность определяется как интегративное свойство личности, определяющее ее способность выступать активным деятелем, осознанно регулирующим свои отношения с миром и самим собой. Наиболее часто данное понятие раскрывается через такие его компоненты, как активность, саморегуляция, рефлексивность, ответственность, интернальный контроль, осознанность и социальная интеграция (Волкова Е.Н., 1992; Исаков М.В., 2008). Правосознание раскрывается в качестве сферы общественного сознания, которая отражает правовую действительность в форме юридических знаний и умений ими пользоваться, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в правозначащих ситуациях (Гулевич О.А., 2003).

В настоящее время совместный анализ, исследующий особенности субъектности и правосознания в зависимости от степени кибервиктимности подростков, остается недостаточно представленным в научной литературе.

Так, нами было проведено исследование, целью которого было определение особенностей субъектности и правосознания у подростков с разной степенью кибервиктимности.

Гипотезами исследования стали следующие предположения:

Подростки с высокой степенью кибервиктимности имеют более низкий уровень субъектности и правосознания, чем подростки со средней степенью кибервиктимности.

Существует прямая связь между уровнем субъектности и уровнем правосознания у лиц подросткового возраста, а также обратная связь между данными феноменами и кибервиктимностью.

Выборку исследования составили 84 респондента в возрасте от 11 до 14 лет (средний возраст - 13 лет). Среди них 36 представителей мужского пола (43%) и 48 женского пола (57%). Для осуществления сравнения была сформирована группа со средней степенью кибервиктимности (42 респондента) и группа с высокой степенью кибервиктимности (42 респондента).

В ходе проведения исследования были использованы следующие методы и методики: «Шкала кибервиктимизации» Д.В. Жмурова; «Уровень развития субъектности личности» М.А. Щукиной; «Тест правового и гражданского сознания» Л.А. Ясюковой; «Тест правового развития» Дж. Тапп и Ф. Левина; качественный анализ ответов респондентов на смоделированные правозначащие ситуации.

По результатам исследования были выявлены значимые различия между подростками со средней и с высокой степенью кибервиктимности по общему показателю субъектности ($U=430$, $p<0,01$), а также по таким шкалам, отражающим компоненты субъектности, как «Автономия» ($U=537$, $p<0,01$), «Целостность» ($U=275$, $p<0,01$) и «Опосредованность» ($U=422$, $p<0,01$). Так, можно говорить о том, что подросткам со средней степенью кибервиктимности свойственен более высокий уровень субъектности, что позволяет им осознанно регулировать свою онлайн-активность, активно преобразовывать себя и среду, включая цифровое пространство. Становится возможным предположить, что им присуща готовность самостоятельно определять отношения и действия в Сети, ответственно относиться к их последствиям и правилам кибербезопасности, прогнозировать риски, а также быть более включенными в социальный контекст, не теряя собственных границ и уважая чужие. Соответственно, подросткам с высокой степенью кибервиктимности свойственен более низкий уровень субъектности, что может проявляться в пассивности в отношении внешних обстоятельств, внушаемости, самонадеянности, сниженной способности к саморегуляции, а

также в социальной дезинтеграции, что может приводить к чувству одиночества или к провоцирующему поведению.

Также в зависимости от степени кибервиктимности были выявлены значимые различия в показателях правосознания ($U=474$, $p<0,01$) и уровне правовых знаний ($U=557$, $p<0,05$). Из этого может следовать то, что подростки с высокой степенью кибервиктимности по сравнению с подростками со средней степенью, обладают менее развитым правосознанием. Это может раскрываться в незнании или игнорировании правовых прав и норм, неспособности определить границы правомерного и противоправного поведения, а также оценить правовую сторону онлайн-рисков, их последствия и возможные способы адаптивного противодействия.

Вместе с этим кибервиктимность в подростковом возрасте показала значимые обратные корреляционные связи с субъектностью ($r=-0,486$, $p=<0,001$) и правосознанием ($r=-0,462$, $p=<0,001$). Значимых связей между субъектностью и правосознанием выявлено не было.

Таким образом, в ходе исследования была подтверждена гипотеза о том, что подростки с высокой степенью кибервиктимности имеют более низкий уровень субъектности и правосознания, чем подростки со средней степенью кибервиктимности. Вторая гипотеза о наличии связей между исследуемыми феноменами получила частичное подтверждение, показав обратные связи кибервиктимности с субъектностью и правосознанием.

Литература

1. Батеева А. А. Кибервиктимизация как проблема безопасности детей и подростков в современном социуме // Психология и право. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 112–125.
2. Волкова Е. Н. Субъектность как интегративное свойство личности педагога : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Волкова Елена Николаевна ; Психологический институт РАО. — Москва, 1992. — 205 с.
3. Гулевич О.А., Голынчик Е.О. Правосознание и правовая социализация: (аналитический обзор): учеб. пособие для вузов. – Москва: Международное общество им. Л. С. Выготского, 2003. – 273 с.
4. Жмуров Д. В. Кибервиктимология. – Москва: Издательство Юрлитинформ, 2023. – 296 с.
5. Исаков М. В. Показатели и структура субъектности: на материале становления профессиональной субъектности у студентов вузов : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Исаков Максим Владимирович ; Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). — Москва, 2008. — 242 с.

Склонность к аддиктивному поведению у подростков из семей с алкогольной зависимостью

Киселева Д.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

Аддиктивное поведение представляет собой сложную и многогранную форму девиантного поведения, характеризующуюся навязчивым стремлением к определенной деятельности или употреблению веществ, с целью изменения своего психического состояния. Эта проблема приобретает все большую актуальность в современном мире, оказывая значительное влияние на здоровье, социальное благополучие и экономическую стабильность как отдельных людей, так и общества в целом. В связи с этим, исследования в области аддиктивного поведения проводятся как в отечественной, так и в зарубежной научной среде (Барцалкина В.В., 2020).

Отечественные исследования в области аддиктивного поведения фокусируются на различных аспектах этой проблемы. Работы акцентируют внимание на роли семейных факторов, особенно в контексте алкогольной зависимости родителей, в формировании аддикций у детей и подростков

Исследования показывают, что родительская созависимость и дисфункциональные семейные отношения значительно увеличивают риск развития аддиктивного поведения у молодого поколения (Барцалкина В.В., 2020). Так же важно обратиться к исследованиям, которые отмечают, что одной из главных причин формирования аддиктивных склонностей является нарушение детско-родительских отношений, что приводит к дефициту эмоциональной поддержки и снижению уровня доверия (Ерофеева М.А., 2022).

Выделяется важность учёта возрастных особенностей подростков, поскольку кризис подросткового возраста — это не патология, а психологическая норма, требующая адекватного педагогического и психологического сопровождения. В этом контексте формирование устойчивости к негативным влияниям среды и повышение социальной ответственности становится важнейшей задачей профилактики (Ерофеева М.А., 2022).

Девиантное поведение, включая аддикции, развивается под воздействием комплексного взаимодействия биологических, психологических и социальных условий. В частности, выделяется нарушение формирования

личности как один из ключевых факторов, проявляющийся в низком уровне самоконтроля, эмоциональной незрелости и дефиците социальных навыков.

Эти особенности делают подростков особенно уязвимыми к влиянию негативных факторов окружающей среды, таких как давление сверстников и вовлечение в деструктивные группы (Жадан В.Н., 2021).

Искажённое представление о нормах и ценностях, социальное окружение, в свою очередь, способствует закреплению аддиктивных моделей через механизмы подражания и психического внушения, что усиливает риск вовлечения в зависимое поведение (Жадан В.Н., 2021).

Зарубежные исследования также вносят значительный вклад в понимание механизмов аддиктивного поведения. Исследуется влияние тяжести алкогольной зависимости родителей на психические и поведенческие расстройства у детей (Raitasalo K., Holmila M., Jääskeläinen M., Santalahti P., 2019). Результаты исследования показывают, что дети из семей с алкогольной зависимостью подвержены повышенному риску развития психических расстройств и проблем с поведением. Зарубежные исследования подчеркивают связь между проблемами с алкоголем и наркотиками у родителей и жестоким обращением с детьми, особенно в семьях с одним родителем, где отсутствует поддерживающий взрослый.

Сравнительный анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что, несмотря на культурные различия, существуют общие закономерности в развитии аддиктивного поведения. Как отечественные, так и зарубежные ученые подчеркивают важность семейных факторов, личностных особенностей и социальных условий в формировании аддикций.

Современный взгляд на аддикции учитывает взаимосвязь между биологическими, психологическими и социальными компонентами. Генетическая предрасположенность может создавать базис для развития зависимости, но именно социальная среда и личностные особенности определяют, будет ли реализован этот потенциал (Жадан В.Н., 2021).

Таким образом, профилактика и лечение аддиктивного поведения требуют комплексного подхода, направленного не только на устранение симптомов, но и на работу с причинами, лежащими в основе зависимости.

Особое значение приобретает ранняя диагностика и своевременное вмешательство, особенно в отношении подростков и молодых людей, у которых формируются устойчивые модели поведения. Создание благоприятных условий в семье, школе и обществе в целом способствует снижению рисков и формированию здоровых стратегий преодоления стрессов и жизненных трудностей. В этом контексте междисциплинарное

сотрудничество специалистов разных областей становится ключевым фактором успешной борьбы с аддиктивным поведением и его последствиями.

Литература

1. Барцалкина В. В. Терапия последствий детских травм, депривации и насилия как профилактика аддиктивного поведения. — Москва: Издательство, 2020. — 256 с.

2. Ерофеева М. А. Психолого-педагогические детерминанты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних // Российский девиантологический журнал. — 2022. — Т. 2. – № 2. — С. 236–242. — DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-236-242.

3. Жадан В. Н. Девиантное поведение несовершеннолетних: формы предупреждения и коррекции // Юридическая наука. — 2021. — № 7. — С. 73–80.

4. Raitasalo K., Holmila M., Jääskeläinen M., Santalahti P. The effect of the severity of parental alcohol abuse on mental and behavioural disorders in children // European Child & Adolescent Psychiatry. — 2019. — Vol. 28. – № 7. — P. 913–922. — DOI: 10.1007/s00787-018-1253-6.

Программа психологического онлайн-тренинга «Быть в обществе, а не казаться» на платформе Minecraft для подростков

Королев Н.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Социальный остракизм – игнорирование, исключение и отвержение – в подростковом возрасте приводит к фрустрации базовых психологических потребностей (принадлежность, самоуважение, контроль, значимость), провоцирует тревожность и приводит к снижению общего эмоционального фона. (Бойкина, 2023; Williams, Nida, 2011). Однако существующие коррекционные программы ориентированы преимущественно на офлайн-формат, тогда как современные подростки активно взаимодействуют в цифровой среде.

Цель исследования: обосновать эффективность авторского онлайн-тренинга по коррекции негативных эффектов социального остракизма. Основная гипотеза: тренинг снижает уровень субъективной остракизации,

оптимизирует нарушенные базовые потребности и уменьшает ситуативную тревожность. Исследование проведено на базе ГБОУ школы г. Москвы. Выборка: 68 подростков 10–13 лет.

Методы исследования – эмпирические: тестирование и формирующий эксперимент. Диагностический комплекс: «ШСО-ПМ (шкала субъективного остракизма)» и «ШНПО-ПМ (шкала нарушенных потребностей)» Бойкиной Е.Э., «Тест тревожности Спилбергера-Ханина» и другие.

Результаты первичной диагностики: высокий уровень исключения выявлен у 42,6% участников, отвержения – у 42,6%; нарушение потребности в принадлежности – у 45,6%, самоуважении – у 27,9%, контроле – у 35,3%, осмысленности – у 38,2%; высокая личностная тревожность – у 51,5%, высокая ситуативная тревожность – у 25%.

В процессе исследования был разработан авторский онлайн-тренинг «Быть в обществе, а не казаться» на платформе Minecraft (8 занятий по 40 минут). Выбор Minecraft обоснован возможностью моделировать социальные взаимодействия в контролируемой, безопасной среде, а также экспериментальными данными о его валидности для изучения социального поведения (Ларицкая, 2021; Wu et al., 2025). Данная платформа с одной стороны, предоставляет широкие возможности для контроля процесса непосредственно внутри игры, с другой, воспринимается подростками, как нечто знакомое и психологически комфортное. К тому же важным фактором выступило наличие открытого мира, как части симуляции реального мира, а также широкий простор для совместного творчества, предоставляемый механикой игры.

Отличительная особенность данной игры является то, что в неё можно играть бесконечно. Многие подростки при разговоре отмечают, что у них есть миры в этой игре, в которые они играют годами или даже десятилетиями. Это обусловлено 3 основными факторами:

1. В игре нет концепции осмысленного финала. Главная её цель – победа над драконом Края. Однако после неё игра не заканчивается, а продолжается. Разработчики Minecraft добавляют с каждым обновлением, всё больше возможностей и механик, которые доступны после победы над драконом. Это позволяет почувствовать игроку, что он не просто играет в игру, а проживает внутри неё жизнь.

2. Открытый мир, сопоставимый с размерами реальной планеты Земля. По данным от разработчиков игры, генерация одного мира способна охватить десятки миллионов километров. Благодаря этому достигается чувство, что игрок находится в мире без границ, симулируя настоящий.

3. Колоссальный набор материала, который можно использовать при строительстве. Игра изобилует различными видами материалов для строительства, конфигурациями, позволяющими по-разному ставить одни и те же блоки, а также механики игры (электрические цепочки, механизмы и т.д.), симулирующие функции настоящих механизмов.

Сценарий авторской программы включает в себя симуляцию ситуаций включения/исключения, групповую рефлексию и письменную фиксацию, смену вида деятельности от занятия к занятию, а также использован принцип геймификации.

Повторная диагностика после тренинга запланирована. Ожидается, что в экспериментальной группе снизится тревожность и повысится удовлетворённость базовых психологических потребностей, а также стабилизируется эмоциональный фон. Эффективность будет проверена с помощью U-критерия Манна–Уитни и Т-критерия Уилкоксона.

При фиксации результатов, доказывающих коррекционную эффективность, разработанная программа в будущем может использоваться школьными психологами для профилактики девиантного поведения, связанного с переживанием отвержения.

Литература

1. Ларицкая М.Г. Эстетика визуального стиля, реализация творческой потребности в играх и использование игр в образовательных целях на примере Minecraft // Культура и искусство. – 2021. – № 5. – С. 1–11.
2. Шкала нарушенных потребностей. Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ / Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Чумаченко Д.В. [и др.] // Психология и право. – 2024. – Т. 14. – № 1. – С. 53–71.
3. Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ / Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчков А.С. [и др.] // Психология и право. – 2023. – Т. 13. – № 4. – С. 132–149.
4. Adaptive mechanisms of social and asocial learning in immersive collective foraging / C. M. Wu, D. Deffner, B. Kahl [и др.] // Nature Communications. — 2025. — Vol. 16. — Art. № 3539. — DOI 10.1038/s41467-025-58365-6.
5. Williams K.D., Nida S.A. Ostracism: Consequences and Coping // Current Directions in Psychological Science. – 2011. – Vol. 20. – № 2. – P. 71–75.

Система ценностей у подростков, стоящих на учёте в Комиссиях по Делам Несовершеннолетних по случаю употребления психоактивных веществ

Куликов А.К.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Луковцева З.В.

Проблема употребления психоактивных веществ среди подростков как на территории Российской Федерации, так и во всём мире, в настоящее время остаётся нерешённой. Согласно данным Всемирного доклада о наркотических веществах за 2024 год (World Drug Report 2024), в 2022 году почти 292 миллиона человек, или каждый 18-й, употребляли наркотики в течение последнего года, что на 20% больше, чем 10 лет назад. Усложнение моделей потребления снижает и без того достаточно низкую эффективность программ психокоррекции.

По данным 2017 года, ежегодно наркотические вещества разного вида начинали употреблять 90 тысяч граждан России, то есть почти 250 человек в день. Средний возраст начала наркопотребления равен 13-14 годам (Позднякова М.Е., Брюно В.В., 2019).

И.С. Ганишина и С.М Воробьев (2022) исследовали психологические особенности подростков, стоящих на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних. Власова Н.В., Новокрещенова Г.А. (2019) и Килина И.А. (2005) исследовали ценностно-смысловые ориентации подростков, употребляющих наркотические вещества. Исследования подростков, стоящих на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних по причине употребления психоактивных веществ (далее – ПАВ), в современной отечественной литературе на данный момент проведены не были.

Исходя из результатов современных отечественных исследований, социально значимой и актуальной проблемой, требующей тщательного исследования для составления более эффективных и глобальных программ по профилактике и коррекции употребления ПАВ, является употребление ПАВ среди подростков в возрасте от 13 до 17 лет.

Целью нашего исследования является выявление особенностей ценностных ориентаций у несовершеннолетних, стоящих на учёте в организациях, организующих профилактику и коррекцию правонарушений среди несовершеннолетних, комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее КДН и ЗП), по случаю употребления ПАВ.

На основе изученной научной литературы были сформулированы гипотезы:

1. Между подростками, стоящими на учёте в КДН и ЗП по случаю употребления ПАВ и подростками, не состоящими на учёте, имеются следующие различия: у подростков, стоящих на учете в КДН и ЗП преобладают индивидуалистические ценности, показатель осмысленности жизни и самоконтроля ниже, уровень психологического стресса и легитимизации агрессии выше, чем у подростков, не стоящих на учете.

2. Между подростками состоящими на учёте в КДН и ЗП по случаю употребления ПАВ, имеющими индивидуалистичные и коллективистские ценности имеются следующие различия: у подростков, стоящих на учёте в КДН и ЗП по случаю употребления ПАВ и имеющих доминирующие индивидуалистичные ценности показатель осмысленности жизни и самоконтроля ниже, уровень легитимизации агрессии и психологического стресса выше, чем у подростков, стоящих на учёте в КДН и ЗП по случаю употребления ПАВ и имеющих доминирующие социальные ценности. Для проверки гипотез было проведено эмпирическое исследование. В исследовании приняли участие 64 несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет. Средний возраст респондентов составил 16 лет. Было набрано 2 группы подростков: 32 стоящих на учёте в КДН и ЗП по случаю употребления ПАВ и 32 подростка, не стоящих на учёте.

Методиками для проведения эмпирического исследования были выбраны: Опросник самоконтроля Х. Грасмика; Опросник СЖО Д.А. Леонтьева; Шкала психологического стресса PSM-25; Опросник легитимизированной агрессии (С.Н. Ениколопов, Н.П. Цибульский, 2008); Методика на выбор ценностей В.Г. Булыгиной.

По методике на выбор ценностей В. Г. Булыгиной получены следующие результаты:

В группе несовершеннолетних, стоящих на учёте в КДН и ЗП по случаю употребления ПАВ 26 несовершеннолетних имеют преимущественно индивидуалистичные ценности и только 6 несовершеннолетних – коллективистские. Данный результат говорит о том, что несовершеннолетние из данной группы ориентируются на собственные интересы и цели, а также стремятся к независимости индивида от общества.

На основе статистического анализа и интерпретации в рамках методик полученных результатов, рассмотрим полученные результаты в контексте уже проведенных последних исследований в данной области.

Гипотеза о различиях в ценностях несовершеннолетних, стоящих на учёте в КДН и ЗП по случаю употребления ПАВ, и не стоящих на учёте,

подтвердилась. Подростки, стоящие на учёте в КДН и ЗП по случаю употребления ПАВ, имеют более индивидуалистичные ценности, нежели не состоящие (82% у состоящих на учёте против 40% у не состоящих). Подростки, стоящие на учёте в КДН и ЗП по случаю употребления ПАВ, имеют более высокие показатели эгоцентризма ($p<0.05$), легитимизации агрессии в сфере политики ($p<0.05$) и предпочтения физической активности ($p<0.01$).

Значимых различий по исследуемым показателям у подростков, стоящих на учёте в КДН и ЗП по случаю употребления ПАВ, разделённых на группы по параметру коллективистских и индивидуалистичных ценностей, обнаружено не было – вторая гипотеза не подтвердилась, соответственно, работа с несовершеннолетними, стоящими на учёте в КДН и ЗП по случаю употребления ПАВ, может вестись по методике, разработанной под однородную группу несовершеннолетних по типу преобладающих ценностей.

Данные результаты можно объяснить с точки зрения того, что подростки-правонарушители более эгоцентричны и импульсивны, более предпочитают физическую активность, чем законопослушные, что приводит к игнорированию законов в угоду собственным сиюминутным потребностям. В то же время наложение определённых обязательств на несовершеннолетних, стоящих на учёте, воспринимается подростками как агрессия со стороны государства, как болезненное и несправедливое ущемление прав и свобод. Это легитимизирует агрессию в сфере политики по принципу справедливости, ведь с другими государство должно обойтись так же жестоко, как и со мной, рассуждает подросток, легитимизируя агрессию в сфере политики.

Легитимизация агрессии в сфере политики ($p<0.05$), эгоцентризм ($p<0.05$) и предпочтение физической активности ($p<0.001$) у несовершеннолетних, стоящих на учёте в КДН и ЗП по случаю употребления ПАВ, задают вектор для дальнейших исследований с целью формирования программ профилактики употребления ПАВ детьми и подростками.

Литература

1. Власова Н. В., Новокрещенова Г. А. Сравнительный анализ ценностных ориентаций подростков с разными видами аддиктивного поведения // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – № 4 (79). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-tsennostnyh-orientatsiy-podrostkov-s-raznymi-vidami-addiktivnogo-povedeniya (дата обращения: 03.05.2026).

2. Ганишина И. С., Воробьев С. М. К вопросу о психологических особенностях подростков, состоящих на учете в подразделениях по делам

несовершеннолетних // Психология и педагогика служебной деятельности. — 2022. — № 3. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-psihologicheskih-osobennostyah-podrostkov-sostoyaschih-na-uchete-v-podrazdeleniyah-po-delam-nesovershennoletnih (дата обращения: 03.05.2026).

3. Килина И. А. Особенности ценностно-смысловых ориентаций личности подростков, употребляющих наркотические вещества : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Килина Ирина Александровна. — Кемерово, 2005. — 221 с.

4. Позднякова М.Е., Брюно В.В. Изучение наркоситуации в России и за рубежом: сравнительный анализ // Россия реформирующаяся. – 2019. – №17. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-narkosituatsii-v-rossii-i-za-rubezhom-sravnitelnyy-analiz (дата обращения: 30.04.2026).

5. World Drug Report 2024 / United Nations Office on Drugs and Crime. — Vienna : United Nations, 2024. — URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2024.html (дата обращения: 03.05.2026).

Личностный ресурс и травматический опыт у несовершеннолетних со склонностью к суицидальному поведению

Лапина С.П.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Делибалт В.В.

Актуальность исследования обусловлена тем, что травматический опыт в подростковом возрасте может снижать психологическую устойчивость, усиливать тревожность, чувство одиночества и повышать риск суицидального поведения.

Цель работы — выявить и описать особенности личностного ресурса и травматического опыта у несовершеннолетних со склонностью к суицидальному поведению. Объект исследования — травматический опыт несовершеннолетних.

Предмет исследования — связь травматического опыта с личностным ресурсом и склонностью к суицидальному поведению.

Гипотеза исследования заключалась в предположении, что выраженность травматического опыта связана со снижением личностного ресурса и повышением тревожности, чувства одиночества и суицидального риска.

В теоретической части были рассмотрены понятия травмы, травматического

опыта, личностного ресурса, суицидального риска и пресуицидального состояния. Было установлено, что травматический опыт у подростков может проявляться не только как последствие единичного события, но и как результат длительного эмоционального неблагополучия.

Эмпирическое исследование проводилось в дистанционном формате. В нем приняли участие 49 респондентов в возрасте от 14 до 18 лет. Использовались анкета, методика СПСП, опросник детской травмы CTQ, опросник психологического благополучия подростков, опросник личностного ресурса и опросник суицидального риска.

По результатам исследования было выявлено, что 71,4 % участников сообщили о наличии тяжёлых травмирующих событий, а 42,9 % отметили их сильное влияние на текущую жизнь. В структуре травматического опыта наиболее высокие показатели получены по шкалам эмоционального пренебрежения и эмоционального насилия; таким образом, именно психологически неблагоприятный опыт оказался наиболее частым и субъективно значимым. Наиболее выраженными показателями по методике СПСП стали ригидность и тревожность, что говорит о трудностях гибкого реагирования на стрессовые ситуации и общем эмоциональном напряжении.

Суммарный показатель психологического благополучия соответствует среднему уровню (M = 86.90), при этом лидируют общительность, самооценка и ощущение счастья. Среди факторов суицидального риска заметны социальный пессимизм и несостоятельность, но одновременно относительно более высоким оказался антисуицидальный фактор, что указывает на неоднородность выборки по уязвимости. В структуре личностного ресурса выделяются способность к совладанию со стрессом, поиск информации и установка на обучение, тогда как управление развитием и ответственность снижены.

Корреляционный анализ показал, что выраженность неблагоприятного детского опыта значимо связана со снижением психологического благополучия ($\rho = -0.640$), ростом тревожности, несостоятельности и увеличением частоты мыслей о том, что жить тяжело и больно ($\rho = 0.548$). Особенно сильные отрицательные связи выявлены между психологическим благополучием и эмоциональным насилием, а также эмоциональным пренебрежением. Сравнение групп подтвердило, что у респондентов, субъективно оценивавших травматические события как сильно влияющие на их жизнь, уровень фрустрации был достоверно выше, а остальные сдвиги также указывают на более напряжённый эмоциональный фон и учащение антивитальных переживаний. В целом выборка неоднородна: при наличии поддерживающих отношений и отдельных ресурсов уязвимая часть

подростков несёт груз эмоционального напряжения, травматического опыта и элементов суицидального риска.

Таким образом, гипотеза исследования получила подтверждение: травматический опыт действительно связан со снижением личностного ресурса и усилением факторов суицидального риска.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования психологами образовательных организаций и специалистами системы профилактики девиантного поведения для раннего выявления подростков группы риска.

Основной вывод заключается в том, что профилактика суицидального поведения у несовершеннолетних должна быть направлена не только на выявление риска, но и на развитие личностных ресурсов: саморегуляции, жизнестойкости, психологического благополучия и способности обращаться за поддержкой.

Литература

1. Банников Г. С., Павлова Т.С., Вихристюк О.В. Скрининговая диагностика антивитальных переживаний и склонности к импульсивному, аутоагрессивному поведению у подростков (предварительные результаты) // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 6. – № 1. – С. 126-145.

2. Барсуков А. В., Бурова Е. А. Личностные особенности людей, склонных к суицидальному поведению // Мир педагогики и психологии. – 2018. – № 8(25). – С. 78-83.

3. Богданович Н. В., Делибалт В.В. Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях // Психология и право. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 1–14.

4. Богданович Н. В., Делибалт В.В., Дегтярёв А.В. Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 1) // Психология и право. – 2025. – Т. 15. – № 2. – С. 250–264.

5. Вроно Е. М. Предотвращение самоубийств подростков. – Москва: Академический проект, 2015. – 40 с.

6. Егоров А. Ю. Клиника и психология девиантного поведения: расстройства поведения, аддиктивное поведение, агрессия, суицид, отклонения в сексуальном поведении. – Санкт-Петербург: Речь, 2010. – 396 с.

7. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения : Учебник и практикум. – 5-е изд., пер. и доп. – Москва: Юрайт, 2018. – 290 с.

8. Мишина С. С. Психолого-педагогическая модель превенции суицидального риска у подростков : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата психологических наук / Мишина Светлана Сергеевна ; Самарский государственный социально-педагогический университет. — Саратов, 2022. — 27 с.

9. Павлова Т. С., Банников Г.С. Современные теории суицидального поведения подростков и молодежи // Психологическая наука и образование. – 2013. – № 4. – С. 59-69.

10. Сагалакова О. А. Труевцев Д. В. Опросник «Антивитальности и Жизнестойкости» // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2017. – Т. 17, № S2. – С. 210-211.

Психологические факторы прокрастинации в юношеском возрасте

Ларюшкина С.Р.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

Зарубежные исследования показывают, что прокрастинация является широко распространенной проблемой, 75% студентов подвержены прокрастинации в учебной деятельности. Кроме того, наблюдается рост исследований по теме прокрастинации, в которых рассматривается ее связь с различными психологическими характеристиками (Горелова, Г.Г., Жаркова, С.В., Мануйлов, Г.В., 2021). Однако комплексное изучение факторов прокрастинации в юношеском возрасте остаётся недостаточно разработанным, что обусловливает необходимость исследования совместного вклада психологических особенностей в формирование склонности к откладыванию задач.

Цель исследования: определение роли психологических факторов (личностной тревожности, перфекционизма, саморегуляции и локуса контроля) в развитии склонности к прокрастинации в юношеском возрасте.

Гипотезы: личностная тревожность, перфекционизм, особенности саморегуляции и локус контроля являются факторами, влияющими на склонность к прокрастинации в юношеском возрасте; высокий уровень личностной тревожности и перфекционизма способствуют развитию склонности к прокрастинации в юношеском возраст; высокий уровень саморегуляции и интернальный локус контроля снижают склонность к прокрастинации в юношеском возрасте.

Выборка: 41 человек (16 мужского и 23 женского пола) в возрасте от 16

до 21 года (средний возраст 17,76±1,92 года). Исследование в форме индивидуального онлайн-анкетирования на платформе «Yandex Forms».

Методики: Шкала общей прокрастинации К. Лэй в адаптации Т.Ю. Юдеевой, Н.Г. Гаранян, Д.Н. Жуковой (2011); Шкала личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина (2011); Трехфакторный опросник «Перфекционизм» (Гаранян, Н.Г., Холмогорова, А.Б., Юдеева, Т.Ю., 2018); Опросник «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ-2020» (Кондратюк, Н. Г., Моросанова, В.И., 2020); Методика «Шкала локуса контроля» Дж. Роттера (Мудзыбаев К., 1983).

Статистическая обработка (SPSS): Описательные статистики, корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), линейный регрессионный анализ и факторный анализ.

Результаты:

1. Прокрастинация является многофакторным феноменом, который проявляется в добровольном иррациональном откладывании значимых дел, и сопровождается эмоциональным дискомфортом.

2. Ряд отдельных исследований свидетельствует о дискретных связях личностной тревожности, перфекционизма, осознанной саморегуляции и локуса контроля со склонностью к прокрастинации в юношеском возрасте.

3. По результатам эмпирического исследования существует сильная положительная связь между прокрастинацией и личностной тревожностью, а также значимая отрицательная связь прокрастинации с общим уровнем осознанной саморегуляции.

4. Личностная тревожность, перфекционизм, саморегуляция и интернальный локус контроля в совокупности выступают факторами, влияющими на склонность к прокрастинации в юношеском возрасте. Личностная тревожность и саморегуляция также являются самостоятельными значимыми факторами прокрастинации в юношеском возрасте.

5. На основе результатов эмпирического исследования предложены практические рекомендации по психолого-педагогической профилактике прокрастинации для специалистов психологов.

Вывод:

Личностная тревожность, перфекционизм, саморегуляция и локус контроля в сочетании выступают факторами прокрастинации. В юношеском возрасте прокрастинация прежде всего определяется высокой личностной тревожностью и низким уровнем саморегуляции, которые вносят самостоятельный вклад в ее проявление. В сочетании с ними перфекционизм и локус контроля могут усиливать выраженность прокрастинации.

Литература

1. Гаранян Н.Г., Юдеева Т.Ю., Жукова Д.Н. Апробация опросника студенческой прокрастинации К. Лэй // Психологическая диагностика. – 2011. – № 2. – С. 84 - 94.
2. Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю. Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26. – №3. – С. 8 — 32.
3. Горелова Г.Г., Жаркова С.В., Мануйлов Г.В. Актуальные направления в исследовании прокрастинации в современных социальных условиях // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2021. – Апрель (№ 194). – С. 497.
4. Зайцев Ю.А., Хван А.А. Стандартизация методик диагностики тревожности Спилбергера-Ханина и Дж. Тейлор // Психологическая диагностика. – 2011. – №3. – С. 19-34.
5. Моросанова В. И., Кондратюк Н.Г. Опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» // Вопросы психологии. — 2020. – Т. 66. – № 4. – С. 155–167.
6. Муздыбаев К. Локус контроля в исследованиях массовой коммуникации // Современные методы исследования средств массовой коммуникации : материалы Межреспубликанской научной конференции (Таллин, 29–30 сентября 1980 г.) / Прибалтийское отделение ССА, Гостелерадио ЭССР ; редколлегия: И. Триккель (ответственный редактор) [и др.]. — Таллин : Периодика, 1983. — С. 90–93.

Особенности учебной мотивации подростков в условиях применения сервисов искусственного интеллекта в образовательном процессе

Максимова А.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Куприянова Е.К.

Актуальность выбранной темы обосновывается тем, что цифровизация образовательной среды и активное внедрение технологий искусственного интеллекта в учебный процесс изменяют привычную структуру учебной деятельности подростков (Гордеева Т. О., 2022). В современных условиях искусственный интеллект (ИИ) становится не только инструментом поиска

информации, но и средством выполнения учебных заданий, что может оказывать влияние на мотивационную сферу личности, снижать самостоятельность и трансформировать характер познавательной активности. Изучение особенностей учебной мотивации подростков в условиях использования технологий ИИ позволяет лучше понять, каким образом цифровые инструменты отражаются на внутренней и внешней мотивации, а также определить риски снижения учебной инициативы и учебной самостоятельности (Маркова А. К., 1990).

Проблематика исследования заключается в том, что использование ИИ-инструментов подростками всё чаще становится частью повседневной учебной практики, однако его влияние на учебную мотивацию и способы организации учебной деятельности изучено недостаточно (Лобок И.Д., 2025). С одной стороны, технологии искусственного интеллекта могут облегчать поиск информации, повышать доступность выполнения заданий и способствовать лучшему усвоению учебного материала (Кожуховская Ю.Н., Бекузарова Н.В., 2025). С другой стороны, чрезмерное обращение к готовым ответам способно ослаблять стремление к самостоятельному размышлению, снижать устойчивость познавательных интересов и формировать зависимость от внешних средств решения учебных задач (Кручинин В.А., Булатова Е.А., 2018). В связи с этим возникает необходимость комплексного изучения того, как именно использование ИИ связано с особенностями мотивации учебной деятельности подростков.

Нами было проведено исследование, цель которого заключалась в изучении особенностей мотивации учебной деятельности подростков в условиях использования технологий искусственного интеллекта.

В рамках исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

Существует взаимосвязь между уровнем использования технологий искусственного интеллекта в процессе обучения и выраженностью мотивации учебной деятельности подростков.

Уровень внутренней учебной мотивации подростков, систематически использующих технологии ИИ, значимо отличается от уровня мотивации подростков, выполняющих учебные задания преимущественно самостоятельно.

В исследовании приняли участие 60 подростков в возрасте от 14 до 16 лет, среди которых 30 мальчиков (50%) и 30 девочек (50%). Участники были разделены на три группы в зависимости от степени использования технологий ИИ в учебной деятельности:

● выборка №1–22 респондента (36,7%), не использующих технологии искусственного интеллекта в образовательном процессе;

● выборка №2–23 респондента (38,3%), использующих ИИ в качестве объяснения и разъяснения учебного материала;

● выборка №3–15 респондентов (25%), использующих ИИ преимущественно для выполнения домашних и контрольных работ.

Методиками исследования послужили: методика «Шкалы академической мотивации школьников» (ШАМ-Ш) Т.О. Гордеевой, О.А., а также авторская анкета «Использование искусственного интеллекта в учебной деятельности подростков», направленная на выявление стратегий взаимодействия подростков с ИИ-технологиями.

Исследование проводилось с использованием сравнительного анализа групп, что позволило выявить особенности мотивационной сферы подростков с разной степенью вовлечённости в использование ИИ сервисов. Для сравнения двух независимых выборок применялся U-критерий Манна–Уитни, а для выявления взаимосвязи между частотой использования ИИ и компонентами учебной мотивации использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Обработка эмпирических данных проводилась с помощью метода описательной статистики и программы IBM SPSS Statistics 27. Сначала был использован тест Колмогорова–Смирнова, выявивший ненормальность распределения данных, в связи с чем для дальнейшего анализа применялись непараметрические методы статистики.

Для попарного сравнения групп применялся U-критерий Манна–Уитни. Установлено ($p<0,05$), что у подростков, использующих ИИ для объяснения материала, ниже познавательная мотивация ($U=147,0$; $p=0,028$) и мотивация достижения ($U=163,5$; $p=0,049$), чем у подростков, не использующих ИИ.

У подростков, использующих ИИ для выполнения заданий, выявлены более низкие показатели познавательной мотивации ($U=104,0$; $p=0,032$) и мотивации достижения ($U=114,5$; $p=0,045$), а также более высокий уровень амотивации ($U=92,0$; $p=0,018$) по сравнению с подростками, не использующими ИИ.

Сравнение групп пользователей показало ($p<0,05$), что выполнение заданий с помощью ИИ связано с более высокой амотивацией ($U=89,0$; $p=0,016$) и более низкими уровнями познавательной мотивации ($U=112,0$; $p=0,028$) и мотивации достижения ($U=121,0$; $p=0,046$) по сравнению с использованием ИИ как вспомогательного средства.

Корреляционный анализ Спирмена выявил значимые связи между частотой использования ИИ и компонентами мотивации. В группе активных пользователей обнаружена отрицательная связь с познавательной мотивацией ($r=-0,64$; $p=0,012$) и мотивацией достижения ($r=-0,59$; $p=0,022$), а также

положительная — с амотивацией (r=0,79; p=0,011). В группе умеренных пользователей значимая положительная связь выявлена только с амотивацией (r=0,42; p=0,045).

Результаты эмпирической части исследования внесли важные коррективы в понимание взаимосвязи между использованием технологий искусственного интеллекта и мотивацией учебной деятельности подростков. Высокая выраженность внешних мотивов и амотивации у подростков, активно использующих ИИ для выполнения учебных заданий, свидетельствует о смещении учебной активности в сторону инструментального отношения к обучению. В то же время более высокий уровень внутренней мотивации у подростков, использующих ИИ как вспомогательный инструмент, либо не использующих его вовсе, подтверждает значимость личной вовлечённости и собственных когнитивных усилий в процессе обучения (Божович Л.И., 1979).

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что использование технологий искусственного интеллекта в учебной деятельности подростков связано с особенностями их мотивационной сферы. Чем чаще подростки обращаются к ИИ как к средству выполнения учебных заданий, тем вероятнее преобладание внешней мотивации, рост амотивации и снижение самостоятельности в решении учебных задач. Полученные данные указывают на необходимость дальнейшего изучения влияния ИИ на учебную мотивацию подростков, а также на важность формирования осознанного и критического отношения к использованию цифровых инструментов в образовательном процессе.

Литература

1. Божович Л.И. Психологические особенности развития личности подростка. – Москва: Просвещение, 1979. – 208 с.
2. Гордеева Т.О. Мотивация учебной деятельности школьников: учебное пособие. – Москва: Юрайт, 2022. – 289 с.
3. Кручинин В.А., Булатова Е.А. Формирование мотивации достижения успеха в подростковом возрасте: монография. – Нижний Новгород: НГПУ, 2018. – 174 с.
4. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. – Москва: Просвещение, 1990. – 192 с.
5. Кожуховская Ю.Н., Бекузарова Н.В. Искусственный интеллект как средство повышения мотивации и вовлечённости учащихся // Вестник науки. – 2025. – № 5 (86). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-sredstvo-povysheniya-motivatsii-i-vovlechyonnosti-uchaschihsya (дата обращения: 07.02.2026).

6. Лобок И.Д. Влияние ИИ на учебный процесс // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». – 2025. – № 3 (27). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-ii-na-uchebnyy-protsess-pro-et-contra (дата обращения: 07.02.2026).

Фольклорная игра как инструмент психологической подготовки дошкольников к действиям в чрезвычайных ситуациях

Назарова А.И., Куприянова Е.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Чиркина Р.В.

В работе рассмотрена фольклорная игра как инструмент психологической подготовки дошкольников к действиям в чрезвычайных ситуациях (ЧС). Актуальность обусловлена необходимостью разработки методов формирования психологической готовности к ЧС, адекватных возрастным особенностям дошкольников, у которых ведущей деятельностью является игра (Выготский Л.С., 1966; Эльконин Д.Б., 1999). Традиционные вербальные методы (инструктажи, плакаты, беседы и т.п.) недостаточно эффективны при работе с дошкольниками (Авдеева Н.Н., 2022), тогда как фольклорная игра содержит архетипические модели поведения в ситуациях погони, спасения, поиска укрытия и взаимопомощи (Чернушевич В.А., 2023; Теплова А.Б., 2025).

Психологические особенности дошкольников изучены в рамках культурно-исторической теории Л.С. Выготского, возрастной периодизации Д.Б. Эльконина, исследований Г.А. Урунтаевой и В.С. Мухиной, а также стадий дооперационального мышления Ж. Пиаже.

Психологическая готовность к чрезвычайным ситуациям у дошкольников определена в работе И.А. Щеголевой, где выделены когнитивный, поведенческий и эмоционально-волевой компоненты. Современные подходы к подготовке представлены в парциальных программах Н.Н. Авдеевой, О.Л. Князевой, Р.Б. Стеркиной, а также К.Ю. Белой.

Фольклорная игра как психологический феномен раскрыта в классических работах Е.А. Покровского, М.Ф. Литвиновой, А.В. Кенеман, Т.И. Осокиной и в современных исследованиях группы специалистов МГППУ В.А. Чернушевича, А.Б. Тепловой, Е.А. Куприяновой и Р.В. Чиркиной.

Цель исследования – обосновать эффективность фольклорных игр как средства психологической подготовки дошкольников к действиям в чрезвычайных ситуациях.

Объектом исследования выступила психологическая подготовка дошкольников к действиям в чрезвычайных ситуациях. Предмет – фольклорная игра как инструмент подготовки дошкольников к действиям в чрезвычайных ситуациях.

Была выдвинута основная гипотеза, что фольклорная игра является эффективным инструментом психологической подготовки дошкольников к действиям в ЧС.

Для подтверждения данной гипотезы был выведен ряд подгипотез:

Вследствие проведения фольклорных игр у детей дошкольного возраста повышаются уровни продуктивности и устойчивости внимания.

По итогам проведения фольклорных игр у дошкольников снижаются уровни агрессивности, тревожности и гиперактивности.

После участия в проведении фольклорных игр у детей дошкольного возраста уменьшается степень выраженности страхов, связанных с причинением физического ущерба и страха смерти.

После воздействия фольклорных игр у детей дошкольного возраста повышается уровень саморегуляции.

По окончании реализации фольклорных игр дети дошкольного возраста чаще обладают устойчивым эмоциональным состоянием.

В исследовании были использованы теоретические методы, такие как анализ психолого-педагогической литературы, синтез, систематизация, сравнение, классификация и обобщение информации. К эмпирическим методам относятся стандартизированная и проективная диагностики. Формализованная диагностика включала в себя такие методики, как «Бусы» (А.Л. Венгер), «Найди и вычеркни» (Е.В. Загорная), метод экспертных оценок для воспитателей – методика «Опросник поведения дошкольников» (Л. Бехар, адаптация О.А. Казанцевой, О.А. Сычева, Т.А. Тютеревой), методика «Диагностика эмоционального состояния» (Э.Т. Дорофеева). Проективная диагностика была представлена диагностическим материалом «Лесенка» (В.Г. Щур, модификация Дембо-Рубинштейн), «Страхи в домиках» (А.И. Захаров, М.А. Панфилова). Методы математико-статистической обработки данных реализованы с использованием пакета SPSS (критерий Колмогорова-Смирнова, U-критерий Манна-Уитни и критерий Вилкоксона).

В исследовании приняли участие 80 детей старшего дошкольного возраста (5-6 лет), которые входили в экспериментальную и контрольную группы по 40 человек, где было 20 мальчиков и 20 девочек в каждой группе.

Средний возраст – 5,5 лет. Воспитатели проходили специализированный инструктаж, который включал обучение алгоритмам действий в различных чрезвычайных ситуациях (пожар, угроза теракта, медицинское происшествие) и освоение методики проведения фольклорных игр с акцентом на формирование у детей навыков безопасного поведения. В экспериментальной группе была реализована программа «Безопасность в играх предков» (10 занятий на основе фольклорных игр), контрольная группа занималась по стандартной образовательной программе ДОУ.

В результате в экспериментальной группе зафиксированы статистически значимые позитивные изменения: повышение уровней продуктивности ($p \leq 0,05$) и устойчивости внимания ($p \leq 0,01$), снижение уровня тревожности ($p \leq 0,05$), а также тенденция к снижению степени выраженности страха смерти ($p \leq 0,05$). Уровень саморегуляции в экспериментальной группе значительно повысился, рост уровней агрессивности и гиперактивности не зафиксирован.

Таким образом, основная гипотеза подтвердилась частично. Фольклорная игра показала свою эффективность как инструмент формирования психологической готовности к ЧС прежде всего через повышение уровней саморегуляции, продуктивности и устойчивости внимания, а также степени выраженности устойчивости эмоционального состояния. Наиболее сильное позитивное влияние программа оказала на снижение уровня тревожности. В отношении уровней агрессивности, гиперактивности и степени выраженности страхов было предотвращено проявление негативной динамики. Полученные данные обосновывают необходимость систематического включения фольклорных игр в образовательный процесс ДОО как действенного инструмента психологической подготовки дошкольников к действиям в ЧС.

Литература

1. Авдеева Н.Н., Князева О.Л., Стеркина Р.Б. Безопасность: учебное пособие по основам безопасности жизнедеятельности детей старшего дошкольного возраста. – Санкт-Петербург : ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2022. – 144 с.

2. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. – 1966. – № 6. – С. 24–37.

3. Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Куприянова Е.А., Чупракова Н.Н. Программа «Фольклорные игры в детском саду» и методические рекомендации педагогам дошкольного образования по ее применению для подготовки воспитанников к действиям при совершении (угрозе совершения) преступлений террористической направленности; МГППУ. – Москва, 2025. – 52 с.

4. Чернушевич В.А. Народная игра как феномен инкультурации современного ребенка // Психология и право. – 2023. – Т. 13. – № 3. – С. 119–134.
5. Эльконин Д.Б. Психология игры. – 2-е изд. – Москва: Владос, 1999. – 360 с.

Связь психологических особенностей и склонности к онлайн-троллингу в молодежной среде

Павлова А.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

Активное развитие цифровых технологий и виртуальных форм взаимодействия порождает новые формы деструктивного поведения, среди которых особое место занимает онлайн-троллинг. В отличие от прямой агрессии, троллинг маскируется под провокацию и иронию, что затрудняет его идентификацию и противодействие ему. Молодежная среда, в силу таких возрастных особенностей, как незавершенность эго-идентичности, ориентация на настоящее и высокая значимость цифровой социализации, представляет собой зону повышенного риска вовлечения в подобные деструктивные онлайн-практики. Однако, несмотря на высокую актуальность проблемы, наблюдается дефицит исследований, комплексно анализирующих связь индивидуально-психологических особенностей (включая черты «Темной тетрады», агрессивность, спонтанность, эмпатию и самоконтроль) со склонностью к троллингу именно в молодежной среде. В связи с этим нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало выявление связи между психологическими особенностями молодежи и склонностью к онлайн-троллингу.

Анализ существующих отечественных и зарубежных публикаций позволил нам предположить, что склонность к онлайн-троллингу связана с определенными индивидуально-психологическими особенностями (чертами «Темной тетрады», агрессивностью, спонтанностью, эмпатией и самоконтролем), которые могут способствовать или препятствовать ее проявлению, образуют специфический психологический профиль.

В исследовании приняли участие 102 человека в возрасте от 18 до 25 лет. Исследование проводилось в онлайн-формате на добровольной основе. Для

диагностики склонности и отношения к онлайн-троллингу использовались: «Глобальная оценка интернет-троллинга» (GAIT) (Э. Бакелс, П. Трапнелл, Д. Полхус) и «Опросник отношения к троллингу» И.С. Лучинкиной. Психологические особенности измерялись с помощью «Короткого опросника Темной тетрады» (SD4), «Индивидуально-типологического опросника» Л.Н. Собчик (шкалы агрессивности и спонтанности), «Опросника эмпатических тенденций» А. Мехрабиана и Н. Эпштейна и «Краткой шкалы самоконтроля» (BSCS). Для статистической обработки применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

В результате исследования установлено, что склонность к онлайн-троллингу положительно связана с садизмом, психопатией, макиавеллизмом и агрессивностью, отрицательно — с эмпатией. Среди выявленных корреляций наиболее тесные связи зафиксированы между склонностью к онлайн-троллингу, садизмом и психопатией. Эмпатия выполняет функцию противодействия, предупреждения, будучи отрицательно связанной как с троллингом, так и с чертами, способствующими ему. Такая черта, как спонтанность, связана с отношением к троллингу, но не с поведенческой склонностью к его реализации. Нарциссизм и общий самоконтроль в структуру связей не вошли.

На основе полученных результатов разработаны рекомендации для психологов по профилактике деструктивного поведения в цифровых коммуникациях молодежи, включающие развитие эмпатических способностей, формирование навыков эмоциональной регуляции и конструктивного выражения агрессии.

Литература

1. Дериш Ф. В. Тёмная тетрада личности: обзор современных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – № 2. – С. 222-235.

2. Рассказова Е. И., Солдатова Г. У., Чигарькова С. В. Троллинг как деструктивная онлайн-практика: подростки и молодежь в роли жертв, агрессоров и наблюдателей // Психологический журнал. – 2022. – Т. 43. – № 5. – С. 27–35.

3. March E. Psychopathy, Sadism, Empathy, and the Motivation to Cause Harm: New Evidence Confirms Malevolent Nature of the Internet Troll // Personality and Individual Differences. – 2019. – Vol. 141. – P. 133-137. – DOI: 10.1016/j.paid.2019.01.001.

Особенности самоотношения и способов совладающего поведения у подростков, склонных к потреблению негативного контента (думскроллингу) в социальных сетях

Петрова В.Ю.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Богданович Н.В.

Существует множество исследований, посвящённых изучению влияния интернета на психику человека — в наше время трудно представить повседневную жизнь в отрыве от цифровых технологий, которые развиваются крайне стремительно. Особую роль цифровое пространство играет в подростковом возрасте — информация, которую подростки черпают в интернете оказывает существенное влияние на формирование их мировоззрения, системы ценностей, интересов, образа «Я» — все эти аспекты характеризуют подростковый возраст как важный период становления личности. Однако далеко не всегда феномены, вызываемые активным взаимодействием человека с интернет-пространством, можно охарактеризовать как положительные, по этой причине психологи в последние годы делают особый акцент на исследовании проявлений девиантного онлайн-поведения, одной из форм которого выступает думскроллинг.

Думскроллинг определяется как склонность к бесконтрольному погружению в негативную новостную повестку, в ходе которого человек пропускает через себя большое количество тревожной информации в интернете и не может остановиться (Богданович Н.В., Делибалт В.В., 2025).

Самоотношение рассматривается как осознание человеком собственного личностного смысла, а также оценка того, насколько имеющиеся у него способности и возможности, базирующиеся на индивидуально-психологических качествах, могут поспособствовать самореализации. В структуре самоотношения выделяются такие компоненты как самоуважение, аутосимпатия и самоинтерес (Пантилеев С.Р., 1988).

Совладающее поведение представляет собой особый вид социального поведения, способствующий или, напротив, препятствующий формированию психологического благополучия человека и позволяющий личности определённым образом справиться со стрессовой ситуацией и сопутствующими ей переживаниями путём взаимодействия с актуальными обстоятельствами (Крюкова Т.Л., 2005).

Целью исследования послужило определение особенностей

самоотношения и способов совпадающего поведения у подростков, склонных к потреблению негативного контента в социальных сетях (думскроллингу).

Также были выдвинуты следующие гипотезы: во-первых, что подростки, склонные к активному потреблению негативного контента в социальных сетях (думскроллингу), обладают негативным самоотношением и склонностью к использованию дезадаптивных способов совладающего поведения. Во-вторых, предполагалось, что существует связь между высоким уровнем склонности к думскроллингу у подростков, предпочтением дезадаптивных способов совладающего поведения и негативным самоотношением.

Эмпирическое исследование было проведено при помощи Google-форм среди учащихся 7-9 классов ГБОУ Школы 1788 в Москве. Выборка составила 92 человека: 42 девочки и 50 мальчиков в возрасте от 13 до 16 лет. Распределение респондентов осуществлялось исходя из наличия у них склонности к думскроллингу, выявленной в ходе тестирования по «Шкале думскроллинга» B. Sharma в адаптации А.А. Максименко и О.С. Дейнека: у 46 участников уровень склонности к данному виду киберзависимости поведения оказался выше среднего, у других 46 респондентов — ниже среднего. Были использованы открытые вопросы, а также методики «Тест-опросник самоотношения» (ОСО) В.В. Столина и С.Р. Пантилеева и «Тест-опросник способов совладания» Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой и М.С. Замышляевой. Статистический анализ результатов был произведён в программе Statistics 27 (критерий Колмогорова-Смирнова, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, U-критерий Манна-Уитни).

Наиболее распространёнными ответами респондентов на вопрос «Что вы чувствуете, сталкиваясь с негативными новостями в социальных сетях?» стали: тревога и беспокойство о будущем; бессилие; раздражение и усталость от информационного шума; желание переключиться на что-то другое; безразличие.

На вопрос «Как бы вы могли описать свой опыт использования социальных сетей с точки зрения получаемой оттуда информации?» большинство подростков ответили: как быстрый и доступный способ узнать о том, что нового произошло; как перегрузку противоречивыми и непроверенными данными; как смесь полезного контента и большого количества информационного шума; как частое столкновение с негативом.

Анализ средних значений позволяет сделать вывод о том, что подростки, склонные к думскроллингу, в целом, обладают позитивным самоотношением, однако при этом для них характерен низкий уровень самоуверенности и ожидаемого отношения к себе со стороны окружающих людей.

Статистический анализ результатов позволяет сделать вывод о незначительной отрицательной связи между склонностью к думскроллингу и интегральным показателем самоотношения (r=-0,114). Показатели самоотношения у подростков, склонных к думскроллингу, в целом ниже, чем у респондентов, у которых не было выявлено данной склонности. Различия между выборками были обнаружены и в ходе статистического анализа ($p<0,05$).

Статистически значимых различий между выборками по шкалам, характеризующим особенности совладающего поведения, выявлено не было ($p>0,05$), однако анализ средних значений указывает на склонность подростков с повышенным уровнем думскроллинга чаще прибегать к таким копинг-стратегиям, как избегание и дистанцирование, которые могут выполнять функцию ухода от проблемы, в том числе и в цифровом пространстве. Предпочтение стратегии избегания подтверждает и наличие статистически значимой связи между уровнем думскроллинга и выраженностью склонности к использованию данного способа совладания (r=0,308).

Результаты исследования подтверждают, что для подростков с выраженной склонностью к думскроллингу действительно более свойственно негативное самоотношение по таким аспектам, как самоуверенность и ожидаемое отношение со стороны других, однако значимой связи между данными конструктами выявлено не было. Помимо этого, для подростков, относящихся к этой группе, характерно использование такой стратегии совладания, как избегание в случае столкновения со стрессовыми ситуациями, которая зачастую может рассматриваться как дезадаптивная.

Таким образом, результаты исследования могут быть использованы в разработке коррекционных программ, направленных на формирование у подростков здорового самоотношения и предпочтения к использованию наиболее адаптивных копинг-стратегий в контексте современных реалий, когда подростки сильно подвержены влиянию интернет-пространства и повышенному уровню информационного стресса. Помимо этого, полученные данные могут быть применены в разработке программ профилактики киберзависимого поведения.

Литература

1. Богданович Н. В., Делибалт В. В. Девиантное онлайн-поведение: как распознать и что делать? Учебно-методическое пособие по работе в рисками отклоняющегося поведения в Интернете в рамках сети подростковых центров «Подростки России». — М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2025. — 80 с.

2. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни : специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Крюкова Татьяна Леонидовна ; Институт психологии РАН. — Москва, 2005. — 46 с.

3. Пантилеев С. Р. Строение самоотношения как эмоционально-оценочной системы : специальность 19.00.01 «Общая психология, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Пантилеев Сергей Ростиславович ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. — Москва, 1988. — 18 с.

Изменения факторной структуры компонентов жизненной позиции подростков с делинквентным поведением

Самохин Г.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Чиркина Р.В.

Актуальность исследований жизненной позиции подростков с делинквентным поведением обусловлена высокой распространенностью противоправных форм поведения среди несовершеннолетних и их устойчивым влиянием на социальное развитие личности. Исследование, реализованное в 2024-2025 гг. научным коллективом МГППУ в рамках двух проектов НИР (Госзадание Минпросвещения РФ — 2024 г. и внутренний грант МГППУ 2025 г.) на базе 15 СУВУ ЗТ, в качестве одной из задач ставило анализ изменений факторной структуры компонентов жизненной позиции воспитанников СУВУ на протяжении двухлетнего внедрения коррекционно-профилактической модели «Экосистема детства», что дало возможность оценить ее эффективность.

Психодиагностическая программа исследования, основанная на модели жизненной позиции подростков С.В. Бонкало (Бонкало С.В., 2012), была сформирована для оценки каждого компонента: «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ-2020» (В.И. Моросанова) – акмеологический; Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма (Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов) – когнитивный; «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой) – когнитивный; «Шкала субъективного остракизма» (Бойкина Е.Э., и др.) – аксиологический; «Шкала

нарушенных потребностей. Остракизм» (Бойкина Е.Э. и др.) – аксиологический; «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев) – экзистенциальный: Опросник «Самоотношение» (С.Р. Пантилеев, В.В. Столин) – эмоциональный; «Тест жизнестойкости» (Е.Н. Осин, Е. И. Рассказова) – поведенческий.

Всего в исследовании приняли участие 775 респондентов в возрасте от 12 до 18 лет, среди них 683 юноши – 88,1%, 92 девушки – 11,9%. Участниками исследования стали воспитанники 15 СУВУ ЗТ, расположенных в разных регионах РФ.

Исследование проводилось в 4 этапа. На протяжении всех этапов сохранялся основной состав выборки. Одновременно с этим происходили некоторые изменения состава в связи с поступлением новых воспитанников и завершением срока пребывания в учреждении.

На 1 и 2 этапах выборка была разделена на 2 группы: контрольную (КГ) и экспериментальную (ЭГ). Выделение экспериментальной группы обусловлено внедрением в воспитательный процесс 4 СУВУ ЗТ новых технологий психологического сопровождения по модели «Экосистема детства». В 2025 году, после 2 этапа исследования, в некоторых СУВУ ЗТ, которые относились к КГ, специалисты были также обучены новым технологиям психологического сопровождения. На основании этого с 3 этапа, наравне с существующими ЭГ и КГ была выделена экспериментальная группа 2 этапа (ЭГ2).

Статистический анализ позволил выявить следующие результаты.

Начальный этап исследования (1 этап). На первом этапе все три группы демонстрировали близкую по основным параметрам факторную структуру, что подтверждает их сопоставимость как выборок подростков с делинквентным поведением для анализа. Во всех группах выделяются деструктивный фактор («Агрессивные установки и действия»), ресурсные факторы («Осмысленность жизни», «Когнитивно-социальная регуляция»), фактор, связанный с фрустрацией базовых потребностей и переживанием социального остракизма («Психологическая удовлетворенность и когнитивное моделирование») и факторы, связанные с самоотношением.

На первом этапе также можно выделить особенности факторной структуры жизненной позиции в группах: 1) в КГ фактор самоотношения представлен двумя компонентами: социально-обусловленное и автономное самоотношение; 2) в ЭГ самоотношение и жизнестойкость объединены в один фактор, а фактор социально-обусловленного самоотношения представлен преимущественно самоинтересом; 3) ЭГ2 на первом этапе является частью КГ, поэтому их исходные структуры сопоставимы.

Динамика КГ характеризуется вариативностью и нелинейностью:

1) Агрессивно-деструктивный компонент – чередование объединения и разделения деструктивных установок и действий (этап 1 – объединены, этап 2 – разделены, этап 3 – объединены, этап 4 – расширение состава за счет добавления шкал, ранее связанных с ресурсным или адаптивным блоками).

2) Ресурсный компонент – осмысленность жизни и жизнестойкость то объединяются (этапы 2 и 3), то существуют параллельно (этапы 1 и 4).

3) Самоотношение – «Социально-обусловленное» и «Автономное самоотношение» сохраняют относительно устойчивую структуру на протяжении всех этапов.

4) Шкала «Протестная активность» не входит в факторную структуру на этапах 2 и 3, возвращается на этапе 4.

Динамика ЭГ характеризуется позитивной направленностью на фоне устойчивости деструктивного компонента:

1) Агрессивно-деструктивный компонент сохраняет устойчивость на всех этапах. Позитивным аспектом изменений является утрата связи «Протестной активности» с этим фактором к 4 этапу.

2) Ресурсный компонент – происходит постепенное укрепление и структурирование. На 1 этапе самоотношение и жизнестойкость объединены; на 2 этапе к ним добавляются регуляторные характеристики; на 3 этапе возникает фактор «Регуляторно-смысловой активности»; на 4 этапе формируется фактор «Психологической удовлетворенности и адаптивности».

3) Самоотношение – произошел переход от двух факторов на первых этапах к интегративному самоотношению на 3 и 4 этапах, что свидетельствует о снижении рассогласованности между внутренним и внешним самоотношением.

4) Шкалы «Протестная активность» и «Отвержение» – на 4 этапе выделяются в самостоятельный фактор «Реактивное отвержение», утрачивая связь с деструктивным блоком.

В динамике ЭГ2 прослеживается смена характера изменений: от циклических колебаний, характерных для КГ, к структурированию и укреплению ресурсной сферы на заключительных этапах:

1) На 3 этапе факторная структура характеризуется высокой интеграцией ресурсных компонентов: осмысленность жизни, социальная активность, самоотношение и регуляторные способности объединились в единый «Интегративный адаптивный ресурс», что отличает эту группу от КГ и ЭГ на аналогичных этапах. Также произошло разделение деструктивного компонента на «Агрессивные установки» и «Агрессивно-избегающие стратегии поведения».

2) На 4 этапе произошла дифференциация ресурсной сферы: «Интегративный адаптивный ресурс» разделился на самостоятельные факторы «Осмысленность жизни», «Ресурсное самоотношение» и «Осознанная саморегуляция». Деструктивные установки и поведенческие стратегии объединились в один фактор «Агрессивные установки и действия», что сблизило структуру КГ и ЭГ.

3) «Протестная активность» не вошла в факторную структуру ни на 3, ни на 4 этапе, что является устойчивым позитивным эффектом.

Таким образом, формирующее воздействие способствует структурированию ресурсной сферы жизненной позиции подростков с делинквентным поведением: в ЭГ и ЭГ2 зафиксировано укрепление и конкретизация ресурсных компонентов, а также ослабление связи протестных тенденций с деструктивным фактором. Наиболее выраженные изменения наблюдаются в ЭГ, что свидетельствует о более качественной перестройке жизненной позиции, подтверждая эффективность коррекционно-профилактической модели «Экосистема детства», включающей практики восстановительного подхода, индивидуального наставничества, «навыкового» метода (Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А., Радчиков А.С., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В., 2024). Вместе с тем агрессивно-деструктивный компонент сохраняет устойчивость во всех группах, что указывает на необходимость пролонгации или усиления программ формирующего воздействия для снижения его выраженности.

Литература

1. Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А., Радчиков А.С., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В. Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ. // Психология и право. – 2024. – Т. 14. – № 4. – С. 1–14. – DOI 10.17759/psylaw.2024140401. — URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2024_n4/Boykina_Gurina_et_al (дата обращения: 06.05.2026).

2. Бонкало С. В. Социально-психологические технологии формирования конструктивной жизненной позиции делинквентных подростков: на примере воспитанников специальных образовательных учреждений закрытого типа : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Бонкало Сергей Васильевич ; Рос. гос. социал. ун-т. — Москва, 2012. — 240 с.

Подростки и компьютерные игры: путь к зависимости или «новая нормальность» цифрового поколения?

Фахрутдинов М.Р.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Стремительная цифровизация сделала компьютерные игры неотъемлемой частью жизни подавляющего большинства подростков. Однако в общественном и педагогическом дискурсе увлечение видеоиграми нередко воспринимается как прямой путь к зависимости, что ведёт к стигматизации играющих и игнорированию позитивного потенциала этого хобби (Полутина Н.С., 2006; Конкин Е.П., 2020). Как подчёркивается в современных исследованиях, факт вовлечённости в игровой процесс отнюдь не тождественен наличию патологической аддикции (Конкин Е.П., 2020). Целью нашей работы стало сопоставление реальной распространённости игровой активности среди подростков с долей выявленных случаев игровой зависимости.

В исследовании, проведённом на базе ГБОУ «Школа № 1492» г. Москвы, приняли участие 73 учащихся 8-х классов в возрасте от 13 до 15 лет (44 мальчика, 29 девочек). Для сбора данных использовались авторская анкета, об игровой активности, её продолжительности в неделю и предпочитаемых жанрах игр, а также «Шкала оценки зависимости от Интернет-игр – краткая форма» (IGDS9-SF) в русскоязычной адаптации (Петров А.А., Черняк Н.Б., 2019).

Анализ анкет показал, что ~93% опрошенных (68 человек) играют в компьютерные игры, и лишь менее 7% (5 человек) не играют вовсе. Распределение по времени, проводимому за играми, выявило, что ~38% респондентов тратят на это менее 5 часов в неделю, ~15% — от 5 до 10 часов, ~15% — от 10 до 15 часов, ~9% — от 15 до 20 часов, ~4% — от 20 до 25 часов, и ~19% — более 25 часов в неделю. Примечательно, что из 26 опрошенных девочек, играющих в компьютерные игры, 19 (~73%) тратят на игры менее 5 часов в неделю, что указывает на существенно более низкую интенсивность игровой активности у девочек по сравнению с мальчиками. Среди игровых жанров наиболее популярными оказались стратегии (~19%), многопользовательские ролевые онлайн-игры (~28%), приключения (~13%), экшн (~13%), спортивные игры (~7%), ролевые игры (~6%), гонки (~3%) и головоломки (~10%). Столь широкий спектр предпочтений согласуется с

представлениями о видеоиграх как о многогранном культурном феномене, способном удовлетворять разнообразные психологические потребности (Буткевич М.А., 2025).

Ключевым результатом стало то, что по методике IGDS9-SF, которая основывается на девяти диагностических критериях интернет-игрового расстройства DSM-V, из 68 подростков, играющих в компьютерные игры, лишь 2 человека (менее 3%) продемонстрировали показатели, соответствующие аддиктивному поведению. Подавляющее же большинство играющих подростков не обнаруживают признаков зависимости, несмотря на то что некоторая часть из них проводит за играми более 25 часов в неделю.

Полученные данные свидетельствуют о том, что компьютерные игры в подростковой среде ныне являются скорее возрастной нормой, а доля реальных аддикций остаётся незначительной. Стигматизация гейминга без учёта объективных показателей представляется неоправданной и может препятствовать конструктивному диалогу с подростками.

Практические рекомендации, вытекающие из исследования, адресованы педагогам-психологам и родителям: необходимо сместить акцент с запретительных мер на развитие у подростков осознанного отношения к собственному игровому поведению и рефлексии мотивов, побуждающих их обращаться к виртуальным мирам.

Литература

1. Буткевич М. А. Причины увлечения подростков онлайн-играми // Молодой ученый. – 2025. – № 13 (564). – С. 232–235.

2. Конкин Е. П. Феномен компьютерных игр в современном обществе // Вестник науки. – 2020. – № 8 (29). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kompyuternyh-igr-v-sovremennom-obschestve (дата обращения: 20.04.2026).

3. Петров А. А., Черняк Н. Б. Валидизация русскоязычной версии опросника «Internet gaming disorder scale – short-form» // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. – 2019. – № 3. – С. 53–63.

Полутина Н. С. Возможности использования компьютерных игр в психологии // ИТС. – 2006. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-kompyuternyh-igr-v-psihologii (дата обращения: 19.04.2026).

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Особенности самоорганизации и академической прокрастинации у молодых людей, активно использующих искусственный интеллект

Аверьянов А.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Богданович Н.В.

Самоорганизация, академическая прокрастинация и проблемное использование интернета представляют собой систему связанных между собой феноменов. Стремительное развитие систем искусственного интеллекта существенно трансформирует учебную деятельность. Однако наряду с позитивными эффектами возникают риски, связанные со снижением способности к самостоятельной организации деятельности и усилением склонности к откладыванию учебных заданий. Актуальность работы обусловлена необходимостью научного осмысления психологических последствий активного применения ИИ в образовании, а также изучения связи академической прокрастинации и самоорганизации с проблемным использованием интернета, особую актуальность приобретает изучение самоорганизации, академической прокрастинации и проблемного использования интернета у молодых людей, активно использующих искусственный интеллект.

Проблема исследования заключается в недостаточной изученности психологических особенностей молодых людей, активно использующих системы искусственного интеллекта, а также взаимосвязей между самоорганизацией, академической прокрастинацией и проблемным использованием интернета в условиях цифровизации образовательной среды. Несмотря на растущий интерес к феномену ИИ, комплексных исследований, посвященных влиянию активного использования искусственного интеллекта на организацию учебной деятельности и склонность к прокрастинации, в настоящее время недостаточно.

Самоорганизация в современной психологии понимается как система процессов целеполагания, планирования, контроля и регуляции собственной деятельности. Согласно позиции Е.Ю. Мандриковой, самоорганизация включает структурирование времени, тактическое планирование и стратегическое целеполагание (Мандрикова Е.Ю., 2010). Академическая

прокрастинация, согласно определению П. Стила, в свою очередь, понимается как сознательное откладывание выполнения учебных задач, несмотря на осознание возможных негативных последствий (Скрипкина В. Е., Сорокина А.А., 2025). Проблемное использование интернета рассматривается А.М. Яшевой как форма неконструктивной цифровой активности, сопровождающаяся снижением самоконтроля и нарушением регуляции поведения в сети (Яшева А. М., 2021).

В эмпирическом исследовании приняли участие 76 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет (M = 21, SD = 1,4), студентов высших учебных заведений. На основании авторской анкеты, направленной на оценку активности использования ИИ, выборка была разделена на две группы, основную группу активных пользователей ИИ (43 чел.) и группу сравнения с относительно низкой активностью (33 чел.) по медиане.

Батарею методик составили: «Опросник самоорганизации деятельности» (ОСД) Е.Ю. Мандриковой, «Шкала оценки академической прокрастинации» (PASS) в адаптации М.В. Зверевой, «Общая шкала проблемного использования интернета» (GPIUS3) в адаптации А.А. Герасимовой и А.Б. Холмогоровой.

На основании медианного значения показателя активности использования ИИ выборка была разделена на две группы: экспериментальную — активные пользователи ИИ (43 человека) и контрольную — менее активные пользователи ИИ (33 человека).

Анализ результатов эмпирического исследования показал, что молодые люди, активно использующие системы искусственного интеллекта, обладают более низким общим показателем самоорганизации и настойчивости по сравнению с менее активными пользователями ИИ, одновременно у таких пользователей выше частота академической прокрастинации. Среди причин откладывания у активных пользователей ИИ более выражены социальная тревожность и лень, а в качестве устойчивых личностных характеристик преобладание мотивации избегания неудач и импульсивность. Вероятно, частое обращение к ИИ формирует привычку к быстрому получению результата и снижает готовность к длительной концентрации, а надежда на скорое выполнение задания с помощью ИИ-сервисов усиливает тенденции к откладыванию. Кроме того, менее критичная по сравнению с реальным социальным окружением цифровая среда может закреплять избегание оценочных ситуаций и поддерживать социальную тревожность как причину прокрастинации.

Корреляционный анализ показал, что чем выше общий показатель самоорганизации, тем ниже как частота академической прокрастинации, так и

выраженность проблемного использования интернета. Настойчивость отрицательно связана с частотой прокрастинации, социальной тревожностью, ленью, избеганием неудач и импульсивностью, тогда как организованность как личностная черта сопряжена с более высокими планомерностью, целеустремленностью, настойчивостью и самоконтролем. Обнаружено также, что ориентация на настоящее связана с более активным использованием интернета для регуляции настроения и с компульсивным онлайн-поведением, а импульсивность прямо коррелирует с проблемным интернет-поведением. Эти результаты свидетельствуют о том, что при сниженной самоорганизации интернет может использоваться как компенсаторное средство, а у молодых людей, часто сосредоточенных на текущем моменте, он становится инструментом быстрого изменения эмоционального состояния. Кроме того, импульсивность, отражающая склонность к недостаточно обдуманным решениям, повышает уязвимость к формированию проблемных паттернов взаимодействия с цифровой средой.

Таким образом, активность использования систем искусственного интеллекта по-разному связана с самоорганизацией и академической прокрастинацией у молодых людей: активные пользователи ИИ обладают более выраженной академической прокрастинацией и более низким уровнем самоорганизации. Существует обратная связь между самоорганизацией, академической прокрастинацией и проблемным использованием интернета у молодежи. Полученные результаты позволяют рассматривать самоорганизацию как важный фактор психологической устойчивости молодежи в условиях цифровизации образовательной среды. Так, дефицит самоорганизации выступает фактором усиления академической прокрастинации, а проблемное использование интернета может являться наиболее доступным компенсаторным механизмом, позволяющим снизить напряжение.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов при разработке профилактических и просветительских программ, направленных на развитие навыков самоорганизации, снижение выраженности академической прокрастинации и формирование безопасных цифровых привычек у молодежи.

Литература

1. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. – 2010. – №2. – С. 87-111.

2. Скрипкина В. Е., Сорокина А.А. Проблема академической прокрастинации и учебной мотивации студентов // Вестник Академии управления и производства. – 2025. – № 5. – С. 678-682.

3. Яшева А. М. Индивидуально-психологические предпосылки проблемного использования Интернета в период ранней взрослости // Наука, образование, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей VII Международной научно-практической конференции : в 2 ч., Пенза, 10 мая 2021 года. Ч. 2. — Пенза : Наука и Просвещение, 2021. — С. 239–244.

Степень развитости психологической устойчивости и профессионально важных качеств у обучающихся в СПО по ИТ-направлениям

Маругаева Э.Э.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Дефицит кадров в цифровой среде и потребность работодателей не только в технических знаниях, но и в личностных качествах (стрессоустойчивость, гибкость, навыки саморегуляции) актуализируют изучение психологической устойчивости, которая выделяется отдельно от профессионально важных качеств (ПВК) ввиду регуляторной природы, и определяет адаптационный потенциал личности в условиях ИТ-нагрузок. Психологическая устойчивость – это целостное свойство личности, выражающее её способность поддерживать эмоциональное и поведенческое равновесие, а также сохранять эффективность деятельности в условиях внешнего или внутреннего напряжения (Соловьев М.Н., 2019).

Факторы психологической устойчивости: жизненная стратегия, жизненное равновесие, индивидуальный стиль деятельности, саморегуляция, оптимистическая интерпретация событий, техники расслабления и рефрейминг. Они помогают действовать в стрессовых условиях и восстанавливать ресурсы. Становление устойчивости требует работы с самооценкой, самореализацией, автономией, духовными ориентирами, позитивными эмоциями, целеустремлённостью и осмысленностью жизни. Развитие этих факторов укрепляет равновесие и адаптацию, а их недостаток повышает риск неустойчивости (Ачабаева Л.Х., Богатырева А.С., Дотдуева Ж.Б. и др., 2020).

В нашем исследовании, нацеленном на выявлении рисков несформированности психологической устойчивости и ПВК у обучающихся СПО ИТ-направлений, была выдвинута и эмпирически проверена гипотеза о наличии и таких студентов ряда дефицитов в сформированности исследуемых параметров, а именно в области эмоционального интеллекта, адаптивности, саморегуляции и настойчивости.

В ходе теоретического анализа были выявлены следующие ПВК успешного ИТ-специалиста. Так, профессиональный стандарт (№ 586н) выделяет следующие ПВК специалиста ИТ: ответственность, аналитическое мышление, внимательность к деталям, коммуникабельность, инициативность, мотивацию к развитию и обучению.

Перечень личностных предикторов успешности ИТ-специалиста включает, согласно данным эмпирических исследований: развитый эмоциональный интеллект, способность к саморегуляции, адаптивность, креативность, ответственность и надежность, навыки конструктивной коммуникации, целеустремленность, склонность к планированию и системной организации деятельности, а также выраженная познавательная активность.

Также важно отметить, что обучающиеся в СПО преимущественно относятся к лицам юношеского возраста, для которых характерны период интенсивного личностного становления, поиска идентичности и формирования жизненных целей, где профессиональная идентичность становится важной частью самооценки и планов.

Соответственно, специфика ИТ-деятельности и возрастные особенности обучающихся демонстрируют необходимость выделения психологической устойчивости как самостоятельного конструкта, так как дефицит данного ресурса повышает риски цифровых девиаций, тогда как его развитие выполняет функцию первичной профилактики правонарушений и обеспечивает нормативное применение технических компетенций.

Для оценки развитости вышеперечисленных ПВК нами были использованы авторская анкета, методики «Психологическая устойчивость личности, ПУЛ» К.А. Шиянева, Выявление коммуникативных склонностей учащихся Е.Н. Степанова, Тест эмоционального интеллекта М.А. Манойловой, Стиль саморегуляции поведения В.И. Моросановой, Самооценка психологической адаптивности Н. Фетискина, Опросник Диагностика мотивов профессиональной деятельности специалиста Т.Н. Францевой.

Для проверки основной гипотезы выборка была набрана в МАДК им. Николаева среди студентов логистов и ИТ-направлений для выявления дефицита развитости ПВК. Были выявлены следующие значимые различия: У студентов ниже показатели по шкалам «Настойчивость», «Управление своими

чувствами» и интегральному показателю эмоционального интеллекта ($p < 0,05$). Различий по адаптивности и психологической устойчивости не найдено. Гипотеза подтвердилась частично. Проверка трех дополнительных гипотез позволила сделать выводы о том, что:

Студенты колледжа по сравнению с уже работающими специалистами более заинтересованы в содержании профессии, ориентированы на профессиональные ценности и способны работать с профильной информацией;

Чем выше у студентов ИТ ориентация на статусные мотивы, тем ниже регуляторные ресурсы, что может быть фактором риска дезадаптации при решении профессиональных задач;

Уровень психологической устойчивости и адаптивности остается примерно одинаковым, несмотря на разную степень ориентации на взаимодействие.

Таким образом, исследование позволило выявить актуальные риски несформированности ПВК у обучающихся ИТ-направления: эмоциональное выгорание, трудности с долгосрочным планированием, дезадаптация в изменчивых условиях, снижение саморегуляции при потребности в признании. У работающих специалистов – снижение мотивации к обучению. Эмпирически подтверждено: у обучающихся СПО ИТ-направлений сочетаются высокая профессиональная мотивация и развитые когнитивно-эмоциональные компоненты с дефицитом регуляции (настойчивость, управление эмоциями).

Литература

1. Ачабаева Л.Х., Богатырева А.С., Дотдуева Ж.Б. [и др.] Психологические факторы, оказывающие влияние на устойчивость личности // Ученые записки университета Лесгафта. – 2020. - №11 (189). – С. 615-619.

2. Соловьев М.Н. Психологическая устойчивость личности как фактор эффективного преодоления профессиональных стрессов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. - 2019. – №3. – С. 41-55.

Развитие эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости у студентов психолого-педагогического профиля

Сарана Э.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

В процессе профессионального становления студенты сталкиваются с учебными перегрузками, эмоциональным напряжением и необходимостью освоения навыков саморегуляции. Особую значимость это приобретает в контексте подготовки специалистов психолого-педагогического профиля, поскольку их профессиональная компетентность напрямую связана со способностью понимать эмоциональные состояния других людей, выстраивать эффективную коммуникацию, регулировать конфликтные ситуации и сохранять психологическую устойчивость в условиях эмоционального напряжения. Развитие эмоционального интеллекта выступает не только личностным ресурсом, но и важнейшей профессиональной компетенцией будущего специалиста помогающих профессий (Чепайкина А. С., Домрачева С. А., 2013). Однако отмечается недостаток исследований, посвященных изучению динамики и развитию эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости в комплексе, которые рассматривались бы как взаимодополняющие ресурсы личности у студентов психолого-педагогических направлений. В связи с этим нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало изучение двух вышеупомянутых конструктов как взаимосвязанных психологических опор профессионального роста будущих специалистов психолого-педагогического профиля.

В ходе исследования были выдвинуты предположения о том, что в процессе обучения студентов психолого-педагогического профиля происходят положительные изменения в развитии эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости, уровни эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости у студентов психолого-педагогического профиля в конце обучения (5 курс) выше, чем у студентов в начале обучения (1 курс), а также что существует положительная связь между уровнем эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости у студентов психолого-педагогического профиля.

В исследовании приняли участие 102 респондента, являющихся студентами 1-го, 3-го и 5-го курсов психолого-педагогического профиля.

Возраст респондентов – 18-25 лет, из них 84 (82.3%) респондента женского пола, 18 (17.7%) – мужского. На каждом курсе было опрошено по 34 человека. Исследование проводилось в онлайн-формате с помощью платформы Google Forms. Для диагностики эмоционального интеллекта использовалась методика «Тест эмоционального интеллекта, ЭмИн» (Люсин Д.В., 2006), для оценки стрессоустойчивости – «Шкала воспринимаемого стресса, PSS-10» (Cohen S., Williamson G., 1988, адаптация В.А. Абабков и др. (Абабков В. А., Барышникова К., Воронцова-Венгер О. В., Горбунов И. А., Капранова С. В., Пологаева Е. А., Стуклов К. А, 2016), «Тест на самооценку стрессоустойчивости личности» (Киршева И. В., Рябчикова Н. В, 1995), а также авторская анкета для выявления причин стрессовых переживаний у студентов. Для статистической обработки применялся коэффициент корреляции Спирмена, критерий Манна-Уитни. В качестве описательной статистики использовался качественно-количественный анализ ответов на авторскую анкету.

В результате исследования установлено, что на первом курсе доминирует адаптационный стресс (новая учебная система, быт, новый коллектив), на третьем – учебные перегрузки и накопленные проблемы со здоровьем, а на пятом курсе ведущим стрессором становится непосредственно трудоустройство. В процессе обучения с первого по пятый курс у студентов психолого-педагогического профиля наблюдается статистически достоверное развитие всех компонентов эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости. Уровень эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости у студентов психолого-педагогического профиля в конце обучения (5 курс) выше, чем у студентов в начале обучения (1 курс). В процессе обучения студентов психолого-педагогического профиля связь между эмоциональным интеллектом и стрессоустойчивостью качественно меняется. На первом курсе студенты испытывают дефицит средств совладания со стрессом (в том числе ЭИ) и нуждаются во внешней поддержке; к третьему курсу ключевыми ресурсами становятся внутриличностный эмоциональный интеллект и управление эмоциями, что отражает адаптацию к требованиям профессиональной практики; к пятому курсу эмоциональный интеллект перестает быть прямым предиктором стресса, а рефлексия собственных эмоциональных состояний остается фундаментальным ресурсом противодействия стрессу. Так, связь между эмоциональным интеллектом и стрессоустойчивостью развивается от дефицита ресурсов и потребности во внешней поддержке на первом курсе к опоре на внутриличностный эмоциональный интеллект как ключевой ресурс саморегуляции в конце обучения.

Исходя из результатов полученного исследования, психологическая помощь студентам разных курсов должна быть дифференцированной в зависимости от уровня и причин переживаемого стресса, а также владения студентами психологическими ресурсами для регуляции своего эмоционального состояния.

Литература

1. Абабков В. А., Барышникова К., Воронцова-Венгер О. В., Горбунов И. А., Капранова С. В., Пологаева Е. А., Стуклов К. А. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2016. – № 6(2). –С. 6–15. – URL: https://psyjournals.ru/journals/vspu_psychology/archive/2016_n2/Ababkov_et_al (дата обращения: 07.05.2026).

2. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.

3. Психология личности: тесты, опросники, методики / сост. Н.В. Киршева, Н.В. Рябчикова. – Москва: Геликон, 1995. – 220 с.

4. Чепайкина А.С., Домрачева С.А. Развитие эмоционального интеллекта будущих педагогов-психологов как фактор повышения их конкурентоспособности // Современные наукоемкие технологии. — 2013. — № 7-2. — С. 159–161. — URL: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=32168 (дата обращения: 07.05.2026).

Особенности самовосприятия личности и профессиональной идентичности в период смысложизненного кризиса у людей молодого возраста

Шугай В.О.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Коноплева И.Н.

В современном обществе период молодости становится все более продолжительным и сложным этапом жизненного пути. Молодые люди сталкиваются с необходимостью выбора профессионального пути, построения карьеры и определения своего места в мире. В этот период часто возникают смысложизненные кризисы, связанные с поиском себя, осознанием

экзистенциальной пустоты, неудовлетворенностью жизнью и ощущением потери смысла.

Самовосприятие – это многослойное знание о себе: как человек выглядит, что чувствует внутри, как работает его ум. Считается, что чем глубже человек себя воспринимает, тем больше он задумывается о собственных ценностях и идеалах – а такие размышления могут подталкивать к просоциальному поведению (Lu T. C., 2022).

Д. Бем считал, что самовосприятие дает возможность человеку посмотреть со стороны на себя и свой внутренний мир. Этот процесс способствует формированию выводов, которые, в свою очередь, становятся фундаментом для личностного роста и развития позитивного самоотношения (Кусакина Е. А., 2023).

Термин идентичность в общем значение определяется, как структура убеждений, жизненных ценностей, моделей поведения, что формируют личность в социуме. Процесс отождествления индивида с некой социальной группой, необходимый для формирования идентичности, способствует ориентированию и адаптации индивида в социуме (Маковецкая Е. Н., 2024).

Молодые люди, чья профессиональная идентичность находится на начальной стадии формирования, часто не уделяют должного внимания экзистенциальным вопросам и значению самостоятельного выбора жизненного пути и карьеры. Им свойственно отсутствие четких жизненных ориентиров, сомнения в своих силах и талантах (Доржиева М. О.,2021).

Смысложизненный кризис – это кризис развития личности как субъекта жизни, который возникает в ходе противоречий в поиске, стабильности и достижения смысла своей жизни. Данный феномен характерен на этапах развития разных социальных систем – личности, группы, общества (Карпинский К. В.,2019).

Для большинства молодых людей поиск смысла жизни – задача непростая и при этом острая. Она напрямую связана с выбором жизненной стратегии и с тем, как человек собирается себя реализовывать. От того, насколько жизнь для студента осмысленна, зависит, в какую сторону он будет развиваться и сможет ли добиться того, чего хочет, – в личном или профессиональном плане (Калинин В. С., 2022).

Цель исследования – выявить и описать особенности самовосприятия и профессиональной идентичности у лиц молодого возраста в состоянии смысложизненного кризиса.

Гипотезой исследования послужило предположение, что в период смысложизненного кризиса у людей молодого возраста наблюдаются изменения в самовосприятии личности (снижение самооценки, рост

внутренней неопределенности) и несформированность профессиональной идентичности, при этом данные характеристики взаимосвязаны между собой.

Выборку эмпирической части исследования составили 75 человек в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст – 21,14 лет). Из них респондентов мужского пола 31 чел. (41,3%, в возрасте от 18 до 25 лет, средний возраст – 21 год), респондентов женского пола 44 чел. (58,7%, в возрасте от 18 до 25 лет, средний возраст – 21 год).

Выборка была разделена на 2 группы:

- Группа сравнения 1 («С1») – молодые люди находящиеся в смысложизненном кризисе – 43 человек. Из них респондентов мужского пола – 17 чел. (в возрасте от 19 до 24 лет, средний возраст – 20,7 лет), респондентов женского пола - 26 чел. (в возрасте от 18 до 25 лет, средний возраст – 21 год).

- Группа сравнения 2 («С2») – молодые люди не находящиеся в смысложизненном кризисе – 32 человек. Из них респондентов мужского пола – 14 чел. (в возрасте от 18 до 25 лет, средний возраст – 21,5 год), респондентов женского пола - 18 чел. (в возрасте от 18 до 23 лет, средний возраст – 21 год).

Методики исследования:

1. Авторская демографическая анкета.

2. Методика диагностика самооценки, предложенная Дембо-Рубинштейн (в модификации А.М. Прихожан) (Сидоров К. Р., 2013);

3. Опросник смысложизненного кризиса (К. В. Карпинский) (Карпинский К. В., 2019);

4. Методика изучения профессиональной идентичности (Л.Б. Шнейдер) (Шнейдер Л. Б., 2001).

В группе молодых людей в состоянии смысложизненного кризиса профессиональная идентичность умеренно положительно связана с притязаниями в интеллектуальной ($r = 0,361$; $p < 0,05$) и социальной сферах ($r = 0,395$; $p < 0,01$), а также с самооценкой внешности ($r = 0,333$; $p < 0,05$) и уверенности в себе ($r = 0,458$; $p < 0,01$). Одновременно выявлена умеренная отрицательная связь с расхождением по уверенности в себе ($r = -0,377$; $p < 0,01$) и более острое переживание недостатка авторитета у сверстников ($r = 0,347$; $p < 0,05$). Таким образом, профессиональная идентичность в условиях кризиса может выступать как ресурс, но при этом усиливать чувствительность к социальному непризнанию и внутренним конфликтам в сфере самооценки.

В группе молодых людей, не переживающих смысложизненный кризис, выявлены умеренные отрицательные корреляции между профессиональной идентичностью и расхождениями по шкалам «Характер» ($r = -0,422$; $p < 0,05$), «Внешность» ($r = -0,492$; $p < 0,01$) и «Уверенность в себе» ($r = -0,401$; $p < 0,05$). Это означает, что чем выше профессиональная идентичность, тем меньше

разрыв между реальным и желаемым уровнем развития данных качеств. Таким образом, в отсутствие экзистенциального кризиса устойчивое профессиональное самоопределение сопряжено с большей гармонией самовосприятия и внутренней согласованностью.

Таким образом, данное исследование было направленно на изучение и понимание самовосприятия личности и профессиональной идентичности в период смысложизненного кризиса у людей молодого возраста. Полученные результаты подчёркивают необходимость разработки и внедрения эффективных программ психологической поддержки, направленных на повышение уверенности в себе, снижение внутриличностного конфликта и укрепление профессиональной идентичности как ресурсного механизма у молодых людей, переживающих смысложизненный кризис.

Литература

1. Доржиева М. О., Гармаева Н. Б. Особенности ценностных и смысложизненных ориентаций первокурсников с различным статусом профессиональной идентичности // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – №2. – С. 73-78.
2. Калинин В. С., Чернов А.В. Особенности смысложизненных состояний студентов // Психология психических состояний : сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции для студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей вузов (Казань, 24–25 февраля 2022 г.) / составитель А. В. Климанова ; под общей редакцией М. Г. Юсупова, А. В. Чернова. – Казань : Издательство Казанского университета, 2022. – Вып. 16. – С. 227–233.
3. Карпинский К. В. Психология смысложизненного кризиса : монография. – Гродно : ГрГУ, 2019. – 623 с.
4. Кусакина Е. А. Соотношение понятий "самовосприятие" и "самопознание" в научных исследованиях // Научные достижения 2023: гуманитарные и социальные науки : сборник материалов XLI Международной очно-заочной научно-практической конференции (Москва, 04 декабря 2023 г.). – Москва : Империя, 2023. – Т. 1. – С. 10–11.
5. Маковецкая Е. Н. Теоретические аспекты исследования профессиональной идентичности // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 4. – С. 126-129.
6. Сидоров К. Р. Методика Дембо-Рубинштейн и её модификация // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2013. – №1. – С. 40-42.

7. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность : монография. – Москва: МОСУ, 2001. – 272 с.

8. Lu, T. C. The relationship between physical activity and prosocial behavior of college students: A mediating role of self-perception // PloS one. – 2022. – Vol. 17. – №8. – P. 27-59.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Взаимосвязь построения линии жизни и уровня жизнестойкости у несовершеннолетних осужденных

Левин Л.М.
Государственный университет просвещения
(г. Москва)
Научный руководитель – Дебольский М.Г.

.

Анализ официальной статистики показывает заметное снижение количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Уменьшилась также численность несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Это свидетельствует о положительных тенденциях динамики преступности несовершеннолетних и совершенствовании профилактической работы с подростками. Стал более сложным и качественный состав несовершеннолетних осужденных, которые все чаще отбывают наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления. Это требует разработки и внедрения дополнительных психопрофилактических программ для ресоциализации правонарушителей, что, в свою очередь, вызывает необходимость поиска дополнительных ресурсов у подростков и коррекции различных личностных особенностей. Одним из способов поиска таких ресурсов может являться изучение жизненного пути и его взаимосвязи с жизнестойкостью личности.

В качестве основных параметров изучения жизненного пути рассматривают возраст; события; такие взаимосвязанные структуры, как жизненная позиция, жизненная линия и смысл жизни (Дебольский М.Г., Войт Т.С., 2006).

С целью изучения восприятия собственного жизненного пути и особенностей жизнестойкости нами было проведено эмпирическое исследование среди несовершеннолетних осужденных. В опросе приняло участие 55 человек, из которых 30 – подростки, отбывающие наказание в местах лишения свободы, 20 – правонарушители, приговоренные к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества.

Для достижения поставленных целей и задач нами использовались следующие методы и методики: теоретический анализ литературы по теме исследования; опрос (анкетирование) и индивидуальное интервьюирование осужденных; методика «Линия жизни»; Тест жизнестойкости (Методика С.

Мадди, в адаптации Д.А. Леонтьева); контент-анализ информации, полученной в ходе интервью; анализ индивидуальных случаев (case study); применение методов математической обработки данных для проверки гипотез исследования.

В группе подростков, отбывающих наказание в воспитательной колонии, низкий уровень жизнестойкости продемонстрировали 15 человек, средний уровень жизнестойкости – 10 человек, высокий уровень жизнестойкости – 5 человек.

Теперь рассмотрим некоторые Линии жизни, построенные респондентами каждой группы. Так, один из осужденных данной группы, продемонстрировавших низкий уровень жизнестойкости, построил следующую Линию жизни: «в 10 лет попал в интернат-в 13 лет родилась сестра-в 14 лет получил паспорт-в 15 лет потерял семью-в 16 лет попал в детский дом (посадили маму)-в 17 лет попал в тюрьму». В данной Линии жизни мы видим, что у данного осужденного отсутствует какая-либо перспектива и планирование будущего, отсутствуют какие-либо планы или мечты, линия жизни заканчивается событием «посадили в тюрьму». При этом события, указанные на линии, касаются скорее каких-либо внешних обстоятельств или событий, зависящих не от самого осужденного, а от других людей. Также отсутствуют какие-либо события, происходящие по воле и инициативе подростка, а также события, последствием которого явилось попадание в колонию.

Рассматривая линию жизнь осужденного, показавшего средний уровень жизнестойкости, можно привести следующий пример: «рождение-пошел в школу-родилась сестра-закончил 9 классов-познакомился с девушкой-родилась дочка-поступил в ПТУ-сел в тюрьму-родился брат-будет совершеннолетие-выйду по УДО-буду жить со своей семьей и помогать родителям». Данная структура линии жизни представляет более подробный характер. Примечательно, что в данной линии жизни несовершеннолетний отметил событие «рождение» как важное. По сравнению с предыдущей линией жизни, указаны события, произошедшие в результате деятельности подростка («закончил 9 классов», «познакомился с девушкой», «родилась дочка», «поступил в ПТУ», «сел в тюрьму»). В данной линии жизни также присутствует и планирование будущего, которое включает в себя получение образования и продолжение построения семьи («закончу 11 классов», «выйду по УДО», «буду жить со своей семьей и помогать родителям»). В целом в данной линии жизни преобладают события категорий «образование» и «любовь/семья». Будущее носит достаточно позитивный характер. Однако в данной линии жизни отсутствует взаимосвязь между событием «сел в тюрьме»

и остальными событиями линии жизни. При этом, на наш взгляд, события будущего представлены несколько абстрактно, так как непонятно, что включает в себя помощь родителям и что необходимо, чтобы выйти по УДО.

Для категории осужденных, оказавшихся в группе с высоким уровнем жизнестойкости можно привести следующий пример: «родился-лучший друг оказался братом (7 лет)-отвели в зоопарк (8 лет)-в 9 лет подарили собаку-в 10 лет занял первое место по баскетболу-в 12 лет показали самую большую горку в городе-в 14 лет поехал в лагерь-в 15 лет познакомился с легендой граффити-в 15 лет поехал с семьей в путешествие-в 16 лет научился кататься и делать трюки мечты на велосипеде-в 17 лет нашел очень хороших людей, которые стали мне близкими-появилась девушка-нашел общий язык с родителями девушки-сам заработал и купил свой первый телефон-криминальная жизнь с друзьями-появился друг, на которого я могу положиться-попал в ВК-осознал свой поступок-понял, что такое семья-выйти по УДО-найти работу-получить образование». Данная линия жизни носит развернутый характер и интенсивность событий жизни. Большим ресурсом является достаточная самостоятельность подростка (самостоятельные заработки, нахождение общего языка с родителями девушки, осуществление мечты и пр.). По словам подростка, произошло осознание и осмысление своей жизни, поступков, социального окружения. Среди факторов риска выделяется событие «криминальная жизнь с друзьями», т.е. вхождение в антисоциальную группу. При этом события будущего носят более отчетливый характер.

Средний уровень жизнестойкости продемонстрировали 15 человек, а высокий уровень жизнестойкости – 10 человек. Примечательно, что в данной группе не было респондентов, продемонстрировавших низкий уровень жизнестойкости.

Рассмотрим пример линии жизни респондента, показавшего средний уровень жизнестойкости. Так, один из респондентов так сформулировал свою линию жизни: «родился-пошел в детский сад-пошел в школу-судимость». Здесь мы видим, что линия жизни представлена фактологическими событиями и этапами жизни, пройденными респондентом, однако отсутствуют какие-либо события, произошедшие в результате деятельности подростка, отсутствуют причинно-следственные связи как между всеми событиями в целом, так и между событиями «судимость» и остальными событиями жизни. При этом отсутствуют какие-либо события будущего.

Одним из примеров линии жизни осужденного из данной категории можно продемонстрировать так: «пошел в садик-пошел в школу-первые друзья-судимость-покупка машины-найти работу-семья-дети». Данная линия жизни содержит больше событий, однако события прошлого носят

перечисление фактов этапов жизни подростка, но при этом присутствуют события будущего, носящие больше формальный характер серии «работа-машина-семья-дети».

Полученные данные могут быть использованы при составлении индивидуальных программ психологического сопровождения подростков, максимально ее индивидуализируя с целью успешной вторичной социализации подростков. Перспективным направлением исследований представляется расширение выборки, а также сопоставление личностных качеств правонарушителей с особенностями построенной линией жизни.

Литература

1. Изучение и психокоррекция субъективной картины жизненного пути осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях: Методическое руководство / Под ред. М.Г. Дебольского, Т.С. Войт. – Санкт-Петербург.: Типография «А и Б». — 2006. — 71 с.

Психологические особенности женщин, поддерживающих отношения с мужчинами, отбывающими наказание в местах лишения свободы

Годжаева А.Э.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Отношения женщин с мужчинами, отбывающими наказание в местах лишения свободы, рассматриваются как контекст повышенного риска воспроизведения деструктивных сценариев близости. Теоретическая модель предполагает, что детская травматизация формирует небезопасные типы привязанности, которые в дальнейшем направляют партнерский выбор в сторону недоступного или требующего «спасения» партнера.

Цель исследования – эмпирическое сопоставление психологических особенностей женщин с опытом отношений с заключенными (n=30) и без такого опыта (n=30) по показателям детской травматизации, стилям привязанности, семейным паттернам и ролевым позициям.

Методы. Использованы авторский опросник детской травматизации (10 шкал, α=0,82), методика «анализ семейных взаимоотношений» Юстицкого, опросник «шкалы любви и симпатии» Зика–Рубина, а также категориальные переменные (роль «Спасатель», насилие от партнеров, готовность ждать).

Статистическая обработка: U-критерий Манна–Уитни, χ^2, корреляционный анализ Спирмена.

Основные результаты.

1. Детская травматизация. Статистически значимых различий по интегральному показателю детской травматизации между группами не выявлено (все $p>0,05$). Однако в группе женщин с заключенными наблюдается тенденция к более высоким баллам по шкале физического насилия ($p=0,09$). Таким образом, не столько уровень травматизации, сколько способ его трансляции в актуальные отношения является дифференцирующим фактором.

2. Стили привязанности. Женщины без опыта отношений с заключенными значимо чаще чувствуют себя комфортно в близких отношениях и не боятся быть брошенными ($p=0,01$). В группе с заключенными выявлена тенденция к большей потребности в личном пространстве ($p=0,09$), что соответствует избегающему полюсу привязанности. По показателям тревожной привязанности (страх разрыва, «цепляние») различия отсутствуют.

3. Ролевая позиция «Спасатель». Данная роль значимо чаще встречается у женщин с заключенными (45,8% против 19,5%, $p=0,02$). Это ключевой дифференцирующий признак, указывающий на склонность к созависимым паттернам и компенсации собственного травматического опыта через заботу о нуждающемся партнере.

4. Корреляции в группе с заключенными. Суммарный показатель детской травматизации положительно коррелирует с недоверием к партнеру ($\rho=0,44$, $p=0,03$) и обнаруживает тенденцию к связи с потребностью в личном пространстве ($\rho=0,39$, $p=0,06$). Роль «Спасатель» и опыт насилия от предыдущих партнеров ассоциированы с готовностью ждать осужденного до освобождения ($\chi^2=4,87$, $p=0,03$ и $\chi^2=3,92$, $p=0,05$ соответственно).

5. Дополнительно выявлены отрицательная связь между комфортом от близости и потребностью в пространстве ($\rho=-0,34$) и положительная связь между тревогой о разрыве и «цеплянием» ($\rho=0,46$), что подтверждает внутреннюю согласованность небезопасных стилей привязанности.

Семейные и категориальные переменные. По таким показателям, как тревожность, депрессивные эпизоды, полнота семьи в детстве, насилие от родственников, буллинг, насилие от партнеров (в анамнезе) статистически значимых различий между группами не обнаружено.

Полученные данные позволяют заключить, что психологический профиль женщин, выбирающих отношения с заключенными, характеризуется сочетанием избегающего компонента привязанности (дискомфорт в близости, потребность в дистанции) и ролевой позиции «Спасатель». Выявленная корреляция детской травматизации с недоверием к партнеру поддерживает

гипотезу о том, что ранний травматический опыт нарушает базовое чувство безопасности и способствует закреплению стратегий эмоциональной регуляции, которые затем актуализируются в отношениях с физически недоступным партнером. Парадоксальное влияние опыта насилия от предыдущих партнеров (повышение готовности ждать) интерпретируется как проявление механизма повторения попытки «исправить» прошлые травматические отношения в новом контексте.

Строгая медиаторная модель (привязанность как посредник между травмой и романтическими паттернами) в данном дизайне не проверялась, однако выявленная согласованность связей («травматизация → недоверие», «недоверие → избегающая позиция», «роль Спасатель → готовность ждать») эмпирически поддерживает теоретическую логику.

Таким образом, исследование показало, что психологические особенности женщин в отношениях с заключенными включают: (1) более низкий комфорт в близости и повышенную потребность в личном пространстве; (2) значимо более частое принятие роли «Спасатель»; (3) положительную связь детской травматизации с недоверием к партнеру; (4) ассоциацию роли «Спасатель» и опыта насилия с готовностью длительно ожидать партнера. Полученные результаты согласуются с моделью трансляции ранних сценариев близости через небезопасные типы привязанности.

Практическое значение. Результаты могут быть использованы в психокоррекционной работе с женщинами, вовлеченными в отношения с осужденными. Мишенями вмешательства должны стать: осознание роли «Спасатель» как дезадаптивного паттерна, формирование более надежного стиля привязанности через развитие навыков саморегуляции и распознавания триггеров эмоциональной угрозы, а также проработка раннего травматического опыта.

Литература

1. Дорфман Л.Я., Злоказов К.В. Метаиндивидуальная модель деструктивности // Психология. Журнал ВШЭ. – 2017. – Т. 14. – № 1. – С. 105–122.

2. Куфтяк Е. В. Факторы становления совладающего поведения в детском возрасте // Психологические исследования : электронный научный журнал. – 2012. – № 2 (22). – С. 4. – URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/656-kuftyak22.html (дата обращения: 05.05.2026).

3. Сукиасян С.Г., Шахназарян А.С. Агрессия и личность // Психология и Психотехника. – 2013. – № 2. – С. 158–166.

4. Тарабрина Н.В., Майн Н.В. Индивидуальная и межпоколенческая психотравматизация усыновителей и качество приемной семьи (эмпирическое исследование) // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7. – № 34. – С. 11. – URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 05.05.2026).

Психологическое благополучие, резильентность и личностные черты у женщин, отбывающих наказание

Кубахова Е.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Делибалт В.В.

В современном обществе проблема психологического благополучия личности приобретает особую значимость в контексте социально уязвимых групп, к числу которых относятся женщины, отбывающие наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Важно изучить личностные ресурсы у лиц, пребывающих в местах лишения свободы, так как они могут смягчить процесс адаптации к новой среде, а также в дальнейшем будут способствовать успешной ресоциализации. При этом несмотря на растущий интерес к проблеме психического здоровья осужденных, исследования, направленные на комплексный анализ взаимосвязи психологического благополучия, резильентности и личностных черт у женщин, отбывающих наказание, остаются недостаточно систематизированными. В научной литературе преимущественно представлены фрагментарные данные, в особенности, направленные на негативные черты осужденных, не позволяющие в полной мере раскрыть механизмы психологической устойчивости и уязвимости данной категории лиц.

Цель исследования заключается в выявлении и описании особенностей психологического благополучия, резильентности и личностных черт у женщин, отбывающих наказание.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что существуют статистически значимые связи между выраженностью негативных личностных черт (темная тетрада), склонностью к антисоциальной креативности, с одной стороны, и уровнем психологического благополучия и резильентности — с другой, у женщин, отбывающих

наказание. Эти связи различаются в зависимости от типа совершенного преступления.

В соответствии с этим нами были выдвинуты следующие частные гипотезы:

Существуют статистически значимые различия между группами осужденных женщин, совершивших насильственные и корыстные преступления, по показателям жизнестойкости, личностного роста, садизма и антисоциальной креативности (более высокие в группе насильственных преступлений).

Выраженность негативных личностных черт и антисоциальной креативности отрицательно коррелирует с общими показателями психологического благополучия и резильентности у женщин, отбывающих наказание.

Характеристика материала исследования. После предварительного анализа результатов выборку эмпирической части исследования составило 112 респондентов женского пола – осужденные женщины, отбывающие наказание в ФКУ ИК-5 ГУФСИН от 23 до 68 лет. Выборка была разделена на 3 группы:

Группа «АН» – лица, отбывающие наказание за преступления агрессивно-насильственного характера против личности – 40 человек.

Группа «Эк» – лица, отбывающие наказание за преступления экономического характера – 32 человека.

Группа «Нар» – лица, отбывающие наказание за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств – 40 человек.

Методики исследования: Авторская демографическая анкета; «Шкала психологического благополучия К. Рифф» (PWB-M) в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной; «Краткая шкала резильентности» (BRS) в адаптации А. А. Золотаревой, Л.А. Александровой и В. И. Марковой; «Краткий тест жизнестойкости Мадди» в адаптации Е.Н. Осина, Е.И. Рассказовой; «Короткий опросник Темной тетрады» (SD4) в адаптации Д.С. Корниенко, В.К. Вязовкиной, И.С. Горностаева; «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (MCBS) в адаптации С.Н. Ениколопова, О.В. Митиной, Н.В. Мешковой, И.А. Мешкова.

Психологическое благополучие – это интегративный показатель полноценного личностного функционирования, который включает в себя самопринятие, автономность, осмысленность жизни и качество социальных связей. Успешность адаптации к пенитенциарной среде напрямую сопряжена с сохранностью ресурсов: механизмов жизнестойкости и резильентности. Резильентность выступает динамической системой внутренних и внешних ресурсов, обеспечивающих способность личности сохранять

функциональность и восстанавливаться в условиях хронического стресса, при этом определяя скорость и эффективность адаптивного реагирования, в то время как жизнестойкость отражает именно личностное качество, помогающее справляться со сложными ситуациями и легко адаптироваться в них, сохраняя внутреннюю целостность и индивидуальность. Антисоциальная креативность проявляется как специфическая форма реализации креативного потенциала в условиях социальной депривации и может выполнять компенсаторную и адаптационную функцию.

Выявленная структура значимых различий между группами отражает психологическую специфику типов преступного поведения. Группа «Эк» проявляет наиболее адаптивные характеристики и минимальный уровень садизма, что может свидетельствовать о сохранности личностных ресурсов. Группа «Нар» занимает промежуточное положение, выделяясь наиболее высоким уровнем личностного роста. Группа «АН» демонстрирует наименее благоприятный профиль с низким уровнем жизнестойкости, низкими показателями личностного роста, наличием проблем в установлении позитивных отношений.

Выявленные корреляционные связи свидетельствуют о том, что показатели психопатии и садизма демонстрируют отрицательную связь с показателями резильентности и психологического благополучия, что указывает на их деструктивную и дезадаптивную роль. Показатели нарциссизма, напротив, демонстрируют положительные корреляции с большинством ресурсных показателей, что позволяет рассматривать умеренные проявления данной черты как адаптивный компенсаторный механизм в условиях пенитенциарной среды. Выявленные корреляции также свидетельствуют о том, что феномен антисоциальной креативности и его компоненты выступают как дезадаптивная личностная характеристика, снижающая ресурсный потенциал личности. Склонность к обману, причинению вреда и нестандартным деструктивным способам взаимодействия препятствует формированию позитивного самоотношения, осмысленных жизненных перспектив и ощущения собственной эффективности. Женщины, использующие деструктивные креативные стратегии, в условиях пенитенциарной среды сталкиваются с внутренними конфликтами и отсутствием близких доверительных отношений, что закономерно снижает уровень резильентности, психологического благополучия и их способность к ресоциализации.

По итогам проведенной работы основная гипотеза исследования была подтверждена, частные гипотезы подтвердились частично.

Полученные результаты могут быть использованы в деятельности психологических служб учреждений УИС при разработке программ психологического сопровождения осужденных женщин. Выявленные взаимосвязи между показателями благополучия, резильентности и личностных черт позволят более точно определять группы психологического риска, индивидуализировать профилактическую и коррекционную работу, а также повышать эффективность мероприятий, направленных на психологическую адаптации.

Литература

1. Александров Б. В., Тавтилова Н. Н., Скрипкина Т. П. Психологические особенности личности осужденных, влияющие на адаптацию к условиям отбывания наказания // Прикладная юридическая психология. – 2021. – № 4 (57). – С. 27–34. – DOI: 10.33463/2072-8336.2021.4(57).027-034.

2. Болаева Г. Б., Аббасова Э. С., Аманова Г. М. Теоретические подходы к пониманию психологического и субъективного благополучия // Международные научные студенческие чтения – 2025 : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. – Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2025. – С. 55–58.

3. Валиева Ф. И. Резилиантность: подходы, модели, концепции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12, Психология. Социология. Педагогика. – 2014. – № 2. – С. 39–50.

4. Мешкова Н. В., Ениколопов С. Н. Асоциальная креативность: исследования в психологии // Вестник практической психологии образования. – 2017. – № 2 (51). – С. 53–57.

5. Характеристика личности осужденного (социально-психологический портрет) : учеб.-метод. пособие / под ред. О. Г. Ковалева. – Москва: НИИ УИС Минюста России, 2004. – 56 с.

Кризис идентичности, экзистенциальная исполненность и суверенность психологического пространства у осужденных женщин

Тарасенко Д.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Делибалт В.В.

Кризис идентичности, экзистенциальная исполненность и суверенность психологического пространства у осужденных женщин представляют собой взаимосвязанные личностные феномены, которые претерпевают значительные изменения под воздействием условий лишения свободы. Актуальность исследования определяется необходимостью повышения эффективности программ ресоциализации осужденных женщин, которое невозможно без понимания глубинных изменений личности в условиях изоляции. Несмотря на значительное число работ, посвящённых психологии осужденных, комплексных исследований, объединяющих данные конструкты на женской пенитенциарной выборке, недостаточно. По данным eLibrary за 2021-2025 гг. не зафиксировано ни одной публикации о кризисе идентичности у осужденных, по экзистенциальной исполненности найдено четыре, по суверенности – две.

Проблема исследования заключается в отсутствии четких представлений о том, каким образом кризис идентичности, переживание осмысленности и сохранность личных границ сопряжены друг с другом у осужденных женщин, которое не позволяет создавать адресные программы психологического сопровождения, выстраивать эффективную систему психологической помощи, ориентированную на ресоциализацию и предупреждение повторных преступлений.

На данный момент психологическая наука располагает значительным объемом теоретических знаний, касающихся каждого из изучаемых феноменов. Кризис идентичности, согласно Н.А. Самойлик, представляет собой дестабилизацию личностной, социальной и деятельностной сфер, не привязанную к возрасту и провоцируемую внешними и внутренними факторами (Самойлик Н. А., 2010). В модели Дж. Марсиа выделяются статусы идентичности, отражающие различные исходы кризиса: диффузная идентичность, мораторий, преждевременная фиксация и достигнутая идентичность (Шнейдер Л. Б., 2001). Экзистенциальная исполненность, в свою очередь, в концепции А. Лэнгле рассматривается как интегральное переживание осмысленности жизни, реализуемое через способности к самодистанцированию, самотрансценденции, свободу и ответственность

(Лэнгле А., 2016). Суверенность психологического пространства, по С.К. Нартовой-Бочавер, охватывает шесть сфер приватности – тело, территорию, вещи, привычки, социальные связи и ценности, – обеспечивая личностную автономию и адаптацию (Нартова-Бочавер С.К., 2017). Эти теоретические положения создают основу для изучения исполненности, идентичности и суверенности в условиях заключения.

Для эмпирического исследования была сформирована выборка из 126 осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительной колонии общего режима. На основании авторской анкеты респонденты были разделены по категории совершенного преступления (против личности – 42 чел., против собственности – 39 чел., незаконный оборот наркотиков – 45 чел.) и по длительности пребывания в местах лишения свободы (до 1,5 лет – 44 чел., от 1,5 до 3 лет – 42 чел., более 3 лет – 40 чел.).

В батарею методик вошли: «Шкала экзистенции» (А. Лэнгле, К. Орглер, в адаптации И.Н. Майниной), «Опросник кризиса идентичности» (Н.А. Самойлик, Н.В. Дмитриева), методика «Суверенность психологического пространства» (С.К. Нартова-Бочавер) и «Методика исследования личностной идентичности» (Л.Б. Шнейдер).

Эмпирический анализ позволил выявить следующие результаты. Установлено, что наиболее высокий уровень общего кризиса идентичности, а также его эмоционального, сексуального и стрессового компонентов, и одновременно наиболее низкие показатели суверенности территории и мира вещей обнаружены у женщин, осужденных за незаконный оборот наркотиков. Можно предположить, что зачастую совершению данных преступлений сопутствует хроническая наркотизация и соответствующий ей образ жизни, для которого характерны утрата контроля над личным пространством, постоянная внешняя угроза и разрушение ценностных ориентиров, которые могут обуславливать неустойчивость самовосприятия, а попадание в исправительное учреждение усугубляет уже дезорганизованную личностную структуру и обостряет кризисные переживания.

Далее, сравнение силы корреляционных связей между группами показало, что у осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, по сравнению с совершившими насильственные преступления, значительно теснее сопряжены: общий кризис идентичности и суверенность территории и ценностей, т.е. чем выше общий кризис идентичности, тем ниже суверенность территории и ценности. Экзистенциальная исполненность и суверенность мира вещей и территории, т.е. чем ниже экзистенциальная исполненность, тем ниже суверенность территории и мира.

Это свидетельствует о том, что для женщин, совершивших наркопреступления личное пространство, материальные предметы и ценностные ориентиры становятся наиболее значимыми опорами для идентичности и осмысленности жизни. Восстановление именно этих сфер суверенности может выступать ресурсом психологической помощи данной категории осуждённых.

Также были получены результаты для групп, выделенных по длительности пребывания в условиях лишения свободы. Экзистенциальная исполненность возрастает с увеличением времени, проведённого в изоляции. Наиболее низкие значения компонентов этого феномена, а также субъективного восприятия стресса наблюдаются у женщин, находящихся в заключении менее полутора лет, что позволяет рассматривать начальный этап как период острого экзистенциального переживания. По мере адаптации к режимным условиям (1,5-3 года и после 3-х лет) личность, вероятно, находит новые внутренние ресурсы, восстанавливает свое ощущение осмысленности. В то же время ощущение суверенности остается относительно стабильным и не зависит от длительности изоляции. Этот результат говорит о том, что базовое чувство защищенности личных границ является скорее устойчивой личностной чертой, сформированной предшествующим опытом, а не сводится к непосредственному влиянию условий заключения.

Сила корреляционных связей также зависит от срока нахождения в заключении. У женщин, находящихся в изоляции менее полутора лет, выявлены более тесные связи: общий кризис сильнее связан с депривацией территории, т.е. чем выше общий кризис идентичности, тем ниже суверенность территории, а экзистенциальность – с контролем над миром вещей, т.е. чем выше экзистенциальность, тем выше суверенность мира вещей. По мере увеличения срока эти связи ослабевают и стабилизируются. Можно предположить, что первое время после осуждения переживается как период дезадаптации, когда внешние компоненты суверенности приобретают большую значимость для поддержания идентичности и осмысленности. Со временем, по мере адаптации к условиям изоляции и выработки внутренних механизмов совладания, состояние перестает сильно зависеть от сохранности территории и вещей.

Таким образом, тип совершённого преступления и длительность заключения по-разному сказываются на характере взаимосвязей между кризисом идентичности, экзистенциальной исполненностью и суверенностью психологического пространства. Полученные результаты обосновывают необходимость индивидуального психологического сопровождения, а именно на начальном этапе отбывания наказания важна поддержка экзистенциальных

ресурсов и снижение влияния стрессогенных факторов, а для осуждённых за наркопреступления основными направлениями должны стать восстановление суверенности территории и вещного мира, а также укрепление ценностно-смысловой сферы.

Литература

1. Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Логотерапия как средство оказания помощи в жизни. – Москва: Генезис, 2016. – 144 с.
2. Нартова-Бочавер С.К. Психология суверенности: десять лет спустя. — Москва: Смысл, 2017. — 200 с.
3. Самойлик Н. А. Феноменология кризиса идентичности // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 6 (25), ч. 2. – С. 119–121.
4. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: Монография. Москва: МОСУ, 2001. – 272 с.

Взаимосвязь ценностных ориентаций и эмоционального интеллекта у осужденных к лишению свободы и осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества

Шевякова А.Д.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Переправина Ю.О.

Высокий уровень рецидивной преступности в Российской Федерации свидетельствует о необходимости совершенствования психологических подходов к ресоциализации осужденных. Ценностные ориентации и эмоциональный интеллект выступают ключевыми регуляторами социального поведения, однако их взаимосвязь у лиц с различными условиями отбывания наказания остается недостаточно изученной. Понимание данной специфики позволит разработать дифференцированные программы психологической коррекции, направленные на формирование правопослушного поведения и снижение рецидива.

Цель исследования – выявить особенности и характер взаимосвязи ценностных ориентаций и эмоционального интеллекта у осужденных к лишению свободы (ИК) и осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества (условно осужденные, УО).

Выборка и методы. В исследовании приняли участие 60 мужчин в возрасте от 20 до 55 лет, разделенных на две группы: осужденные,

отбывающие наказание в исправительной колонии общего режима (n=30), и условно осужденные, состоящие на учете в уголовно-исполнительной инспекции (n=30). Использовался комплекс методик: «Ценностные ориентации» М. Рокича, тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, опросник эмоционального интеллекта (ЭмИн) Д.В. Люсина. Статистическая обработка включала описательную статистику, U-критерий Манна–Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Статистическая обработка проводилась с использованием программ Psychometric Expert и SPSS.

Результаты. Сравнительный анализ выявил статистически значимые различия между группами ($p<0,01$–$p<0,001$). Осужденные в ИК демонстрируют значимо более высокий уровень межличностного эмоционального интеллекта (МЭИ), понимания чужих эмоций (МП) и управления чужими эмоциями (МУ). Наиболее выраженное различие получено по шкале «Управление чужими эмоциями» (разница 3,75 балла, $p=0,004$). В группе ИК сформирован специфический профиль «манипулятора»: высокий межличностный ЭИ (44,77) при дефиците управления своими эмоциями (15,40 при норме 19,0). В группе УО профиль иной: внутриличностный ЭИ (47,5) выше межличностного (39,2), что означает лучшее понимание себя, чем других.

По ценностным ориентациям наиболее значимые различия ($p<0,05$) выявлены по шкалам: «Активная деятельная жизнь» (выше в ИК), «Общественное признание» (выше в ИК), «Счастье других» (выше в УО), «Аккуратность» (выше в ИК), «Жизнерадостность» (выше в УО), «Твердая воля» (выше в УО). Общей проблемой обеих групп является дефицит ценности «самоконтроль» (9,00–7,00 при норме) и низкий уровень управления своими эмоциями (ниже нормы, $p<0,001$).

Корреляционный анализ показал, что в группе ИК межличностный ЭИ имеет отрицательные связи с просоциальными ценностями (честность, терпимость), что подтверждает манипулятивный характер. В группе УО, напротив, выявлены положительные связи здоровья и жизнерадостности с ЭИ, а также сильные корреляции всех компонентов ЭИ с осмысленностью жизни (r до 0,82). «Уверенность в себе» в обеих группах отрицательно связана с ЭИ, что может отражать защитный, компенсаторный характер данной ценности у лиц, совершивших преступление.

По методике СЖО статистически значимых различий между группами не выявлено ($p>0,05$ по всем шкалам). Обе группы демонстрируют сниженный уровень осмысленности жизни (95,5 при норме 105,6). Наиболее выраженное снижение — по шкале «Процесс жизни» (неудовлетворенность настоящим).

При этом в группе ИК снижена вера в себя (локус контроля-Я: 20,00 при норме 21,13), а в группе УО — вера в управляемость жизни (локус контроля-жизнь: 26,89 при норме 30,14).

Выводы. Условия отбывания наказания (изоляция/отсутствие изоляции) выступают значимым предиктором различий в структуре ценностных ориентаций и уровне эмоционального интеллекта. В группе осужденных, отбывающих наказание в условиях исправительного учреждения, формируется манипулятивный профиль межличностного эмоционального интеллекта, в группе условно осужденных, к наказаниям, не связанным с лишением свободы сохраняется просоциальный ценностный комплекс. Профиль эмоционального интеллекта характеризуется преобладанием внутриличностного компонента (лучшее понимание себя, чем других). Дефицит управления своими эмоциями является общей проблемной зоной для всех осужденных, независимо от вида наказания. Это определяет единую мишень для коррекционных программ. «Уверенность в себе» в обеих группах имеет устойчивые отрицательные корреляции с эмоциональным интеллектом, что позволяет интерпретировать данную ценность как компенсаторную, защитную, не связанную с реальной эмоциональной компетентностью.

Полученные результаты могут быть использованы для разработки дифференцированных программ психологического сопровождения осужденных, что в итоге способствует снижению рецидивной преступности и успешной ресоциализации.

Субъективная стрессогенность различных исполнительных действий и эмоциональное выгорание судебных приставов

Старобинская М.П.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Луковцева З.В.

Федеральная служба судебных приставов – федеральный орган исполнительной власти, который осуществляет функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности (Бергис Т.А., 2022). Профессиональная деятельность судебных приставов подразумевает под собой частое столкновение со стрессовыми ситуациями (например, при взаимодействии с должниками, охране суда и т. п.) в условиях негативного отношения существенной части общества к институту приставов (Дубровина М.А., 2016). Дополнительные угрозы для психологического благополучия приставов несут многозадачность, строгая регламентированность труда и необходимость оперативного реагирования на потенциально опасные ситуации, работа в условиях постоянной концентрации и мобилизации как нервно-психических, так и физических ресурсов (Дьячкова Е.В., 2021; Самоукина Н.В., 1999).

В совокупности перечисленные факторы создают риск развития эмоционального выгорания, что может негативно сказываться на профессиональной деятельности и различных аспектах жизни приставов вне работы. Совокупный анализ литературы позволяет предположить, что субъективная стрессогенность конкретных исполнительных действий в существенной степени будет связана с индивидуальным восприятием, личной оценкой таковых самим приставом. Детальное описание этой связи необходимо для совершенствования практики превенции выгорания в обсуждаемой профессиональной группе, а также своевременной диагностики и коррекции проявлений выгорания в случаях его возникновения.

Тут следует отметить, однако, что профессиональные обязанности разных категорий судебных приставов существенно различаются по степени стрессогенности в целом и опасности для жизни и здоровья – в частности. Таким образом, определение особенностей субъективной стрессогенности и

эмоционального выгорания у различных категорий судебных приставов видится необходимым звеном в решении актуальных проблем психологического сопровождения представителей данной профессии. Именно такую цель преследовало эмпирическое исследование, результаты которого будут здесь описаны.

Гипотезами исследования послужили предположения о том, что:

У судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов эмоциональное выгорание выражено в большей степени, чем у судебных приставов – исполнителей.

Исполнительные действия судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов имеют большую субъективную стрессогенность, чем у судебных приставов – исполнителей.

Выборка включала 60 сотрудников Федеральной службой судебных приставов РФ и была разделена на две группы по критерию содержания профессиональной деятельности испытуемых. Первую группу составили 30 судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов (25 мужчин в возрасте от 22 до 55 лет с общим стажем от 1 года до 38 лет и 5 женщин в возрасте от 23 до 51 года с общим стажем от 3 до 23 лет). Представители этой группы имели среднее профессиональное или высшее юридическое образование. Вторая группа состояла из 30 респондентов, являвшихся судебными приставами-исполнителями (12 мужчин в возрасте от 30 до 47 лет, имеющие высшее юридическое образование, с общим стажем от 1,5 до 20 лет и 18 женщин в возрасте от 26 до 45 лет с общим стажем от 1 до 24 лет). Все представители этой группы имели высшее юридическое образование. Далее первая группа будет именоваться «Приставы по ОУПДС», а вторая - «Приставы-исполнители».

Методы исследования:

Интервью, целью которого было получение социально-демографических сведений об испытуемых и информации о содержании их профессиональной деятельности.

Формализованная психодиагностика (диагностика профессионального выгорания с помощью опросников MBI К. Маслач, С. Джексон и В.В. Бойко, а также определение уровня стресса по опроснику И.О. Котенева).

Математико-статистическая обработка с помощью критерия U-критерия Манна-Уитни.

При анализе данных, полученных по трем методикам в целом по выборке, мы сделали следующие наблюдения. Наиболее выраженными компонентами эмоционального выгорания оказались эмоциональное истощение и деперсонализация, а среди фаз выгорания наиболее

сформированной оказалась фаза напряжения и фаза резистенции. Кроме того, среди наиболее высоких показателей стресса в целом по выборке можно назвать ПТСР, ОСР и депрессию.

Сравнить результаты, полученные в двух вышеописанных группах, позволил U-критерий Манна-Уитни.

Характеризуя различия по компонентам и фазам эмоционального выгорания, можно выделить ряд значимых результатов сравнения групп. Если говорить об опроснике Маслач-Джексон, то в группе приставов-исполнителей оказались достоверно более высокие показатели по шкалам «эмоциональное истощение» ($p<,001$) и «деперсонализация» ($p<0,05$). Интересно также, что по параметру «Редукция личных достижений» различия отсутствуют. Это означает, что судебные приставы-исполнители более склонны испытывать апатичные состояния, сниженное настроение, формальное негативное отношение к коллегам и другим участникам их профессиональной деятельности, чем приставы по ОУПДС.

Переходя к опроснику В.В. Бойко, можно выделить фазы и отдельные симптомы выгорания, отличающие одну группу приставов от другой на значимом уровне. Результаты приставов-исполнителей по шкалам «Фаза напряжения» ($p<,001$) и «Фаза резистенции» ($p<0,05$) оказались значимо выше, чем у приставов по ОУПДС. Отличий одной группы от другой по «Фазе истощения» не обнаружено. Полученные данные говорят о том, что судебные приставы-исполнители больше подвержены стрессу, тревоге, неудовлетворенности собой, отчаянию, ощущению безвыходности и беспомощности, они имеют большую склонность к «экономии» эмоций, потребности в самооправдании, сокращению или упрощению профессиональных обязанностей, которые являются эмоционально затратными.

Наконец, сравнивая группы приставов по уровню стресса (опросник Котенева И.О.), также удалось обнаружить значимые различия. Они выявлены по шкалам «ПТСР» ($p<0,01$), «ОСР» ($p<0,01$) и «Шкала депрессии» ($p<0,05$). Таким образом, можно сделать вывод о том, что судебные приставы-исполнители чаще сталкиваются с травматическими событиями, эмоциональной «отключенностью», ухудшением качества жизни, апатией, плохим самочувствием, раздражительностью, снижением мотивации, ощущением нереальности происходящего, нарушениями памяти и внимания и депрессивными состояниями, чем приставы по ОУПДС.

Полученные результаты не подтверждают выдвинутые гипотезы. У судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов эмоциональное выгорание выражено в меньшей степени, чем у

судебных приставов – исполнителей. Исполнительные действия судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов имеют меньшую субъективную стрессогенность, чем у судебных приставов – исполнителей.

Литература

1. Бергис Т. А. Психология стресса: электронное учебное пособие. — Тольятти: Изд-во ТГУ, 2022. — 96 с.
2. Дубровина М. А., Меметов Р. Ш. Профессиональный стресс госслужащих в процессе делового общения // Труды Братского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2016. – Т. 1. – С. 20-23.
3. Дьячкова Е. В. Влияние специфики профессиональной деятельности на формирование синдрома эмоционального выгорания у судебных приставов-исполнителей // Молодой ученый. — 2021. — № 52 (394). — С. 298–300 (дата обращения: 19.04.2025).
4. Самоукина Н. В. Психология и педагогика профессиональной деятельности. Москва: Тандем, КМОС, 1999. – 352 с.

Взаимосвязь травматического стресса, агрессивных реакций и невротических состояний у сотрудников МЧС

Унжакова В.В.
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
(г. Новосибирск)
Научный руководитель – Рубцова М.О.

В профессиональной деятельности сотрудников МЧС травматический стресс возникает как реакция на экстремальные, угрожающие жизни ситуации. Его ключевыми проявлениями служат вторжение навязчивых воспоминаний, активное избегание травматических напоминаний и стойкая физиологическая гиперактивация. Такой стресс не только истощает адаптационные ресурсы организма, но и создаёт почву для развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Среди факторов риска — индивидуальные свойства нервной системы, профессиональный стаж (особенно период 5–10 лет), систематическое столкновение со смертью и страданиями людей, а также неблагоприятный психологический климат в коллективе (Кадыров Р. В., 2024).

Агрессивные реакции при стрессе представляют собой сложный комплекс эмоциональных (гнев), когнитивных (враждебность) и поведенческих компонентов, включая физическую и вербальную агрессию. В определённых пределах они могут выполнять защитную функцию, однако при закреплении становятся дезадаптивными (Самонов А.П., 1982)

Невротические состояния — тревога, астения, вегетативные нарушения — рассматриваются как функциональные, обратимые расстройства, формирующиеся на фоне хронического стрессового воздействия (Малкина-Пых И. Г., 2005).

Актуальность исследования обусловлена высокой психотравматизацией сотрудников МЧС: симптомы травматического стресса выявляются у 10–30% специалистов экстренных служб. Профессиональная деятельность пожарных и спасателей связана с постоянным воздействием экстремальных факторов, что нередко сопровождается развитием агрессивных реакций и невротических состояний. Понимание взаимосвязи этих феноменов необходимо для сохранения психологического здоровья и профессиональной эффективности сотрудников.

Объект исследования: травматический стресс.

Предмет исследования: взаимосвязь травматического стресса, агрессивных реакций и невротических состояний у сотрудников МЧС.

Цель исследования: выявить взаимосвязь травматического стресса, агрессивных реакций и невротических состояний у сотрудников МЧС.

Гипотеза: существует взаимосвязь между травматическим стрессом, агрессивными реакциями и невротическими состояниями у сотрудников МЧС, а именно:

1) чем выше показатели травматического стресса (особенно избегание, вторжение, гиперактивация и общий ПТСР), тем сильнее выражены агрессивные реакции (обида, враждебность, раздражение, подозрительность, вербальная агрессия, чувство вины, особые реакции) и наоборот;

2) чем выше травматический стресс, тем сильнее выражены невротические проявления (тревога, истерические реакции, вегетативные нарушения) и наоборот.

Методы исследования: теоретический анализ научных источников, психодиагностическое тестирование, количественный и качественный анализ эмпирических данных, методы математической статистики (корреляционный анализ по методу ранговой корреляции Спирмена).

Методики исследования:

1) «Опросник травматического стресса» (ОТС) И. О. Котенёв, 1996;

2) «Опросник невротических состояний» в авторстве К. К. Яхин-Менделеевич, 1978;

3) «Методика измерения уровня агрессивности» А. Басс, А. Дарки, 1957.

Выборка исследования: сотрудники ГУ МЧС России по Красноярскому краю. Общее число респондентов составило 50 человек. Средний возраст испытуемых ± 30 лет. 100% испытуемых – мужчины.

Результаты эмпирического исследования:

Первичный анализ показал, что средние значения по всем шкалам травматического стресса находятся в пределах нормы (события травмы – 6,4; вторжение – 12,8; избегание – 16,5; гиперактивация – 17,7; дистресс – 7,2; ПТСР – 60,6). Это свидетельствует об отсутствии клинически выраженных симптомов ПТСР и высокой психологической устойчивости выборки.

По агрессивным реакциям показатели физической, косвенной агрессии, раздражения и подозрительности находятся в зоне умеренной выраженности, что отражает профессионально адаптивный агрессивный потенциал. Остальные шкалы – в пределах нормы.

По невротическим состояниям все средние значения превышают порог +1,28 (с учётом обратной направленности шкал), что соответствует «уровню здоровья»: нет клинически выраженной тревоги, депрессии, астении, истерических, обсессивно-фобических и вегетативных расстройств.

Корреляционный анализ выявил 35 значимых взаимосвязей (17 на $p \leq 0,05$ и 18 на $p \leq 0,01$), подтверждающих гипотезу.

Наиболее сильные и многочисленные связи обнаружены между шкалой «избегание» и агрессивными реакциями: прямая сильная корреляция с обидой ($r=0,68$), враждебностью ($r=0,60$), особыми реакциями ($r=0,53$), раздражением ($r=0,52$), подозрительностью ($r=0,50$), чувством вины ($r=0,50$). Также выявлены средние связи с вербальной агрессией ($r=0,33$), негативизмом ($r=0,27$) и косвенной агрессией ($r=0,21$). Обратная сильная связь с вегетативными нарушениями ($r=-0,41$) с учётом направленности шкал означает: чем выше избегание, тем сильнее вегетативная симптоматика.

Шкала «вторжение» положительно коррелирует с обидой ($r=0,43$), вербальной агрессией ($r=0,34$), раздражением ($r=0,29$), чувством вины ($r=0,29$) и отрицательно – с вегетативными нарушениями ($r=-0,41$).

Шкала «гиперактивация» связана с раздражением ($r=0,44$), обидой ($r=0,39$), особыми реакциями ($r=0,35$), негативизмом ($r=0,33$), враждебностью ($r=0,32$), вербальной агрессией ($r=0,31$). Обратные связи – с тревогой ($r=-0,32$) и вегетативными нарушениями ($r=-0,32$).

Общий показатель ПТСР коррелирует с обидой ($r=0,46$), враждебностью ($r=0,37$), раздражением ($r=0,44$), особыми реакциями ($r=0,37$), вербальной

агрессией (r=0,32), подозрительностью (r=0,30), чувством вины (r=0,27). Обратные связи – с тревогой (r=-0,29), истерическим типом реагирования (r=-0,27) и вегетативными нарушениями (r=-0,42).

Шкала «дистресс» обнаружила прямую связь средней силы только с раздражением (r=0,40).

Таким образом, гипотеза исследования о наличии взаимосвязи между травматическим стрессом, агрессивными реакциями и невротическими состояниями у сотрудников МЧС нашла своё эмпирическое подтверждение.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Выявлены значимые прямые взаимосвязи между показателями травматического стресса (особенно избегание, вторжение, гиперактивация и общий ПТСР) и агрессивными реакциями: обидой, враждебностью, раздражением, подозрительностью, вербальной агрессией, чувством вины, особыми реакциями. Чем выше уровень травматического стресса, тем сильнее выражены дезадаптивные агрессивные тенденции и наоборот.

2. Обнаружены обратные корреляции между шкалами травматического стресса и шкалами невротических состояний (тревога, истерический тип, вегетативные нарушения), что с учётом направленности методик интерпретируется как прямые положительные связи: нарастание посттравматического стресса сопровождается усилением невротической симптоматики, особенно вегетативных расстройств.

Практическая значимость полученных данных заключается в возможности их использования в системе психологического сопровождения сотрудников МЧС – при диагностике, профилактике и коррекции стрессовых и невротических состояний, а также при разработке программ повышения стрессоустойчивости и формирования конструктивных способов эмоционального реагирования).

Литература

1. Кадыров Р. В. Посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD) : учебник и практикум для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 644 с.

2. Малкина-Пых И. Г. Экстремальные ситуации: справочник практического психолога. – Москва: Эксмо, 2005. – 960 с.

3. Самонов А. П. Психологическая подготовка пожарных. – Москва: Стройиздат, 1982. – 79 с.

Профессиональное выгорание у следователей Следственного комитета Российской Федерации

Фролова И.И.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель — Сафуанов Ф.С.

Проведённый теоретический анализ позволяет рассматривать профессиональное выгорание как сложный, многоуровневый психофизиологический и ценностно-смысловой синдром, возникающий у специалистов вследствие хронического дисбаланса между требованиями профессии и доступными личностными и организационными ресурсами. Его сущность заключается в триаде симптомов – эмоциональном истощении, деперсонализации и редукции профессиональных достижений, что проявляется на уровне утраты энергии, цинического отчуждения и обесценивания труда.
В российской и зарубежной науке данный феномен интерпретируется как результат длительного профессионального стресса, который поэтапно эволюционирует через стадии напряжения, резистенции и истощения, постепенно приводя к тяжёлым личностным и социальным последствиям. Эмоциональные и когнитивные нарушения, возникающие на ранних этапах, служат ранними индикаторами, а позднее к ним присоединяются поведенческие и психосоматические расстройства. Таким образом, своевременное выявление
и коррекция синдрома профессионального выгорания имеет принципиальное значение для сохранения психологического здоровья работников
и эффективности их профессиональной деятельности.

Проведённый анализ факторов профессионального выгорания позволяет утверждать, что этот синдром формируется под воздействием сложного комплекса взаимосвязанных причин, включающих внутренние и внешние компоненты. К внутренним факторам относятся индивидуально-психологические особенности личности: тип темперамента, уровень стрессоустойчивости, система ценностей, мотивация, копинг-стратегии, социально-психологическая компетентность и степень личностной зрелости. Внешние факторы связаны с организацией и содержанием труда, характером рабочей нагрузки, условиями рабочего места, социально-психологическим климатом коллектива, стилем управления и системой вознаграждения.

Именно взаимодействие этих групп факторов обусловливает степень уязвимости человека к хроническому профессиональному стрессу.

Анализ специфики профессионального выгорания у следователей Следственного комитета РФ показывает, что эта категория работников находится в зоне крайне высокого риска развития эмоционального и физического истощения вследствие постоянного воздействия сильных стрессоров. Особенности следственной деятельности – работа с травмирующими случаями, необходимость взаимодействия с жертвами и обвиняемыми, высокие требования к объективности и устойчивости, а также систематическая перегрузка и недостаток организационной поддержки – формируют постоянный фон хронического напряжения.

В данной работе решалась задача исследования уровня и структуры профессионального выгорания у следователей и проверки гипотезы о связи уровня профессионального выгорания с профессиональным стажем, специализацией и личностными характеристиками.

Эмпирическую базу составили данные, полученные при обследовании 40 следователей Следственного комитета Российской Федерации. Участники распределялись по профессиональному стажу: до 5 лет (n = 14), от 5 до 10 лет (n = 13), свыше 10 лет (n = 13); по специализации: следователи по экономическим преступлениям (n = 18) и по общеуголовным делам (n = 22).

Психодиагностический инструментарий включал четыре методики: (1) методику диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко; (2) пятифакторный личностный опросник (Big Five, 75-пунктная версия); (3) Индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик (ИТО); (4) 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (16PF, форма С).

Выявлена связь уровня профессионального выгорания с продолжительностью службы: наиболее резкий рост выгорания приходится на рубеж десяти лет – в группе «свыше 10 лет» средний и высокий уровень синдрома в совокупности зафиксирован у 84,6 % участников. Наиболее значимые различия обнаруживаются по суммарному показателю, а также по фазам напряжения и резистенции.

Статистически значимых различий по специализации следователя (расследование экономических или общеуголовных преступлений) не выявлено. Это указывает на системный, а не содержательно-специфический характер профессиональных стрессоров в следственной деятельности. Специфические стрессоры следственной деятельности в совокупности создают условия для прогрессирующего эмоционального истощения следователей
вне зависимости от их объекта расследования.

Личностными факторами риска развития эмоционального выгорания у следователей выступают высокая эмоциональная напряжённость, тревожность, бдительность (настороженность) и доминантность. В то же время нормативность поведения (добросовестность, ответственность, развитое чувство долга и ответственности) и высокий самоконтроль выполняют протективную функцию по отношению к формированию эмоционального выгорания.

Такие особенности следственной деятельности как работа с психотравмирующими случаями, необходимость взаимодействия с жертвами преступлений и обвиняемыми, высокие требования к объективности и устойчивости, а также систематическая перегрузка и недостаток организационной поддержки формируют постоянный фон хронического напряжения.

В целях профилактики на стадии профессионального отбора следователей рекомендуется применять методику 16PF Кеттелла и ИТО для выявление личностных факторов риска формирования эмоционального выгорания.

На рубеже 10 лет профессиональной деятельности следователей проводить диагностику эмоционального выгорания и при необходимости осуществлять психокоррекционные мероприятия.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В РАБОТЕ С КОНФЛИКТНЫМИ, КРИМИНАЛЬНЫМИ И ИНЫМИ СЛОЖНЫМИ СИТУАЦИЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Особенности посредничества в семейных конфликтах в Дагестане: традиции и современные практики

Абакарова Э.Г.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Ефремова Н.Н.

В многонациональном и многоконфессиональном обществе Дагестана семейные отношения сохраняют особую социальную и культурную значимость. Традиционные нормы (адаты, авторитет старейшин) продолжают играть важную роль в регулировании семейных конфликтов, часто сосуществуя и взаимодействуя с официальными правовыми механизмами (Магомедсалихов Х.Г., 2003). Исторически ключевым инструментом урегулирования споров в дагестанской культуре выступает посредничество - прежде всего институт маслаата (от араб. «общее благо»), представляющий собой процедуру примирения на основе посредничества уважаемых членов сообщества. В условиях частых и острых конфликтов, возникавших из-за земельных споров, убийств, оскорбления чести или достоинства, маслаат давал обществу возможность находить решения, приводящие к минимизации разрушительных последствий для общины.

Проблема посредничества в семейных конфликтах в Дагестане исследовалась в работах отечественных авторов, прежде всего применительно к мусульманским практикам урегулирования споров на Северном Кавказе (Гаджиева С.Ш., 1985; Магомедсалихов Х.Г., 2003). Теоретическую базу исследования также составили классические концепции социального конфликта (Козер Л., 2000; Дарендорф Р., 1994). Цель настоящей работы – выявить социально-психологические характеристики посредничества в семейных конфликтах в Дагестане и проследить соотношение традиционных и современных практик.

Маслаат как форма традиционного посредничества обладает рядом ключевых характеристик. Его целью является не просто юридическое разрешение спора, но восстановление социальной гармонии, сохранение

отношений и репутации сторон. Приоритет отдаётся сохранению долгосрочных отношений (семейных, соседских, родовых) даже ценой компромисса с формальной справедливостью. Процесс проходит с учётом минимизации публичного ущерба репутации семьи или человека, что объясняет стремление к конфиденциальности и деликатности. Стороны формально добровольно соглашаются на маслаат, но их согласие часто обусловлено социальным давлением и авторитетом посредника. Важной особенностью является восстановительная направленность: маслаат ориентирован не на наказание виновного, а на заглаживание вреда, причинённого потерпевшему, что сближает его с принципами современного восстановительного правосудия.

Процедура маслаата сочетала в себе религиозные, моральные и социальные элементы. При убийстве кровник (канлы) переселялся в отдалённый аул под покровительство кунака, его родственники выплачивали пострадавшей стороне материальную компенсацию (дият) и проходили через ритуалы публичного раскаяния. Сила маслаатного решения была безусловной: оно не подлежало апелляции, а месть после маслаата считалась тяжким преступлением (Магомедсалихов Х.Г., 2003).

Посредник в маслаате выбирался на основе репутации, возраста, морального авторитета и опыта разрешения конфликтов. Важнейшим принципом выступали беспристрастность и непредвзятость. В межобщинных спорах к третейскому суду привлекались соседние общины, не связанные с конфликтующими сторонами. Социально-психологическими характеристиками эффективного посредника являются умение слушать и понимать стороны конфликта, личная справедливость (нейтральность, отсутствие предвзятости), жизненный опыт, а также коммуникативные навыки, включая красноречие и способность убедительно говорить. Формальные атрибуты – возраст, родственные связи или религиозный статус – имеют подчинённое значение по сравнению с личной репутацией и реальной способностью помочь.

Эмпирическое исследование проводилось в Дахадаевском районе Республики Дагестан. Использован смешанный дизайн: полуструктурированные интервью с посредниками и анкетирование посредников и участников семейных конфликтов. Результаты показали, что основным мотивом посредничества является желание сохранить семью. Универсальным методом работы выступают индивидуальные беседы с каждой стороной, позволяющие выявить скрытые потребности и эмоциональное состояние участников. Давление и навязывание решений оцениваются сторонами как не сработавшие стратегии.

В современном дагестанском обществе наблюдается трансформация института посредничества. Авторитет традиционных посредников снижается, особенно среди молодёжи, которая чаще ориентируется на самостоятельное решение конфликтов или официальные инстанции. В то же время посредничество не исчезает: традиционные практики адаптируются, становятся более гибкими и в ряде аспектов сближаются с принципами восстановительного подхода. Ключевыми условиями успешного посредничества выступают добровольность, доверие к посреднику, сформированное на основе его личных качеств, и ориентация на взаимоприемлемое решение.

Выводы:

Традиционная практика маслаата в Дагестане представляет собой исторически сложившийся и эффективный механизм урегулирования семейных и межобщинных конфликтов, ориентированный на восстановление социальной гармонии.

Социально-психологическими характеристиками эффективного посредника являются умение слушать, личная справедливость, жизненный опыт и коммуникативные навыки; формальные атрибуты имеют подчинённое значение.

В современных условиях происходит трансформация посредничества: снижается роль общественного давления, возрастает значение добровольности и личных качеств посредника.

Традиционные практики адаптируются, что создаёт предпосылки для их интеграции с институтом профессиональной медиации в системе профилактики семейных конфликтов.

Литература

1. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – Москва: Наука, 1985. – 358 с.

2. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.

3. Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой. – Москва: Идея-Пресс, 2000. – 208 с.

4. Магомедсалихов Х. Г. Маслаат. Традиционные формы разрешения конфликтов у аварцев в XIX – нач. XX в. – Махачкала : Эпоха, 2003. – 174 с.

Психологические особенности конфликтующих партнеров, проявляющиеся в процессе урегулирования супружеских споров: теоретические основания и потенциал восстановительного подхода «Круги сообщества»

Алексейкова И.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Чиркина Р.В.

Супружеские конфликты выступают одним из наиболее значимых факторов дестабилизации современной семьи, оказывая выраженное негативное воздействие на устойчивость брачно-семейных отношений, психическое здоровье супругов и психосоциальное развитие детей. Согласно результатам эмпирических исследований, проведённых аналитическим центром НАФИ в 2025 году, 83 % респондентов, состоящих в зарегистрированном браке, отмечают наличие серьёзных проблем во взаимоотношениях. Доминирующими причинами конфликтов являются взаимное непонимание (32 %), финансовый стресс (27 %), вредные привычки (23 %), разногласия по вопросам воспитания детей (20 %) и дефицит эмоциональной поддержки (20 %). При этом лишь 14 % супружеских пар обращаются за профессиональной психологической помощью. Данные ВЦИОМ в 2025г. подтверждают высокую остроту проблемы: каждый десятый респондент указывает на случаи применения физической силы в семейных конфликтах, а недопонимание между супругами остаётся ведущей причиной разводов. Длительно протекающие супружеские конфликты способствуют развитию эмоционального выгорания, тревожно-депрессивных расстройств, психосоматической патологии и нарушению детско-родительских отношений (Feng Z., 2026; Lee J., 2024; Lee U., 2024; Lu B., 2024; Morbech M., 2024; Ren X., 2024), что обусловливает высокую социально-психологическую значимость их изучения и коррекции.

Актуальность исследования механизмов принятия решений в супружеских конфликтах определяется необходимостью разработки эффективных технологий профилактики и разрешения семейных кризисов в контексте восстановительного подхода и медиативных практик. Без целенаправленной психологической работы конфликты приобретают хронический характер, разрушают базовые психологические потребности личности (в признании достоинства, положительных эмоциях и

доверительном общении) и приводят к стойкой дезадаптации семейной системы (Сысенко В.А., 1983).

Большинство супругов не способны самостоятельно конструктивно разрешать возникающие противоречия. Ключевыми барьерами выступают искажённое восприятие партнёра, накопление неразрешённых эмоциональных травм и системные нарушения коммуникации. В условиях высокого эмоционального напряжения супруги часто прибегают к неосознаваемым защитным механизмам: избеганию обсуждения проблемы, взаимным обвинениям, эмоциональному шантажу или полному дистанцированию. Такие паттерны поведения способствуют эскалации конфликта и его переходу в хроническую форму, блокируя возможности рационального совместного принятия решений (Анцупов А.Я., Шипилов А.И., 2023; Гришина Н.В., 2008).

На механизмы и стратегии принятия решений в конфликтной ситуации оказывает влияние комплекс когнитивных, эмоциональных, мотивационных и личностных факторов. В рамках транзактной теории стресса и копинга Р. Лазаруса и С. Фолкман первичная когнитивная оценка ситуации как угрозы или вызова и вторичная оценка доступных ресурсов определяют выбор копинг-стратегий и поведенческих реакций (Лазарус Р., Фолкман С., 1984). Теории ограниченной рациональности Герберта Саймона и проспект-теория Даниэля Канемана и Амоса Тверски объясняют преобладание интуитивных эвристик, когнитивных искажений и эмоционально-ориентированных стратегий в условиях стресса и субъективной неопределённости (Корнилова Т.В., 2014). Модель К. Томаса — Р. Килманна выделяет пять основных стратегий поведения в конфликте (соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление), выбор которых опосредуется уровнем психологической устойчивости, предшествующим опытом взаимодействия и степенью ориентации на собственные либо партнёрские интересы (Сысенко В.А., 1983). В условиях тесной эмоциональной связи супружеской диады данные механизмы многократно усиливаются, что часто приводит к доминированию деструктивных форм разрешения противоречий.

Перспективным направлением трансформации деструктивных стратегий поведения супругов представляется внедрение восстановительного подхода, в частности технологии «Круги сообщества» в психологические практики. Важной особенностью данного формата является то, что круги проводятся не для изолированной супружеской пары, а для тех супругов из диады, которые готовы работать со специалистами в групповом формате. «Круги сообщества» в данном контексте рассчитаны на 7-8 человек. Данный метод представляет собой специально организованное безопасное пространство, в рамках которого участники получают возможность открыто

выразить переживания, услышать альтернативные точки зрения, осознать собственный вклад в развитие конфликта и совместно выработать конструктивные решения. «Круги сообщества» ориентированы на восстановление межличностных отношений, доверия и эмпатии. Участие в кругах способствует переходу от доминирующих деструктивных стратегий (избегание, соперничество) к конструктивным (сотрудничество, компромисс), повышению осознанности процессов принятия решений, снижению эмоционального напряжения и формированию новых адаптивных моделей коммуникации (Карнозова Л.М., 2014; Пранис К., 2009).

Таким образом, теоретический анализ свидетельствует о высоком потенциале восстановительного подхода в изменении психологических механизмов принятия решений супругами в конфликтной ситуации. Предполагается, что интеграция технологии «Круги сообщества» в практику семейного консультирования и медиации позволит не только эффективно разрешать актуальные противоречия, но и способствовать долгосрочным позитивным изменениям в семейной системе.

Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением эмпирического изучения эффективности «Кругов сообщества» в работе с людьми, заявляющими в качестве проблематики супружеские конфликты и невозможность разрешать их в конструктивном русле. Планируется анализ мотивов обращения супругов, динамики копинг-стратегий, а также факторов, определяющих сохранение мотивации людей к конструктивному взаимодействию.

Литература

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : учебник для вузов. – 8-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2023. – 560 с.

2. Гришина Н. В. Психология конфликта. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 544 с.

3. Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) : монография. – Москва: Проспект, 2014. – 264 с.

4. Пранис К., Стюарт Б., Уедж М. Круги примирения: от преступления к сообществу / пер. с англ. Н. С. Силкиной ; под ред. Р. Р. Максудова [и др.]. – Москва: Р. Валент, 2009. – 240 с.

5. Корнилова Т. В. Риск и принятие решений: психология неопределённости : монография. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. – 368 с.

6. Сысенко В. А. Супружеские конфликты. – Москва: Финансы и статистика, 1983. – 175 с.

7. Feng Z., Zhang C., Huang F., Hao J., Liu B., Sun H., Cheng N. Marital satisfaction and parental burnout: Longitudinal indirect effects of family emotional expressiveness // Journal of Marriage and Family. – 2026. – P. 1–18. – DOI: 10.1111/jomf.70076.

8. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. – New York : Springer Publishing Company, 1984. – 445 p.

9. Lee J., Sloan C. J., Fredman S. J., Fosco G. M. Interparental conflict spillover: Examining parental depression risk pathways // Journal of Family Psychology. – 2024. – Vol. 38, no. 8. – P. 1189–1200. – DOI: 10.1037/fam0001264.

10. Lee U., Kim Y., Park S. Destructive and constructive interparental conflict, parenting stress, unsupportive parenting, and children's insecurity: Examining short-term longitudinal dyadic spillover and crossover process // Behavioral Sciences. – 2024. – Vol. 14, no. 12. – Art. 1212. – DOI: 10.3390/bs14121212.

11. Lu B., Sun J., Sun F., Yang J., Chen B.-B. The association between marital satisfaction and parental burnout: A moderated mediation model of parents' and grandparents' coparenting // Journal of Child and Family Studies. – 2024. – Vol. 33, no. 4. – P. 1158–1171. – DOI: 10.1007/s10826-024-02804-3.

12. Morbech M., Sellers R., Gustavson K., Holt T. Interparental conflict and children's depressive and anxiety symptoms in four residence arrangements // Behavioral Sciences. – 2024. – Vol. 65, no. 5. – P. 355–380. – DOI: 10.1080/28375300.2024.2382991.

13. Ren X., Cai Y., Wang J., Chen O. A systematic review of parental burnout and related factors among parents // BMC Public Health. – 2024. – Vol. 24, no. 1. – Art. 376. – P. 1–15. – DOI: 10.1186/s12889-024-17829-y.

Восстановительная медиация как средство профилактики деструктивного поведения подростков в образовательной среде

Гущина И.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Буслаева Е.Л.

Проблема деструктивного поведения подростков в образовательной среде остаётся одной из наиболее острых в юридической психологии. Межличностные конфликты учащихся нередко перерастают в травлю, агрессию и правонарушения при отсутствии конструктивного разрешения

(Коновалов А.Ю., 2012). Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определяет профилактику как систему мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих правонарушениям несовершеннолетних. Концепция развития сети служб медиации (распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р) указывает на необходимость создания системы профилактики правонарушений среди детей и подростков с помощью медиативно-восстановительных технологий.

Традиционная модель реагирования на школьные конфликты остаётся карательной: вызов родителей, выговор, постановка на учёт. Такой подход не способствует осознанию причин произошедшего и формированию ответственности (Карнозова Л.М., 2014). Альтернативой выступает восстановительная медиация — организация диалога между сторонами конфликта при содействии нейтрального посредника, направленная на понимание последствий, заглаживание вреда и выработку совместных договорённостей (Коновалов А.Ю., 2012).

Е.Г. Пастухова подчёркивает, что медиация способствует формированию конфликтной компетентности — способности распознавать и разрешать противоречия конструктивным путём (Пастухова Е.Г., 2025). К.И. Черных обосновывает программу «Школа юного медиатора» на выборке подростков-сирот (Черных К.И., 2025). Данные по общеобразовательной школе, позволяющие оценить профилактический потенциал медиации в условиях массового образования, остаются дефицитарными.

Целью работы стала оценка профилактического потенциала восстановительной медиации в отношении деструктивных стратегий поведения подростков.

Исследование проведено на базе МБОУ Школа «Триумф» г. Химки. Выборку составили 40 обучающихся 8-х классов (14–15 лет). По тесту описания поведения в конфликте К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной) установлено преобладание деструктивных стратегий: избегание (M = 7,1), соперничество (M = 5,8), сотрудничество выражено минимально (M = 4,6). Лишь 7,5% подростков избирали сотрудничество, 35% ориентированы на избегание, 17,5% — на соперничество. Подростки с выраженными деструктивными стратегиями включены в экспериментальную группу (ЭГ, n = 16), а остальные — в контрольную (КГ, n = 24).

В ЭГ реализована авторская программа «Диалог» (8 занятий), построенная на технологиях восстановительного подхода: круги сообщества, элементы восстановительной медиации (ролевое проигрывание позиций

обидчика и пострадавшего, поиск решения, заглаживание вреда) и восстановительная беседа. Школьная служба примирения выступала организационной платформой реализации программы.

Контрольный этап (критерий Вилкоксона) показал достоверные сдвиги в ЭГ: соперничество снизилось с 7,4 до 4,9 ($p = 0,004$), избегание — с 8,3 до 5,8 ($p = 0,003$), сотрудничество выросло с 3,8 до 6,5 ($p = 0,002$), компромисс — с 5,6 до 7,1 ($p = 0,009$). Различия между ЭГ и КГ стали незначимыми (U-критерий Манна-Уитни, $p > 0,05$), что свидетельствует о выравнивании групп. В КГ значимых изменений не зафиксировано, подтверждая обусловленность динамики программой.

Соперничество и избегание устойчиво связываются с эскалацией конфликтов, буллингом и правонарушениями несовершеннолетних. Переход к сотрудничеству и компромиссу означает приобретение подростком ресурса для конструктивного разрешения противоречий, снижающего вероятность перерастания конфликта в деструктивные формы. Восстановительная медиация, реализуемая в рамках школьной службы примирения, выступает не только инструментом урегулирования конфликтов, но и средством первичной профилактики деструктивного поведения подростков.

Литература

1. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): монография. – Москва: Проспект, 2014. – 264 с.
2. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / под ред. Л.М. Карнозовой. – Москва: МОО «Судебно-правовая реформа», 2012. – 256 с.
3. Пастухова Е.Г. Восстановительная медиация с участием несовершеннолетних: сравнительный анализ программ по школьным конфликтам и уголовным делам // Психология и право. – 2025. – Т. 15. – № 3. – С. 122–145.
4. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации... : распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 июля 2014 г. № 1430-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 32. – Ст. 4557.
5. Черных К. И. Обоснование программы «Школа юного медиатора» с целью развития эмоционального интеллекта подростков-сирот // Межвузовская научно-практическая интернет-конференция по юридической психологии : сборник тезисов участников научно-практической интернет-

конференции по юридической психологии (15–23 мая 2025 года) / под редакцией А. А. Марголиса, Н. В. Дворянчикова, Н. В. Богданович [и др.] ; составитель О. Д. Гурина. – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, 2025. – С. 305–308.

Предпосылки построения восстановительной культуры в студенческой среде

Есипенко И.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Гурина О.Д.

В данном исследовании изучается применение восстановительных программ в высшем учебном заведении и их влияние на формирование, и построение восстановительной культуры в студенческой среде посредством опроса студентов-психологов и магистрантов Московского психолого-педагогического университета.

Актуальность темы исследования обусловлена совокупностью социальных, педагогических и управленческих вызовов, стоящих перед системой высшего образования в современном мире. В условиях увеличения социальной изоляции, цифровизации общения и усиления различных видов конфликтов (межличностных, межгрупповых, ценностных) студенческая среда начинает функционировать как маленькая модель общества. Информирование и обучение будущих специалистов навыкам мирного, конструктивного разрешения споров и восстановления нарушенных отношений способствует, в конечном итоге, развитию восстановительной культуры в студенческом сообществе.

Несмотря на растущий интерес к восстановительному подходу и медиации в целом, проблема целенаправленного формирования восстановительной культуры именно в студенческой среде изучена недостаточно. Так, отсутствует комплексное понимание системы предпосылок (организационных, психологических, ценностных), необходимых для того, чтобы восстановительные программы стали органичной частью жизни вузовского сообщества.

Цель нашей работы заключается в выявлении и описании предпосылок построения восстановительной культуры в студенческой среде.

Методами исследования, помимо теоретического анализа литературы, стали: тематический анализ материалов опроса экспертов-ведущих

восстановительных программ, анализ результатов опросов участников восстановительной программы «Круг сообщества».

В эмпирическом исследовании приняли участие 76 человек, из них 71 студент-психолог 1, 4 и 5 курсов обучения (в качестве участников восстановительной программы «Круг сообщества»), и 5 магистрантов 2 курса (в качестве ведущих восстановительной программы «Круг сообщества»). В качестве базы исследования был выбран Московский государственный психолого-педагогический университет. Исследование проводилось в период с октября 2025 года по март 2026 года среди отдельных групп студентов-психологов: 1 курса (24 человека, возраст от 17 до 20 лет), 4 курса (24 человека, возраст от 20 до 23 лет), 5 курса (23 человека, возраст от 21 до 24 лет), и магистрантов 2 курса программы подготовки: «Восстановительный подход и медиативные технологии в образовании и системе профилактики социальных рисков» (5 человек, возраст от 34 до 50 лет).

Восстановительные программы «Круг сообщества» были проведены разово в четырех группах в октябре – ноябре 2025 года, по итогам прохождения участники ответили на вопросы специально составленного опросника. Следует отметить, что студенты-психологи в рамках учебных программ ранее участвовали в тренингах в формате круга, но это были не восстановительные практики, т.е. на момент проведения исследования студенты не имели опыта участия в данной восстановительной программе. Кроме того, в данных программах принимали участие пять магистрантов 2 курса университета в качестве ведущих и волонтеров, опрос которых был проведен в марте 2026 года.

Результаты показали, что восстановительные программы действительно положительно воспринимаются большинством респондентов, могут применяться в качестве разрешения конфликтных ситуаций, обсуждения важных для студенческого сообщества тем (академическая честность, трудности в написании научных исследовательских работ, экзаменационный стресс и т.д.), а также в качестве профилактики и поддержки в определенных ситуациях (для адаптации первокурсников, формирования коллектива в академических группах и т.д.). Вместе с тем, исследованием были выявлены и признаки ограничения возможностей формирования восстановительной культуры в студенческой среде, такие как негативное отношение некоторых участников к Кругам сообщества, формальное использование восстановительных программ (проведение в формате круга) без понимания и реализации принципов восстановительного подхода, трудностей, связанных с организацией процесса, эмоциональной усталости ведущих, а также

сложностям, связанным с изменением уже устоявшихся традиций, правил и норм взаимодействия в учебной среде.

Включение восстановительных программ в учебные планы и внеучебную деятельность, поддержка процесса включения восстановительных программ в студенческую культуру со стороны администрации, разработка необходимой нормативной правовой базы, профессиональное информирование, обучение преподавательского состава и сотрудников восстановительному подходу и дальнейшее их методическое сопровождение, применение на постоянной основе восстановительных практик с участием в них студентов, могут оказать положительное воздействие на выявленные в ходе исследования ограничения.

На основе анализа опроса ведущих восстановительных программ было сформулировано понятие восстановительной культуры в студенческой среде как культуры взаимодействия, в которой ценности и практики восстановительного подхода становятся нормой повседневного общения. В такой культуре напряжение, конфликты и причинённый вред рассматриваются через призму восстановления отношений и коллективной ответственности, а не через логику наказания. Она основана на умении выстраивать здоровые и эмоционально устойчивые взаимоотношения, где главное — не кто прав, а что делать дальше. В восстановительной культуре каждый имеет право голоса, а ошибки воспринимаются не как приговор, а как возможность для исправления и восстановления отношений.

Основой для описания предпосылок построения восстановительной культуры в студенческой среде также стали ответы специалистов, непосредственно проводивших восстановительные программы и наблюдавших происходившие процессы и преобразования. Так, ключевыми предпосылками, способствующими построению и развитию восстановительной культуры в студенческой среде, по их мнению, могут быть:

Институциональная поддержка (интеграция в миссию ВУЗа и поддержка руководства, выделение ресурсов).

Сообщество и вовлеченность (активное студенческое участие, подготовка студентов-ведущих (медиаторов) восстановительных программ, вовлеченность всех сторон).

Образование и осведомленность (образовательные программы, информирование, культура диалога).

Практики и процессы (альтернативы дисциплинарным мерам, проактивные круги, поддержка после инцидента).

Ценности и среда (фокус на отношениях, безопасное пространство, признание разнообразия).

Оценка и развитие (обратная связь и адаптация, наблюдение долгосрочного эффекта).

Важно отметить, что восстановительную культуру в студенческой среде, как и в любой другой, невозможно построить одномоментно и через разовое проведение восстановительной программы. Для ее построения требуется последовательная, целенаправленная, ежедневная работа по развитию и интеграции ценностей восстановительного подхода в повседневную жизнь учебного заведения.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки программ развития студенческого самоуправления и корпоративной культуры учреждений высшего образования; в деятельности психологических и воспитательных служб высших учебных заведений; в учебных курсах по педагогике, конфликтологии и социальной работе; для создания и модернизации служб студенческой медиации.

Данное исследование позволило сделать небольшой шаг в направлении формулирования и описания предварительных условий, факторов, теоретических и практических оснований для формирования восстановительной культуры в студенческом сообществе как естественного, осознанного и гуманистического выбора.

Кроме того, наше исследование предлагает помимо публикации полученных результатов, еще и основу для размышлений о том, как восстановительные программы из своей непопулярности и малой востребованности могут перейти в мейнстрим в высших учебных заведениях, а также приглашает к продолжению исследования.

Развитие конфликтной компетентности подростков в условиях специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа посредством социально-психологического тренинга

Жодзишская Л.Н.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Подростки, находящиеся в условиях изоляции в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (СУВУ ЗТ), характеризуются

дефицитом конструктивных стратегий поведения в конфликтах, повышенной агрессивностью, искажённым восприятием оппонента (т.н. «образ врага») и низкой рефлексией собственных чувств. Исследователи в своих работах отмечают, что именно эти особенности приводят к эскалации конфликтов и затрудняют успешную интеграцию подростков в общество после освобождения (Гришина Н.В., 2019). Важную роль в вопросах социальной адаптации и ресоциализации подростков в условиях изоляции играет проблема развития их конфликтной компетентности. В отечественных и зарубежных исследованиях конфликтная компетентность рассматривается как интегральное качество личности, включающее понимание природы конфликта, осознание своих и чужих чувств и потребностей, а также владение стратегиями поведения и навыками диалога (Анцупов А.Я., Шипилов А.И., 2002; Петровская Л.А., 2007).

Исследователи (Коновалов А.Ю., 2014; Карнозова Л.М., 2014) предлагают использовать восстановительный подход как альтернативу карательной парадигме. Восстановительный подход в настоящем исследовании понимается не как набор процедур и техник, а как ценностно-мировоззренческая парадигма, ориентирующая на диалог, принятие ответственности и восстановление нарушенных связей. Цель настоящего исследования заключается в разработке и теоретическом обосновании социально-психологического тренинга (СПТ) развития конфликтной компетентности подростков в СУВУ ЗТ.

Исследование проводится на базе ФГБПОУ Щекинское СУВУ ЗТ. Выборку составили 40 подростков мужского пола в возрасте 14–17 лет, разделённых на экспериментальную группу (18 подростков) и контрольную группу (22 подростка). На констатирующем этапе использовались методика определения уровня конфликтоустойчивости, авторская анкета самооценки конфликтной компетентности, кейс-метод, анкета экспертного мнения для педагогов-психологов и качественный анализ рефлексивных высказываний участников социально-психологического тренинга. Первичная диагностика выявила низкий уровень конструктивных стратегий поведения в конфликте, преобладание соперничества и избегания, недостаточную рефлексию эмоциональных состояний.

Разработанный СПТ включает 6 занятий по 2 академических часа. Тематика занятий: природа конфликта и стратегии поведения (К.Томас), фильтры восприятия, техники «Я-сообщения» (М. Розенберг) и активного слушания, рефрейминг, лупинг, эмоциональная саморегуляция и определение эмоций (Р. Плутчик, П. Экман), теория потребностей (А. Маслоу) и интеграция навыков в кейсах, ролевых играх и рефлексивных кругах.

После завершения тренинга ожидается статистически значимое повышение показателей конфликтной компетентности в экспериментальной группе: увеличение уровня конфликтоустойчивости и доли конструктивных ответов, самооценки коммуникативных навыков и положительная динамика экспертных оценок поведения в конфликте.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. – Москва: Юнити-Дана, 2002. – 591 с.
2. Гришина Н.В. Психология конфликта. – 3-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2019. – 576 с.
3. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): монография. – Москва: Проспект, 2014. – 262 с.
4. Петровская Л.А. Общение – компетентность – тренинг: избранные труды. – Москва: Смысл, 2007. – 687 с.
5. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений. – Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. – 256 с.

Профессиональная мотивация педагогов общеобразовательного учреждения

Ильина М.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Буслаева Е.Л.

Современное состояние системы общего образования характеризуется устойчивым дисбалансом между возрастающими требованиями к профессиональной деятельности педагога (инновационный режим, цифровизация, отчётность) и фактическим уровнем его ресурсного обеспечения, включая психологическую поддержку. Эмпирические данные фиксируют рост профессионального выгорания, снижение внутренней мотивации и отток молодых кадров. В этой связи традиционные механизмы управления (преимущественно административно-стимулирующие) обнаруживают свою недостаточность (Воробьева М. А., 2016). Возникает научно-практический запрос на поиск инструментов, ориентированных не на

внешнее подкрепление, а на восстановление внутренней мотивационной структуры.

Анализируя содержательные и процессуальные теории мотивации А. Маслоу, Ф. Герцберга, В. Врум, Дж. Адамса, и теорию самодетерминации Э. Деси и Р. Райана можно сделать вывод о том, что устойчивая профессиональная мотивация актуализируется при удовлетворении трёх фундаментальных потребностей (Broek A.V., 2019): в автономии (способность действовать в соответствии с собственными ценностями), в компетентности (ощущение эффективности) и в причастности (социальная связь и признание).

Отечественные исследования В.Д. Шадрикова, А.К. Марковой дополняют эту модель пониманием мотивации как динамического образования, порождаемого самой профессиональной деятельностью и её социальным контекстом.

Обобщение данных по управлению общеобразовательными учреждениями позволяет констатировать: применяемые методы повышения мотивации (материальное стимулирование, аттестация, курсовая подготовка, конкурсы профмастерства) адресованы преимущественно внешнему, когнитивно-оценочному виду мотивации. При этом слабо задействованы механизмы удовлетворения потребности в автономии и подлинной причастности. Дисциплинарная практика (выговор, лишение премии) зачастую усиливает тревожность и блокирует инициативу, что противоречит задаче формирования внутренне мотивированного профессионального поведения. Выявлен дефицит управленческих инструментов, нацеленных на восстановление нарушенных внутриколлективных связей и эмоционального благополучия педагога (Львов С.В., 2015).

Восстановительный подход традиционно применялся в ювенальной юстиции и школьных службах примирения для урегулирования конфликтов с участием несовершеннолетних (Коновалов А.Ю, 2014). Однако его потенциал в управлении педагогическими коллективами оставался не изученным. Технологии восстановительного подхода (в частности, «Круг сообщества») могут быть эффективно использованы не только для разрешения конфликтов, но и для целенаправленного воздействия на профессиональную мотивацию педагогов. Этот подход переводит управленческое воздействие из логики «санкция — контроль» в логику «диалог — совместное принятие решения».

Процедура «Круга сообщества» включает следующие структурные элементы: пространственную организацию участников по кругу (символическое нивелирование иерархии), введение регулирующего символа слова (обеспечение очередности и равного права высказывания), нейтральную позицию хранителя круга (отказ от директивного управления), а также

фокусировку на эмоциональных состояниях и неудовлетворённых потребностях, а не на формальных нарушениях. Данная конфигурация коммуникации создаёт безопасную среду, в которой возможно вербализовать профессиональные затруднения, страхи и ожидания без риска санкций (Цунина О.В., 2020).

С позиций теории самодетерминации «Круг сообщества» адресно задействует все три базовых канала. Автономия реализуется через право добровольного участия и свободного высказывания, а также через принятие решений, инициированных самими педагогами (а не спущенных сверху). Компетентность восстанавливается в момент, когда учитель получает подтверждение от коллег, что его трудности типичны и преодолимы, а его опыт востребован. Причастность актуализируется через само переживание коллективного обсуждения и совместной выработки решений. В результате снижается уровень тревожности, преодолевается синдром выученной беспомощности, формируется ощущение контроля над профессиональной ситуацией, что является ключевым условием перехода от внешней мотивации к внутренней (Williams J., Forgasz H., 2009).

На основе анализа литературных источников и логического построения предложена модель включения восстановительных практик в систему управления школой:

- Диагностический этап: выявление профессиональных затруднений и точек коллективного напряжения.

- Организационный этап: подготовка модераторов из числа администрации или психологов (овладение фасилитацией «Круга»).

- Процедурный этап: проведение регулярных «Кругов» не только по факту конфликта, но в плановом порядке для рефлексии профессионального состояния и снятия накопленного стресса.

- Постпроцедурный этап: закрепление принятых решений (принцип добровольности исполнения), отслеживание изменений в мотивационной динамике.

Предлагаемый подход не заменяет, а дополняет существующие методы управления (Воробьева М. А., 2016). Его внедрение позволяет администрации образовательного учреждения перевести скрытое недовольство в конструктивное обсуждение без риска эскалации, снизить текучесть кадров за счёт роста эмоциональной привязанности к коллективу, восстановить инициативность педагогов, утраченную в условиях жёсткого регламентирования. Технология «Круга сообщества» рассматривается как инструмент профилактики профессионального выгорания и как канал

устойчивой обратной связи «учитель — руководство» (Чиркун О.В. и др., 2021).

Профессиональная мотивация педагога не сводится к сумме внешних стимулов. Её ядро составляют переживания автономии, компетентности и причастности. Восстановительные практики, в частности «Круг сообщества», обеспечивают управленческое воздействие именно на эти глубинные слои.

Таким образом, включение восстановительного подхода в арсенал администрации общеобразовательного учреждения представляет собой научно обоснованный и практически реализуемый способ повышения профессиональной мотивации педагогических кадров (Горбушина А.В., 2020), что подтверждается логикой теоретического анализа и данными смежных психолого-управленческих исследований.

Литература

1. Воробьёва М. А. Формирование системы мотивации педагогических работников // Педагогическое образование в России. – 2016. – №. 2. – С. 57-61.

2. Горбушина А.В., Корчагина Г.И. Закономерности изменения мотивации профессиональной деятельности педагогов // Психология. Журнал ВШЭ. – 2020. – Т. 17. – № 4. – С. 696-718. – DOI 10.17323/1813-8918-2020-4-696-718

3. Каитов А.П. Эволюция научных представлений о феномене профессиональной мотивации в зарубежных и отечественных исследованиях // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2022. – Т. 21. – № 2. – С. 9-24.

4. Коновалов А. Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / А. Ю. Коновалов; под общ. ред. Л. М. Карнозовой. — 2-е изд., дораб. — Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. — 306 с.

5. Львова С.В. Профессиональная мотивация педагогов образовательного учреждения // Системная психология и социология. – 2015. – №15. – № 3 (15). – С. 54–62.

6. Медиация: конструктор восстановительных программ: учеб. пособие / О. В. Чиркун [и др.]. – Ярославль : ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2021. – 50 с.

7. Цунина О. В. Восстановительные технологии в образовании : учеб.-метод. пособие. – Орёл : БУ ОО ДПО «Институт развития образования», 2020. – 76 с.

8. Broeck A.V., Carpini J.A., Diefendorff J.M. Work motivation: Where do the different perspectives lead us? / A. Van den Broeck [et al.] // The Oxford

Handbook of Human Motivation. – 2nd ed. – New York : Oxford University Press, 2019. – P. 507–524.

9. Williams J., Forgasz H. The motivations of career change students in teacher education // Asia-Pacific Journal of Teacher Education. – 2009. – Vol. 37. – № 1. – P. 95–108.

Роль кругов сообщества в реабилитации военнослужащих – инвалидов специальной военной операции

Ипатьева Е.О.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

В период специальной военной операции число военнослужащих, утративших здоровье в ходе боевых действий, существенно возросло. Отечественные исследователи фиксируют у значительной части ветеранов с инвалидностью так называемую стигматизированную идентичность: ограничения здоровья воспринимаются ими как главное содержание представлений о себе. Это блокирует возвращение к мирной жизни и снижает эффективность медицинских и социальных мер помощи (Караяни А.Г., 2014).

Сложившаяся практика реабилитации опирается прежде всего на лечение, протезирование и обеспечение средствами компенсации; социально-психологический контур восстановления при этом остаётся недостаточно проработанным. Цель исследования – оценить реабилитационный потенциал восстановительной программы «Круги сообщества» в работе с военнослужащими – инвалидами специальной военной операции и проверить её влияние на психоэмоциональное состояние, воспринимаемую социальную поддержку и жизнестойкость участников.

Методологической опорой для интегративной модели восстановления служит биопсихосоциальная модель. Согласно ей, реабилитация эффективна только при одновременной работе с телесным, психическим и социальным уровнями функционирования личности (Поддубный С.К., 2015). На социально-психологическом уровне особым ресурсом обладает восстановительный подход и его частный формат – круги сообщества. Изначально круги разрабатывались как альтернатива карательной модели правосудия (Зер Х., 2002), а в отечественной практике были адаптированы для

работы с уязвимыми группами (Карнозова Л.М., 2014; Коновалов А.Ю., 2014; Путинцева Н.В., 2021).

Специфика восстановительных программ заключается в том, что коррекционное воздействие выстраивается через горизонтальную групповую коммуникацию равных участников, где каждый одновременно является и адресатом, и источником помощи, а ведущий выполняет функцию хранителя структуры, а не эксперта. Круг сообщества – это структурированная групповая встреча, построенная на принципе горизонтальной коммуникации; её правила просты:

участники говорят по очереди, могут пропустить ход, соблюдают конфиденциальность;

позиции «эксперта» в круге нет (Путинцева Н.В., 2021).

В работе с ветеранами этот формат выполняет четыре реабилитационные функции. Первая – создание удерживающей среды, в которой можно безопасно говорить об опыте травмы и инвалидности. Вторая – восстановление референтной группы взамен утраченной после выхода из воинского коллектива. Третья – переход участника из позиции получателя помощи в позицию помогающего, обладающего собственным опытом. Четвёртая – дестигматизация через нормализацию переживаний и идентификацию с равными по травме.

Реабилитационный потенциал кругов проверялся в формирующем эксперименте. Исследование проводилось в Калининградской области с июня 2025 года по январь 2026 года на базе учреждений Министерства обороны Российской Федерации. В количественной части приняли участие 60 мужчин в возрасте от 20 до 50 лет с документально подтверждённой инвалидностью, полученной в ходе боевых действий. Применялись три методики: опросник «Самочувствие, активность, настроение» (Доскин В.А., 1973), шкала оценки собственного состояния Д. Макнера и Р. Кана в адаптации Е.А. Катуниной, тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой (Леонтьев Д.А., 2006). Программа включала шесть последовательных встреч в малых группах по четыре – шесть человек.

Контрольный срез показал положительную динамику по всем девяти показателям трёх методик; различия статистически значимы (t-критерий Стьюдента для связанных выборок, $p \leq 0{,}01$). Прирост по шкалам САН составил от 43,8 % (самочувствие) до 48,3 % (активность). Воспринимаемая социальная поддержка и принадлежность к группе выросли на 52,1 %. Общий показатель жизнестойкости увеличился на 31,7 % и вышел в нормативный диапазон. Наибольший эффект программа дала на социальном измерении восстановления – в восприятии поддержки и принадлежности к группе, что

согласуется с положением о ключевой роли референтной среды для реабилитации ветеранов боевых действий (Караяни Ю.М., 2016). Результаты тестов согласуются с данными формализованного наблюдения, что повышает внутреннюю валидность выводов.

Полученные данные позволяют рассматривать круги сообщества как самостоятельное звено комплексной реабилитации военнослужащих – инвалидов СВО. Такой формат дополняет медицинскую и индивидуальную психологическую помощь, но не заменяет её. Специфика круга – в том, что он восстанавливает социальный контекст жизни ветерана, ту удерживающую среду, которая разрушается при выходе из военной службы. Без неё возрастает риск длительной дезадаптации. Перспективное направление – встраивание кругов сообщества в работу реабилитационных центров и ветеранских организаций. Обязательные условия – добровольность участия, относительная однородность групп по характеру травмы и супервизия ведущих.

Литература

1. Доскин В.А., Лаврентьева Н.А., Мирошников М.П., Шарай В.Б. Тест дифференциальной самооценки функционального состояния // Вопросы психологии. – 1973. – № 6. – С. 141–146.

2. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание; пер. с англ. под ред. Л.М. Карнозовой. – Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.

3. Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Психологические последствия войны и социально-психологическая реадаптация участников боевых действий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2014. – Т. 7. – № 4. – С. 59–66.

4. Караяни Ю. М. Социально-психологическая реабилитация инвалидов боевых действий : диссертация ... доктора психологических наук : 19.00.05 / Караяни Юлия Михайловна ; [Место защиты: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова]. – Москва, 2016. – 343 с.

5. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): монография. – Москва: Проспект, 2014. – 264 с.

6. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практ. руководство / А.Ю. Коновалов; под общ. ред. Л.М. Карнозовой. – 2-е изд., доп. – Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. – 184 с.

7. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – Москва: Смысл, 2006. – 63 с.

8. Поддубный С.К., Куртев С.Г. Психология болезни и инвалидности: учебное пособие. – Омск: Изд-во СибГУФК, 2015. – 152 с.

9. Путинцева Н.В., Власова Н.В. Восстановительная программа «Круг сообщества» в профилактике девиантного поведения подростков в условиях ЦССВ // Вестник практической психологии образования. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 10–17.

Ценностная рефлексия практикующих психологов в контексте применения технологий восстановительного подхода

Кошкина Н.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)
Научный руководитель – Буслаева Е.Л.

В России в последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к профессии психолога (ВЦИОМ, 2025) и увеличение числа образовательных программ в области психологического консультирования и психотерапии (ВШЭ, 2025). Расширение рынка психологического образования сопровождается выраженной неоднородностью качества подготовки специалистов, что наблюдается и в части формирования профессионально-этической ответственности (Вербицкий А.А., Гильфантинова Д.Р., 2020). Данная проблема обретает особую актуальность в связи с тем, что этическая компетенция психолога выступает не дополнительным профессиональным качеством, а одним из обязательных требований к выпускникам профильных образовательных программ.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по направлениям психологической подготовки содержат требования, указывающие на необходимость обладания специалистом навыком соблюдать профессионально-этические нормы, учитывать последствия профессионального вмешательства, осуществлять деятельность в интересах клиента и соблюдать принципы ответственности и конфиденциальности (ФГОС, 2014). При этом в профессиональной подготовке психологов недостаточно разработаны форматы, ориентированные не только на ознакомление с этическими нормами, но и на развитие устойчивой способности к их рефлексивному осмыслению и практическому применению.

В современной психологической литературе подчеркивается, что профессиональная этика психолога не может рассматриваться лишь как совокупность формальных норм и правил. Этическая компетенция предполагает наличие развитой ценностно-смысловой сферы личности специалиста, способности к профессиональной рефлексии, а также готовности соотносить собственные действия с гуманистическими основаниями профессии (Армашова А. Б., 2018; Белобрыкина О. А., 2008; Тимофеева Т. С., 2019). Исследования профессиональных компетенций психологов показывают, что именно рефлексивные процессы обеспечивают возможность осознания профессиональной ответственности и этических последствий принимаемых решений (Гермогенова Л. Ю., Унарова С. Н., 2016).

Теоретической основой исследования выступают классические и современные подходы к проблеме рефлексии. В отечественной психологии рефлексия рассматривается как механизм осознания субъектом собственных оснований деятельности и отношений с миром. В культурно-исторической концепции Л. С. Выготского рефлексия связана с развитием высших психических функций и процессом опосредованного осознания. С. Л. Рубинштейн подчеркивал связь рефлексии с субъектностью и способностью человека выходить за пределы непосредственного действия. В деятельностном подходе А. Н. Леонтьева рефлексия рассматривается как условие осмысления мотивов и личностных смыслов деятельности. Г. П. Щедровицкий связывал рефлексию с анализом способов мышления и коллективной организации деятельности.

Современные исследования рефлексии отражены в работах А. В. Карпова, где рефлексивность рассматривается как системное свойство личности, обеспечивающее анализ и регуляцию собственной деятельности, а также в концепции В. И. Слободчикова, подчеркивающего субъектно-ценностный характер рефлексивных процессов. В контексте исследования особое значение приобретает связь рефлексии с ценностно-смысловой сферой личности. Теория базовых ценностей Ш. Шварца позволяет анализировать нормативные и гуманистические основания профессионального поведения (Карандашев В.Н., 2004).

Для практикующего психолога ценностная рефлексия представляет особую значимость, поскольку профессиональная деятельность осуществляется в пространстве сложных человеческих отношений, эмоциональной уязвимости клиента и высокой степени профессиональной ответственности. По мнению А. К. Марковой и Е. А. Климова, профессиональное развитие специалиста невозможно без постоянного осмысления собственных профессиональных действий и личностной позиции.

В исследованиях О. А. Сычёва и Е. Ю. Протасовой выделяется связь моральной идентичности, ценностных ориентаций и рефлексивных процессов с профессиональным поведением личности.

В рамках настоящего исследования выдвигается предположение о том, что развитие и поддержание этической компетенции практикующих психологов требует создания профессиональных форматов, направленных на развитие ценностной рефлексии. В качестве одного из возможных оснований такого формата рассматриваются технологии восстановительного подхода, в частности профилактические круги сообщества. Восстановительный подход ориентирован на диалог, признание субъектности участников, развитие ответственности и осмысление последствий собственных действий. Данные принципы создают условия для обсуждения профессионально сложных ситуаций, моральных дилемм и ценностных противоречий без экспертного давления и оценивания.

Эмпирическая часть исследования включает психодиагностический этап и проведение экспериментального профессионального формата – Этических мастерских, который основывается на технологии профилактических кругов сообщества. Формат включал четыре групповые встречи, направленные на развитие этической компетенции психологов посредством ценностной рефлексии. На первом этапе исследования использовалась методика диагностики рефлексивности А. В. Карпова, в результате которой были получены суммарные показатели уровня рефлексивности для всей выборки (n - 12). Среднее значение составило 134.70 балла при стандартном отклонении 8.55, медиана равна 135.00, минимальное значение – 114, максимальное – 144, что позволяет интерпретировать уровень рефлексивности в исследуемой выборке как средне-высокий. На последнем этапе исследования проводились глубинные интервью с участниками экспериментальной группы по итогу участия в профессиональном формате Этических Мастерских и тематический анализ. Предварительные результаты анализа позволяют выделить несколько направлений изменений, возникающих у участников в процессе групповой работы: углубление осознания профессиональной ответственности; повышение чувствительности к этическим аспектам взаимодействия с клиентом; переосмысление границ профессиональной ответственности; актуализация гуманистических ценностей как основания профессиональных решений; развитие способности рассматривать профессиональные ситуации с разных позиций.

Вместе с этим участники отмечали значимость безопасного профессионального пространства, возможности открытого обсуждения собственных сомнений и моральных трудностей, отсутствия оценивания и

иерархического давления. Вместе с этим анализ интервью показал, что именно коллективная форма направленной рефлексии, которая основывается на принципах восстановительного подхода, способствует более глубокому осмыслению профессионального опыта и собственных ценностных ориентаций деятельности.

Таким образом, проблема развития этической компетенции практикующих психологов может рассматриваться не только как задача передачи профессионально-этических норм, но и как задача формирования устойчивой способности к ценностной рефлексии. Профессиональные групповые форматы, основанные на технологиях восстановительного подхода, могут обладать значительным потенциалом для развития и поддержания этической ответственности специалистов.

Перспектива дальнейшего исследования связана с проведением повторного психодиагностического этапа, сопоставлением количественных и качественных данных, а также уточнением механизмов влияния направленной ценностной рефлексии на развитие этической компетенции практикующих психологов.

Литература

1. Армашова А. Б. Уровни этической зоркости психолога-консультанта и их детерминация // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2018. – № 5. – С. 62–66.

2. Белобрыкина О. А. Проблема этической состоятельности психолога как диагноста // Этические проблемы деятельности практического психолога : материалы науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 39–44.

3. Вербицкий А. А., Гильфантинова Д. Р. Проблема готовности психолога к профессиональной деятельности // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике : сб. науч. тр. – Москва : ПИ РАО, 2020. – С. 153–158.

4. Всероссийский центр общественного мнения (ВЦИОМ) : официальный сайт. – Москва. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke?ysclid=m9iose40w9933218997#_ftn1 (дата обращения: 06.04.2025).

5. Высшая школа экономики (ВШЭ) : официальный сайт. – Москва. – URL: https://www.hse.ru/ege2024-2/?ysclid=m9iqox17eo156623907 (дата обращения: 06.04.2025).

6. Гермогенова Л. Ю., Унарова С. Н. Исследование профессиональных компетенций психологов // Вестник СВФУ. Серия: Педагогика. Психология. Философия. – 2016. – № 3 (03). – С. 36–44.

7. Карандашев, В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — Санкт-Петербург : Речь, 2004. — 70 с.

8. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности : монография. – Москва : Институт психологии РАН, 2004. – 424 с.

9. Климов, Е.А. Пути в профессионализм (Психологический взгляд): учеб. пособие. – М.: Москов. психолого-социальный ин-тут: Флинта, 2003. – 320 с.

10. Маркова, А.К. Психология профессионализма. – М.: Знание, 1996. – 308 с.

11. Российская Федерация. Министерство образования и науки. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 37.03.01 Психология (уровень бакалавриата) : приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 946 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2026).

12. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология человека: Введение в психологию субъективности : учеб. пособие. – Москва : Школа-Пресс, 1995. – 384 с.

13. Сычев О. А., Протасова И. Н. Русскоязычная версия опросника моральной идентичности // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16. – № 4. – С. 204–218.

14. Тимофеева Т. С. Профессионально важные качества и компетенции в структуре профессиональной идентичности психолога // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7, № 5. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/79PSMN519.pdf (дата обращения: 08.05.2026).

15. Щедровицкий Г. П. Рефлексия и ее проблемы // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. – Москва : Школа культурной политики, 1995. – С. 484–495.

Распространение ценностей восстановительной культуры среди педагогов частной школы

Танчук В.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Гурина О.Д.

Развитие восстановительного подхода в российских образовательных организациях неразрывно связано с активным участием педагогов, которые находятся в постоянном взаимодействии с обучающимися. Качество взаимоотношений в системе «учитель — ученик» оказывает влияние не только на академическую успеваемость, но и на поведенческие паттерны обучающихся как в стенах школы, так и за её пределами.

Восстановительная культура в школе выступает важным инструментом профилактики конфликтных ситуаций и предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних.

В рамках реализации Распоряжения Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2023 г.№ 3233-р «О плане мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» предусмотрено развитие школьных служб примирения. Их деятельность направлена на: обеспечение безопасности обучающихся; профилактику правонарушений несовершеннолетних; внедрение восстановительных практик в образовательный процесс.

Реализация данной инициативы осуществляется силами педагогического коллектива образовательной организации (Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года, 2023).

Однако анализ текущей ситуации показывает, что во многих российских школах школьные службы примирения функционируют формально. Количество образовательных организаций, последовательно реализующих восстановительный подход на практике, существенно ниже. Это становится особенно очевидным в случаях эскалации конфликтов, выходящих за пределы образовательной организации. Подобная ситуация создаёт дополнительную нагрузку: на саму школу; на межведомственные структуры, к которым обращаются родители, не получившие адекватной помощи в школе.

Восстановительные ценности и их роль в образовательном процессе

Развитие ценностей восстановительной культуры в педагогическом коллективе может способствовать: укреплению восстановительных практик в

образовательных организациях; расширению ценностно-смысловой сферы личности обучающегося; восстановлению или установлению конструктивного взаимодействия с законными представителями обучающихся; улучшению взаимоотношений внутри педагогического коллектива.

Восстановительные ценности представляют собой систему норм, ценностей и практик, ориентированных на: восстановление нарушенных отношений; принятие ответственности за свои действия; учёт потребностей и нужд пострадавшего в конфликте лица; создание безопасной, развивающей и уважительной среды для всех участников образовательных отношений.

Теоретико-методологическую основу изучения восстановительных ценностей составляют работы отечественных и зарубежных исследователей, включая: Л. М. Карнозову; А. Ю. Коновалова; А. А. Пентина; Белинду Хопкинс; Нильса Кристи; Ховарда Зера и др.

Особого внимания заслуживает статья Е. П. Афанасьева и О. Д. Гуриной «Восстановительная культура взаимоотношений в школе: понятие и специфика» (Вестник практической психологии образования, 2025), в которой представлены результаты исследования, подтверждающие, что реализация восстановительных программ в школе создаёт предпосылки для формирования восстановительной культуры.

Эмпирическое исследование развития восстановительных ценностей в педагогическом коллективе

С учётом ключевой роли педагогического коллектива в реализации восстановительных ценностей было проведено качественное исследование процесса их развития.

База исследования: частная школа города Иркутска.

Цель исследования: развитие ценностей восстановительной культуры в педагогическом коллективе частной школы.

Период проведения: сентябрь 2025 года — май 2026 года.

Участники: педагоги школы в возрасте от 20 до 70 лет (средний возраст — 40 лет).

Методы исследования: анализ интервью; анализ проведённой восстановительной работы; наблюдение (ведение дневника наблюдений); диагностика изменений в межличностных отношениях внутри коллектива.

Применяемые восстановительные программы и технологии: «Круг сообщества» с педагогическим коллективом; восстановительная медиация; консультирование педагогов по вопросам восстановительного подхода; обучение педагогов основам восстановительного подхода.

Анализ полученных данных позволил выявить следующие тенденции:

1. Большинство педагогов отметили улучшение взаимоотношений в педагогическом коллективе.

2. Зафиксировано изменение отношения педагогов к сложным и конфликтным ситуациям в классе.

3. Педагоги начали применять техники восстановительного подхода во взаимодействии с родителями обучающихся, что позволило снизить количество конфликтных ситуаций.

4. Несмотря на наличие отдельных педагогов, демонстрирующих сопротивление внедрению восстановительных практик, общий вектор развития коллектива направлен на принятие восстановительных ценностей.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что систематическая реализация восстановительных программ способствует формированию восстановительной культуры в педагогическом коллективе и повышению эффективности образовательного процесса в целом.

Литература

1. Афанасьев Е. П., Гурина О. Д. Восстановительная культура взаимоотношений в школе: понятие и специфика // Вестник практической психологии образования. – 2025. – Т. 22. – № 4. – С. 115–127.

2. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2023 г. № 3233-р. – Доступ из СПС «Гарант».

Восстановительный подход в технологии социального театра при работе с травлей

Чехина И.С.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Бусыгина Н.П.

В современном мире травля является одной из самых острых проблем. Само понятие «травля» перешло в разряд часто упоминаемых и цитируемых в новостях, в объяснениях случаев насилия и агрессии подростков в образовательных организациях, все чаще в обращениях и жалобах родителей звучит «травля» и «буллинг». Как социальное явление «травля» не является новым феноменом. Д. Ольвеус разработал ролевую модель травли, подробно

раскрыв основные роли и участников этого явления. Исследования показывают, что ключевую роль в устойчивости травли играют наблюдатели — их пассивность легитимизирует насилие (Olweus D., 1993; Кривцова С.В., 2011).

Профилактика травли требует не только коррекции поведения агрессора и жертвы, но и изменения групповых норм – перевода наблюдателей в позицию защитников. Эту задачу решает восстановительная программа «Круг сообщества» (Максудов Р. Р., 2009). В 2024 году вышли методические рекомендации Министерства просвещения (Письмо Минпросвещения, 2024), которые включают в профилактику травли использование медиативных технологий.

Социальный театр доказал свою эффективность как инструмент эмоционального включения подростков в социально значимые темы (Boal A., 2008; Кокоулина Ю. Б., 2018), однако включение восстановительного подхода в технологию социального театра ранее не рассматривали. Восстановительный подход предлагает инструменты для работы с групповой динамикой и формирования ответственности (Зер Х., 2002; Максудов Р. Р., 2012), но его применение в структуре социального театра методически не разработано.

Ограничение социального театра — риск «катарсиса без действия»: сильные эмоции не переводятся в реальные изменения поведения. Восстановительный подход (круги сообщества, медиативные вопросы) предлагает инструменты для формирования ответственности, но имеет высокий порог входа: в ситуации застарелой травли стороны часто отказываются от диалога. Проблема: что даёт их интеграция?

Метод: Исследование основано на анализе двух кейсов: 1) застарелая травля в колледже (16 студентов); 2) острый конфликт с угрозами в 8-м классе школы (15 учеников). В каждом кейсе реализована интегративная модель «Социальный театр + Круг сообщества».

Для работы со случаями были выбрана форма социального театра «Форум-театр» (Форум-театр для чайников: как создать спектакль форум-театра, 2019) и восстановительная программа Круг сообщества. Для анализа проведенных программ использовался метод кейс-стади, метод включенного наблюдения и рефлексивные дневники волонтеров театра и волонтеров Круга.

Форум театр включал основные роли: Жертва, Агрессор, Подпевалы, Наблюдатели. Не было роли Защитника.

После всех этапов показа социального театра: показ, обсуждения, отыгровки, интервью, проводился Круг сообщества. Волонтеры театра выступали одновременно и волонтерами Круга.

Соединение двух технологий дало следующие эффекты:

Первое. Круг структурирует рефлексию. В социальном театре обсуждение остаётся на уровне «надо помогать». В круге участники последовательно переходят от ценностей к личному опыту и к конкретным обязательствам. В кейсе № 1 принято 9 пунктов договорённостей. В кейсе № 2 — большинство участников изменили отношения к жертве, 4 мальчика-лидера публично поддержали жертву и при этом зачинщик сменил позицию.

Второе. Круг переводит действие из игровой плоскости («как если бы» на сцене) в реальную («я готов» в круге). Публичный характер обязательств создаёт механизм социального контроля. Например, в одном из эпизодов Кейса № 1, участник обоснованно выражал осуждение позицией наблюдателя в спектакле. Но на круге вдруг случилось осознание, что сам он тоже находится в позиции наблюдателя: «Я не знаю, что там происходит. Какие-то девчачьи разборки». И после вопроса ведущего круга, о том, почему ему не понравилась роль наблюдателя на показе, он замирает и после паузы говорит: «Мне надо очень о многом теперь подумать». Этот эпизод наглядно показывает, что на показе, даже при участии в отыгровках, зритель все еще выдает «правильную модель поведения» никак не связывая увиденную ситуацию с той жизненной ситуацией, в которой оказался сам. И только Круг дал возможность осознать, что внутри группы происходит нечто, что внутри группы те же роли, которые были показаны на сцене и что сами они, играют эти роли, которые при наблюдении со стороны вызывали протест. На отыгровках кейса № 1 одна из зрительниц плакала и на Круге сказала открыто «Меня травят в этой группе. Открыто. Мне страшно сюда приходить. Мне страшно каждый день заходить в класс». Подобная открытая позиция стала возможна, благодаря эмоциональному воздействию театра. И впоследствии девушка признавалась, что ее потрясли отыгровки. Она увидела, как ее обидчики выходили на сцену и показывали правильное поведение, как они прекращают травлю, как они внимательны к жертве, сострадательны, поддерживают и утешают. Разница между тем, что они демонстрировали и тем, что она видела и чувствовала по отношению к себе стали той точкой, после которой она решилась на круге поднять тему травли в группе.

Третье. Круг дает возможность рассмотреть групповые нормы, принятые в группе, обсудить их через диалог, без обвинений. В кейсе № 2 зафиксирован «эффект смены референтной группы»: главный агрессор публично поддержал жертву, когда понял, что иначе окажется в изоляции от новой, доминирующей коалиции защитников.

Четвёртое. Спектакль преодолевает порог входа круга. В обоих кейсах круг был проведён без предварительных встреч, поскольку спектакль легитимизировал тему и снял защитные механизмы. Как отметили волонтёры:

«обсуждение в театре, отыгровки, фаза «интервью с героями и потом с волонтерами» сняло какие-то барьеры, и круг пошёл сразу очень доверительно».

Выводы. Интеграция восстановительного подхода в технологию социального театра позволяет преодолеть ограничения каждой из практик, взятых по отдельности. Предложенная модель доказала свою эффективность в работе с травлей в двух различных контекстах (колледж / школа, застарелая травля / острый конфликт).

Литература

1. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ. ; под ред. Л. М. Карнозовой. – Москва : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.
2. Кокоулина Ю.Б. Социальный театр: предпосылки явления, технология реализации и ее этапы, формы воплощения // Сибирский филологический форум. – 2018. – № 3. – С. 73 – 86.
3. Кривцова С. В. Буллинг в школе vs сплоченность неравнодушных: организационная культура ОУ для решения проблем дисциплины и противостояния насилию. – Москва : ФИРО, 2011. – 119 с.
4. Максудов Р. Р. Восстановительная медиация: идея и технология. — Москва: Институт права и публичной политики, 2009. — 72 с.
5. Российская Федерация. Министерство просвещения. О направлении информации : письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 20 декабря 2024 г. № 07-6170 : (вместе с «Алгоритмом действий советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями при поступлении обращения по факту травли в общеобразовательной организации») // Министерство просвещения Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://edu.gov.ru (дата обращения: 02.03.2026).
6. Форум-театр для чайников: как создать спектакль форум-театра. – Москва : Центр толерантности, 2019. – 56 с.
7. Boal A. Theatre of the Oppressed. – New ed. – London : Pluto Press, 2008. – 184 p.
8. Olweus D. Bullying at School: What We Know and What We Can Do. — Oxford: Blackwell Publishing, 1993. — 140 p.

Межвузовская научно-практическая конференция
по юридической психологии
Сборник тезисов участников научно-практической
интернет-конференции по юридической психологии

Компьютерная верстка – *О.Д. Гурина*

Подписано в печать: 10.06.26. Формат: 60x84/16.
Гарнитура «Times». Усл. печ.п. 18,8. Усл.-изд. л. 19,2.
Электронное издание.

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29